

ISSN 2522-1787

*Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка*

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 9

Донецк – 2020

Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 9

Донецк – 2020

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**.

Ответственный секретарь – к. филол. наук **Н.В. Гладкая**

Члены редколлегии: д-р филол. наук, проф. **В. В. Фёдоров** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **В.И. Мозговой** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **А.Н. Стебунова** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **М.Г. Евсеева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **М.Н. Панчехина** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **Л.Т. Сенчина** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. д-р филол. наук, проф. **В. М. Калинин** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»); **А. Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет»).

Editorial Board:

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**.

Executive Secretary – Candidate of Philology **N.V. Gladkaya**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philology, Prof. **V. V. Fedorov** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. A. Yaroshenko** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **V.I.Mozgovi** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **A.N.Stebunova** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M.G.Jevseeva** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M.N.Panchekhina** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **L.T.Senchina** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **V.M. Kalinkin** (Donetsk National Medical University of Maxim Gorky); Doctor of Philology, Prof. **A.L. Factorovitch** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation); Doctor of Philology, Professor **V.I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University, Russian Federation)

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Протокол № 2 от 06.03.2020 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2020

Лексикология и стилистика

81'373.211.1

Ю.П. Брайловская

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»

ГИДРОНИМЫ ЛУГАНСКА (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

В статье рассматриваются лексико-семантические аспекты наименований гидронимов города Луганска, с целью установления общих признаков семантики собственных и общих названий водных объектов.

Ключевые слова: гидронимика, гидроним, топонимика, ономастика, семантика, река, пруд, ручей, отстойник, озеро

Актуальность выбранной темы заключается в том, что гидронимика Луганщины тесно связана с историей родного края: гидронимы отражают природно-географические, этнические, культурные особенности, связаны с именами первопоселенцев, поэтому всестороннее их изучение в историческом, семантическом аспекте, выявление социолингвистических факторов, которыми обусловлены номинации гидронимов, способствуют более полному и качественному описанию гидронимии Луганска с целью наполнения новым содержанием лингвокраеведения.

Исследователи, ранее обращавшиеся к изучению гидронимов, ставили своей задачей определение количественного состава водных объектов, составление соответствующих каталогов, эпизодическое (выборочное) описание гидронимов преимущественно в семантическом аспекте.

Объектом настоящей работы является изучение гидронимов города Луганска, а **предметом** – лексико-семантические типы гидронимов.

Основной **целью** исследования является выявление, описание, классификация названий водных объектов города Луганска, анализ их структурно-семантических особенностей, установление связи гидронимов с историей края.

В контексте достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

1. Описать систему наименований гидрообъектов.
2. Выявить лексико-семантический принцип номинации гидронимов Луганска.

Современная наука уделяет особое внимание вопросам топонимики – разделу ономастики, который изучает топонимы как имена собственные в аспекте их происхождения, строения, классификации. Определенную часть топонимов составляют гидронимы. Гидронимы (от греч. hydros — вода) – собственные названия объектов гидрографии: морей, рек, озер, колодцев, водохранилищ, каналов и т.п [2].

В состав гидронимов входят:

а) лимнонимы (греч. Limne – озеро) – названия озер, под которыми понимаются водоем, образовавшийся на поверхности суши в природном углублении [6] (например, озеро Большое (СЛ), Лебединое (Луг.);

в) потамонимы (греч. Potamos – река) – названия рек, под которыми понимают водные потоки, текущие постоянно или большую часть времени года по поверхности суши, питающиеся стоком атмосферных осадков со своего водосбора в разработанных ими долинах (например, реки Лугань, Ольховка (Луг), Комышеваха, Северский Донец (СВ)) [6].

г) гелонимы (греч. Helos – болото) – названия болот, заболоченных местностей, под которыми понимается участок ландшафта, характеризующийся избыточным увлажнением, влаголюбивым живым напочвенным покровом (например, Жабьи болота (Луг.)) [6].

Изучением гидронимов Луганска и Луганской области занимались в процессе исследования топонимов такие ученые, как Высоцкий В.И. («Исторические аспекты топонимов Луганщины»), Шевцова В.А. («Топонимия Луганщины»), З.Т. Франко («Грамаатична будова гідронімів».)

Так как гидронимика является частью топонимики можно предположить, что общие принципы анализа гидронимов подпадают под систему принципов анализа топонимов, хоть и имеют свои особенности.

Гидронимия – это совокупность названий водных объектов [7]. Она включает названия ряда мало похожих друг на друга объектов, которые характеризует наличие в них воды: моря, заливы, проливы, порты, бухты, лиманы, болота, солончаки, озёра, реки, ручьи, источники, колодцы, водопады, водохранилища. Само различие в качестве этих объектов позволяет реке и находящемуся на ней водопаду или озеру не иметь одинаковых названий.

Издавна городские поселения возникали по берегам рек и озер, которые служили источником водоснабжения, а зачастую удобным транспортным путем.

К водным объектам, расположенным в городской черте, относятся поверхностные водные объекты: водотоки, водоемы и подземные воды. Территория, сток с которой формирует водный объект, называется водосборной площадью. Водотоки подразделяются на реки, каналы, ручьи; водоемы — на озера, водохранилища, пруды.

На территории города Луганска находятся относительно небольшое количество водных объектов: реки – 3, озеро – 1, пруды – 3, болото – 1, отстойники – 3, ручей – 1.

К сожалению, на карте Луганска нет ни одного названия канала, колодца, источника, которые составляют неотъемлемую часть водных ресурсов края.

Формирование гидронимных наименований – процесс, который происходит в двух направлениях: естественное осмысление, или простое переосмысление наименования; искусственное осмысление, т.е. придумывание для водного объекта специального наименования.

Естественное осмысление, в свою очередь, возможно двумя путями: семантическая деривация (специализация слова на названии водного объекта: плотина, водокачка); субстантивация (пруд, находящийся около школы, - школьный пруд; Школьный).

А.И. Бровец, В.И. Теркулов в ходе описания диффузного региолекта указывают на необходимость разграничения типов деривации по тому, каким образом осуществляется процесс создания новых номинативных единиц: семантической деривации и универбализации [4]. Семантическая деривация сопряжена с метонимическими образованиями (перенос по смежности) и универбализацией (трансформация словосочетания в слово, например, субстантивация).

Семантическая деривация формируется на основе лексикализации, когда новые номинативные единицы образуются в результате семантических сдвигов, замены актуализированных сем слова семами, являющимися онтологическими конструктами концепта, связанного с обозначенным глоссой референтом [4].

В пределах семантической и универбализационной деривации выделяются модели онимизации, лексико-семантическая классификация которых может быть представлена следующим образом:

1) гидронимы, отражающие физико-географические свойства объекта, т.е. названия, характеризующие его размер, форму, расположение на местности:

2) гидронимы, отражающие особенности окружающей среды, т.е. названия, указывающие на животный и растительный мир;

3) гидронимы, связанные с жизнедеятельностью населения. В данную группу включаем и названия, в состав которых вошли этнонимы и антропонимы [3].

Чрезвычайную актуальность приобретают исследования процесса апеллятивации гидронимов в нарицательные существительные и прилагательные), имеющего ряд специфических особенностей.

Использование элементов лексико-семантического анализа позволяет установить языковую принадлежность гидронимической единицы, степень ее грамматической приспособленности в гидронимической системе региона.

А.И. Бровец, В.И. Теркулов выделяют следующие типы переносов, формирующих эпидигматику регионализмов:

-метонимический перенос;

-универбализация и ее виды:

а) универбация;

б) субстантивация;

в) композиция [4].

Поскольку гидронимы являются единицами языка, были использованы собственно лексико-семантический анализ, формантный, способствующий выявлению осмысления названий. Осмысление может быть естественным, когда происходит простое переосмысление наименования, которое может быть реализовано двумя путями: простая семантическая деривация (для гидронимов – это только специализация слова на названии водного объекта. Обычно это перенос по смежности – метонимия) и универбализация (трансформация словосочетания в слово).

Использование элементов лексико-семантического анализа позволяет установить языковую принадлежность гидронимической единицы, степень ее грамматической приспособленности в гидронимической системе региона.

Нами были использованы собственно лексико-семантический анализ и формантный, способствующий выявлению осмысления названий.

Нами были обнаружены следующие пути формирования наименований в системе гидрообъектов Луганска:

Естественное осмысление:

- субстантивация:

-название гидронимов, отражающих физико-географические свойства: (расположение на местности):

Река:

Северский Донец (внутренняя форма реки связана с расположением истоков). Мотивирующим гидронима послужили: имя существительное Дон + уменьшительный суффикс –ец → Донец + прилагательное северский → Северский Донец.

Ручей:

Ваушинский (находится на территории Луганского высшего военного авиационного училища штурманов название от населенного пункта (ВВАУШ)). Мотивирующим гидронима послужили: аббревиатура ВВАУШ с усечением основы «вауш» + суффикс инск(ий) → Ваушинский.

- Название гидронимов, отражающих особенности окружающей среды (растительный мир):

Ольховка (свое наименование река получила от названия дерева – Ольхи, вид данного дерева растет по ее берегам). Мотивирующим гидронима послужило имя существительные (субстантивированное существительное) Ольховая+ суффикс -к- → Ольховка.

Лугань (внутренняя форма реки связано с местной флорой. Название гидронима в одних источниках происходит от слова «луг» (река имеет широкую луговую пойму) [1]). Мотивирующим гидронима послужили: имя существительное Луг + суффикс –ань → Лугань.

- *Название гидронимов, отражающих особенности окружающей среды (животный мир):*

Озеро:

- **Лебединое** (внутренняя форма гидронима связано с наименованием фауны, раньше в пруду жили лебеди). Мотивирующим гидронимом послужило имя существительное лебедь+ суффикс ин (ое) – Лебединое.

- *название гидронимов, отражающих физико-географические свойства (форма)*

Пруд:

Восьмерка (Свое название пруд получил от формы в виде цифры восемь). Мотивирующим гидронима послужили: имя существительное восемь + суффикс –ерк → Восьмерка.

Универбация:

- *название гидронимов, отражающих физико-географические свойства (расположение на местности):*

Болото:

Залесное (находится за территорией восточных кварталов города Луганска, официального обозначения на карте не имеет. Местные жители называют его «Залесным», т.к. находится далеко за лесополосой). Мотивирующим гидронима послужили: имя существительное Лес + приставка за + суффикс н →Залесное.

Отстойники:

- *название гидронимов, отражающих особенности окружающей среды (животный мир):*

Отстойник отработанной воды ЦОФ «Луганская» **Трехглазик**. Гидроним находится на территории поселка Юбилейный в черте города. Местные жители рассказывают, что когда-то подростки поймали в этом гидрообъекте рыбу, у которой было три глаза. Мотивирующим гидронима послужили: имя числительное «трех» + существительное «глаз» + суффикс ик → Трехглазик.

Жабьи бани – два отстойника, которые находятся за территорией квартала Восточный города Луганска. Официального обозначения на картах города и интернета не имеют. Внутренняя форма гидронима связано с местной фауной: в отстойнике живет большое количество жаб, которые в теплое время года вылезают наружу). Мотивирующим гидронима послужили: имя прилагательное «жабьи» + существительное «бани» → жабьи бани.

Искусственное осмысление:

- *название гидронимов, отражающих физико-географические свойства (форма, качество):*

Пруд:

- **Луганское море**. Внутренняя форма гидронима Луганское море связано с характерными признаками водного объекта: свое название пруд получил от размера и цвета воды. Мотивом наименования послужило словосочетание Луганское море, состоящие из прилагательного со значением принадлежности территории его расположения и существительного.

Субстантивация:

- *название гидронимов, связанные с жизнедеятельностью населения:*

Пруд:

- **Безумный** (на территории данного пруда когда-то находился дом умалишенных, по словам местных жителей, безумные люди гуляли по данной территории).

Внутренняя форма гидронима Безумный связано с наименованием территории (Мотивом наименования послужил аппелятив имя прилагательное Безумный.

- *название гидронимов, отражающих физико-географические свойства (расположение)*

Ручей:

- **Луганчик.** Внутренняя форма гидронима Луганчик связано с названием реки Лугань. Мотивирующим гидронимов послужило имя существительное Лугань+ суффикс чик – Луганчик.

В процессе сбора и классификации гидронимов города Луганска можно сделать вывод, что все названия водных объектов города Луганска были мотивированы собственно гидронимическими названиями (реки, притоки) и названиями-аппелятивами со значением флоры, фауны, а также связанные с территорией их расположения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы/ В. И. Абаев – Москва, 1965 г
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская – 1978.- 200 с.
3. Сорокина С.Н. Угорские гидронимы Среднего Приобья (Семантика и структура): Монография. — Нижневартовск: Изд-во Нижневартгуманит. ун-та, 2009 — 175 с.
4. Теркулов В.И., Н.П. Курмакаева Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева – Донецк: Издательство ООО "НПП" Фолиант", 2018. – 265 с.
5. Шевцова В.А. Топонімія Луганщини: Матеріали до спецкурсу / В.А. Шевцова – Луганськ, 2000. - с. 74.

Электронные ресурсы

6. Ономастика [Электронный ресурс] – Режим доступа:<https://ru.wikipedia.org/wiki/>
7. Свободная энциклопедия Википедия [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://ru.wikipedia.org/wiki>

Yu. P. Brajlovskaya

HYDRONYMS OF LUGANSK (GENERAL CHARACTERISTIC)

The article considers the lexical-semantic, word-formation aspects of the names of the hydronyms of the city of Lugansk, with the aim of establishing common signs of the semantics of proper and common names of water bodies.

Key words: *hydronymics, hydronym, toponymy, onomastics, semantics, river, pond, stream, sedimentation tank, lake.*

Поступила в редакцию 10.02. 2020 г.

**ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

В данной статье проанализированы пословицы и поговорки русского языка, отражающие гендерные стереотипы как национально специфичные представления о мужчине и женщине, их взаимоотношениях и социальных ролях. Паремии наглядно демонстрируют представление людей о мужчине и женщине как о части их языковой картины мира. На материале русских пословиц и поговорок показано зачастую негативное, предвзятое отношение к женщине.

Ключевые слова: гендер, стереотип, паремии, пословицы и поговорки.

Пословицы и поговорки, недаром названные «кладезем народной мудрости», на протяжении многих лет привлекают внимание деятелей различных областей общественной жизни: писатели активно используют их в своих текстах, а также пишут произведения по их мотивам; художники создают картины, навеянные моралью, которая таится в пословицах и поговорках; а начиная с XIX – XX веков пословицами и поговорками крайне заинтересовались ученые – лингвисты и фольклористы – так как природа их крайне неоднозначна.

Интерес ученых к пословицам и поговоркам понятен, ведь они представляют собой сложные образования, которые имеют несколько планов. Во-первых, это единицы фразеологии, характеризующиеся устойчивостью и идиоматичностью; во-вторых, это образные и лаконичные единицы фольклора, которые являются результатом коллективного опыта и коллективного мышления; а в-третьих, это специфические способы языковой репрезентации осмысления мира.

В современном языкознании несомненно то, что язык и культура находятся в тесной взаимосвязи. Как известно, каждый язык неотделим от культуры, которая составляет его содержательный аспект; язык не только отражает современную культуру, но и фиксирует ее предыдущие состояния и передает ее ценности от поколения к поколению. При этом надо учитывать, что культуры разнообразны и что социальное и речевое поведение очень изменчивы. В каждой культуре существуют свои собственные правила ведения разговора, тесно связанные с культурно-обусловленными способами мышления и поведения, так как человек с момента рождения пребывает в определенной жизненной среде и находится с ней в постоянном взаимодействии.

Поэтому в последнее время паремии как единицы фольклора привлекли внимание относительно молодой науки – гендерной лингвистики. Такое пристальное внимание к пословицам и поговоркам очевидно, так как именно в устном народном творчестве наиболее ярко и наглядно проявляется гендерный аспект.

Гендерные исследования – это новое направление российской гуманитарной науки, которое в данный момент еще находится в процессе становления. Специфика отражения гендерных различий в языке и культуре является одним из наиболее быстро развивающихся современных направлений научных исследований. Особый интерес у исследователей вызывают вопросы, связанные с представлениями о мужском и женском в сознании представителей различных лингвокультур и способы актуализации этих представлений в языках.

Важную роль в развитии и поддержании гендерной системы играет сознание людей. Построение гендерного сознания происходит через распространение и поддержание

социальных и культурных стереотипов, норм и предписаний, за нарушение которых общество наказывает людей, например, используя такие выражения как «мужеподобная баба» или «мужик, а ведет себя как баба». В процессе воспитания семья, система образования и культура в целом укореняют в сознании людей гендерные нормы, выстраивают определенные правила и нормы поведения и создают образ «настоящего мужчины» и «настоящей женщины». Впоследствии эти гендерные нормы поддерживаются с помощью социальных и культурных механизмов, например, стереотипов.

Стереотипы являются отражением национально-культурного характера и помогают человеку упорядочить многообразие мира в своем представлении. На протяжении жизни человек постоянно имеет дело с различного рода стереотипами. Гендерные стереотипы – это обобщенные представления и убеждения о поведении мужчины и женщины, которые сформировались и закрепились в культуре.

Паремиология показательна с точки зрения культурных стереотипов, которые на протяжении веков фиксировались в языке. Наше внимание привлекли пословицы и поговорки русского языка о женщине, а именно место женщины в обществе по сравнению с мужчиной.

Все проанализированные нами паремии были объединены в тематические группы, основными из которых являются:

1. супружество (взаимоотношения мужа и жены, ведение семейного хозяйства, нрав жены, главенство мужа);
2. девичество, статус невесты;
3. материнство;
4. качества женской личности (характер, ум, внешность, хозяйственность);
5. социальные роли.

Примечательно, что во всех группах, обозначенных выше, за исключением тематической группы, куда входят паремии о материнстве, господствует андроцентричный взгляд, то есть отражение мужской картины. Именно поэтому мужчина как адресат или адресант преобладает над женщиной в количественном плане. Женщина в основном представлена как объект: *Бог бабу отнимет, так девку даст. Баба не гусли – поиграв, на стенку не повесишь.*

Также довольно часто выражается неполная принадлежность женщины к категории «человек», сравнение женщины с животным: *Курица не птица, баба не человек. Хоть жена, хоть коза, лишь бы золотые рога.*

К женщине обращены высказывания, имеющие предписывающий характер: *Не хлопочи, когда нет ничего в печи.* А противопоставление «мужское – женское» в пословицах и поговорках носит окраску «правильное – неправильное»: *Муж пашет, а жена пляшет.*

Ответственность за поведение женщины возлагается на мужчину как на главу семьи. Даже если муж и жена совершают некий отрицательный поступок, то проступок женщины в паремиях русского языка коннотатирован более негативно: *Ты от жены на пядень, а уж она от тебя на сажень. Муж за рюмочку, а жена за стаканчик.*

Но модель поведения, названная выше, предусматривает и соответствующие правила поведения для мужчины, так как именно муж подает отрицательный пример своей жене. То есть в русских пословицах и поговорках заявлено не только право мужа главенствовать, но и его обязанность брать на себя ответственность.

Справедливо отметить, что в тематической группе «Супружество» (как одной из самых больших по количественному наполнению паремиями) большое количество пословиц делает акцент на важной роли женщины в семье. И несмотря на то, что нами был обнаружен ряд пословиц, представляющих женщину человеком не в полной мере, мы

выявили высказывания такого же порядка, адресованные мужчине: *Не женат - не человек. Холостой - полчеловека.*

Учитывая то, что на мужа как на главу семьи возложена большая ответственность, в пословицах русского языка резко осуждается безнравственность и распущенность мужчины: *У кого на уме молитва да пост, а у него бабий хвост.*

В пословицах и поговорках русского языка отражена не только зависимость жены от мужа, но и наоборот: *Мужик без бабы пуце малых деток сирота. Муж возом не навозит, что жена горшком наносит.* Особенно это относится к супругам преклонного возраста: *Рассыпался бы дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка. Бабушка неможет, дед семь лет костей не гложет.*

Следует обратить внимание и на то, старой женщине, а также вдове отведено важное место. Примечательно, что вдовство воспринималось как явление некоего рода отрицательное, таким, собственно, было и отношение к вдове. Считалось, что вдовы, у которых нет помощи, которые лишены поддержки со стороны мужчин, живут в крайне бедственном положении, испытывая острую нужду. Вдову в русских паремиях наделяли такими качествами, как бедность, жадность, беспомощность, незащищенность, ранимость и, с другой стороны, склонность к приукрашиванию реальности. Очень часто пословицы подразумевают то, что вдову всегда оговорают и осудят: *Вдова – мирской человек. Шей, вдова, широки рукава, было б куда класть небылые слова. Не купи у попа лошади, не бери у вдовы дочери.*

«Семейные отношения» – категория пословиц, в которых образ женщины раскрывается наиболее полно. Мать выступает как символ положительного, она защищает, заботится, оберегает. И отношение к ней уже значительно другое. В первую очередь к данной группе относятся пословицы, характеризующие женщину как мать, ответственную за правильное воспитание детей как будущую опору родителей: *Какова матка, таковы и детки. Без матки пчелки — пропащие детки. Нет милее дружка, чем родная матушка.*

Примечательно, что нет ни одной пословицы, где у матери усматриваются стереотипные женские черты: сварливость, глупость, болтливость и «неправильность» в целом.

Здесь можно подчеркнуть паремии, по своему содержанию схожие с теми, где которых говорится о значимости сыновей как главных помощников отца; в них, в месте с тем, нет прямого указания на то, кому из родителей важна помощь дочерей, но не поддается сомнению то, что девушки тоже, в первую очередь, должны были содействовать в устройстве быта и ценились именно за свое трудолюбие: *Не та родна дочь, что бежит от дела прочь, а та дочь родна, что на всякой работе видна.*

Можно предположить, что существенное количество пословиц были составлены мужчинами, поэтому так полно и образно представлен взгляд и осознание роли женщины в отношениях с мужчиной, качества, которыми должна обладать девушка, чтобы быть хорошей женой, а также указана несомненное зависимое положение женщины по отношению к мужчине. Несостоятельность незамужней женщины показана на примере образов девки (то есть девушки, которая еще не вышла замуж) и вдовы, которые в пословицах представлены в отрицательном свете и наделены эпитетами, явно умаляющими их роль и значение: *Бедуют в поле горох да репа, в свете — вдова да девка.*

Пословицы выражают мысль, укоренившуюся в сознании народа в то время, о что замужество является единственно возможным путем существования женщины.

Если посмотреть на замужество в общих чертах, то, в большинстве случаев, оно окрашено в минорные тона: ведь замужество – это необходимость и приобретение хотя бы минимальной защищенности, которую до брака женщина не имеет. Преобладает образ

неволи, скованности, но и сострадания: *Покроют головушку, наложат заботушку. Как наденут венец - всему конец.*

Между девичеством и замужеством проведена четкая грань, так как это две абсолютно разные ступени, которые женщина проходит на своем жизненном пути. Часто замужество воспринимается как неизбежное бремя, но в то же время и как необходимое преобразование: *После Покрова не будешь такова.*

Не следует упускать из вида, что, безусловно, на возникновение пословиц этой группы оказал влияние и коллективный опыт, в соответствии с которым замужество – это разлука с родными и тяжелый домашний труд.

Рассуждая о положении женщины в семье, разные составители пословиц и поговорок, однако, расходились во мнении и выдвигали на передний план различные немаловажные и весомые свойства супруги, из-за чего в изображении образа жены в разных единицах языка заметны существенные расхождения. Так, одни пословицы выступают за добропорядочность женщины как залог успеха ее супруга: *Доброю женою и муж честен.*

И в то же время другие утверждают, что в отношениях с мужем женщина должна превыше всего ставить его удобство, благополучие, благоустроенность, жертвуя при этом собой, отказываясь от личных интересов и желаний: *Жена, ты любить не люби, а поглядывай!*

Кроме того, жена должна полностью слушаться супруга, а любое ее волеизъявление видится как первопричина проблем в семейных отношениях: *Жена верховодит — так муж по соседям бродит.*

Примечательно, что тема супружеской измены проявляется в основном в пословицах, характеризующих женщину; моралистическое предупреждение о том, что измена неразумна, делается только в адрес женщины, а о крайней любвеобильности мужчины говорится с некой иронией, и ни о каком нравственном поучении нет и речи: *Чужого мужа полюбить — себя погубить. Любил Татьяну - ел сметану, а Марию полюбил - сметану позабыл.*

Также значительное количество пословиц и поговорок сообщают о жизни девушки до брака. В таких пословицах говорится о том, как важно для девушки иметь возлюбленного, жениха, который станет впоследствии мужем, и о поисках суженого: *Хмелинушка тычинки ищет, а девица — парня.*

В данной группе также появляется мотив «жертвенности»: девушка показывает стремление пойти на любые жертвы, если это будет нужно, ради благополучия своего любимого: *Ради милого и себя не жаль. Для милого не жаль потерять и многого.*

В целом среди паремий насчитывается малое количество единиц, в которых говорится об отношениях мужчины и женщины вне брака: во-первых, пословица является жанром поучительным, направляющим поведение человека в то или иное русло, во-вторых, в рассмотренный исторический период важным было понятие чести и достоинства девушки, поэтому отношения с мужчиной могли быть только в браке.

К другим сферам общественной жизни женщина не имела доступа, поэтому она была вовлечена исключительно в хозяйскую деятельность. Обустройство семейного быта было главной женской обязанностью, поэтому девочек с раннего детства приучали к труду, чтобы ко времени замужества девушка могла уже самостоятельно вести хозяйство в новой семье: *Девку веретено одеваает.*

Исходя из этого, в жены брали девушек домашние, трудолюбивые; ленивые девушки порицались, им в пример ставились старательные хозяйки: *Выбирай жену не в хороводе, а в огороде. У ленивой пряжи и про себя нет рубахи.*

Мужчина также принимал участие в поддержании хозяйства, выполнял свои, мужские, обязанности, был главою, но именно на женщине держался весь дом: *Муж задурит — половина двора горит, а жена задурит — и весь дом сгорит.*

В пословицах русского языка показано также и то, что жена в любой ситуации думает о своем хозяйстве: *Пусти бабу в рай, она и корову за собой ведет.* Иногда эта хозяйственность выливается в бессмысленные хлопоты, которые женщина сама себе создает: *Не знала баба горя, купила баба порося.* И мужчина очень часто не хочет иметь с женщиной дела, как раз из-за ее суетливости: *Баба с воза – кобыле легче. Кто с бабой свяжется – сам баба будет.*

Несмотря на то, что внешняя привлекательность женщины в русском фольклоре в общем признается важной и необходимой характеристикой, в семейной жизни красота отходит на задний план, так как более важным признается умение жены грамотно вести домашнее хозяйство: *Не будь красна и румяна, а чтобы по двору прошла да кур сочла.*

Однако в то же время выделяются и пословицы, в которых благовидность хозяйки даже «способствует» процветанию ее хозяйства: *Хозяйка красна — и каша вкусна.*

Важную роль играет возраст женщины: значительно число паремий, представляющих молодую девушку, особенно в роли невесты. И ценными качествами представительниц женского пола, в большей степени молодых незамужних девушек, признавались скромность, беспрекословное послушание мужчины, отца и жениха, будущего супруга, а также покорность: *Смиренье — девичье ожерелье. Девичье терпенье — жемчужно ожерелье.*

И если до брака девушка отличалась своим скромным характером и смирением, то уже после замужества проявляется такая черта характера как бесстыдство: *Девичий стыд до порога, а переступила, так и забыла. В чем деду стыд, в том бабе смех.*

Особое внимание в пословицах уделяется оценке умственных способностей женщины. В пословицах, созданных до XIX века, рисуется следующая картина: признается то, что женщина имеет некие умственные способности, но проявлять их не следует, до тех пор, пока они не касаются основной, хозяйственной, деятельности: *Чего девушка не знает, то ее и красит. Добрая кума живет и без ума.*

Более того, говорится о примитивности женского времяпровождения, не требующего никакой умственной деятельности, являющимся, в большинстве, механическим выполнением каких-либо действий, развлекательного по своей простоте: *Орехи — девичьи потехи.*

В качестве защиты женщины и ее частичного оправдания в пословицах указано другое качество, заменяющее женщине ум — сообразительность, способность принять правильное решение, найти выход из любой ситуации: *Девка ничего не знает, а все разумеет.*

Если некоторое проявление ума у женщины и допускалось, то оно рассматривалось в сравнении с интеллектуальными способностями мужчины, к тому же женский ум явно проигрывал в своей силе: *Делано на девочку, а поворочено на мальчика.*

Совершенно иное представление о женском уме складывается в пословицах, составленных в XX столетии. В них утверждается способность женщины свободно мыслить и ставится в один ряд с внешней привлекательностью: *И красавице ум не помеха.*

Говоря о характере женщины, в паремиях отражен вздорный и непредсказуемый нрав: *Смирен топор, да веретено бодливо. Баба да бес – один у них вес.*

Не всегда женщина рассматривается как слабое существо. Физическая слабость женщины в пословицах практически не показана. Наоборот, женщины проявляют свою силу воли и решительность наперекор попыткам мужчин противостоять этому: *С хватом баба хоть на медведя. Где черт не сумеет, туда бабу пошлет.*

Много пословиц посвящено любви женщины поговорить. Примечательно, что процессу женского говорения приписывается малая ценность: *Бабий кадык не заткнешь ни пирогом, ни рукавицей. Где баба, там рынок, где две, там базар.* Сочетание слов женщина / баба и говорить практически не встречается. Женщины брешут, метут языком, бредят, талдычат, врут, сплетничают: *Не утерпела баба, провралась!*

Часто женщины бывают сварливы, и их речи носят отрицательный характер: *Женская лесть без зубов, а с костями сгложет. У злой Натальи все люди каналы.*

В случае какой-либо неурядицы женщина реагирует на это слезами, на что у мужчин отрицательная реакция: *Без плачу у бабы дело не спорится. У баб да у пьяных слезы дешевы.*

Также очень часто в паремиях можно услышать и о женской хитрости: *У бабы семьдесят две увертки в день. Кто бабе поверит, трех дней не проживет.*

Таким образом, концепция принижения образа женщины в русском фольклоре доказывается на материале пословиц и поговорок. Их анализ свидетельствует о том, что место женщины в обществе достаточно незначительное, а область деятельности ограничена. Не стоит упускать из виду и положительные качества женщины – ее бережливость и хозяйственность, народ признает, что именно женщина является поручителем мира и благополучия в семье. Также в русских паремиях отмечается болтливость женщины, иногда ее вздорный или злобный характер, но высоко ценится ее доброта, красота, ум, верность. В пословицах обсуждается необходимость женитьбы, вопросы семейной верности и взаимоотношения супругов. Анализ приведенных пословиц и поговорок позволяет сделать вывод, что образ женщины достаточно сложен и противоречив. Но русской женщине не присуща слабость и беспомощность. Скорее речь идет о соразмерном сочетании мужских и женских качеств, решительности и проявлении своей воли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – Спб.: Авалонь, Азбука – классика, 2008. – 304 с.
2. Данис А. О структуре пословицы / А. Данис // Паремииологический сборник. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1955.
3. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1991. – 534 с.
4. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты /А. В. Кирилина. — М.: Институт социологии РАН, 1999. — 189 с.
5. Тарланов, З. К. Русские пословицы: синтаксис и Поэтика / З.К. Тарланов. – Петрозаводск: ПГУ. – 1999. – 448 с.
6. Фалоджу Дж. О. Облик женщины в русских пословицах и поговорках: взгляд иностранца / Дж.О. Фалоджу // Филологические науки. – 2014. – №7. – С. 117 – 119

Е.А. Bychkova

GENDER STEREOTYPES IN PROVERBS AND SAYINGS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

This article analyzes the proverbs and sayings of the Russian language, reflecting gender stereotypes as nationally specific ideas about a man and a woman, their relationships and social roles. Paremiias clearly demonstrate the idea of people about a man and a woman as part of their linguistic picture of the world. The material of Russian proverbs and sayings shows a negative, biased attitude towards a woman.

Key words: *gender, stereotype, paremia, proverbs and sayings.*

Поступила в редакцию 24.02.2020 г.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СМС-СООБЩЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ СМС-СООБЩЕНИЙ СТУДЕНТОВ)

В статье анализируются особенности СМС-сообщений как особого жанра письменной речевой культуры русского языка в аспекте изучения речевого поведения языковой личности донецких студентов. Актуальность исследования СМС-сообщений как новой, устно-письменной разновидности обусловлена стремительным развитием языка СМС, который затрагивает многие аспекты повседневной жизни. Также определены синтаксические и словообразовательные особенности СМС-сообщений.

Ключевые слова: СМС, студенты, коммуникация, словообразование, жаргон, суффикс.

С развитием информационных технологий, появлением сети Интернет, сотовых телефонов, смартфонов, компьютеров, планшетов письменная форма языка в особенности претерпевает крупные изменения. Особую актуальность приобретает изучение особенностей СМС-сообщений на примере речевой культуры донецких студентов, которые и послужили темой данной статьи.

SMS (Short Message Service) – это услуга пересылки коротких сообщений, позволяющая посылать и принимать текстовые сообщения с использованием мобильного телефона [4]. Особой популярностью СМС пользуется в студенческой среде. Поэтому в качестве источника языкового материала для лингвистического исследования послужили тексты СМС-сообщений, предоставленные донецкими студентами.

Помимо непосредственно устного общения и традиционного (бумажного) письма, существует множество форм электронной коммуникации: *e-mail (электронная почта)*, *icq*, *Skype*, *мобильный телефон*, *социальные сети в Интернете*, *сайты знакомств*, *мобильные чаты на телевидении и др.*

СМС отличается от других вариантов электронного общения следующим:

1. **Наглядность.** Информация представлена в виде текста, состоящего из алфавитно-цифровых символов, которые максимально доступны для восприятия, имеют высокую степень наглядности и унифицированности. Единственным препятствием для получения информации, переданной посредством СМС, является степень владения адресатом тем или иным языком. Немец и француз не смогут общаться должным образом, если будут писать сообщения на своем языке, учитывая тот факт, что ни тот, ни другой не владеют языком собеседника. Несмотря на это, данную проблему в настоящее время можно решить с помощью других средств, например, с помощью смайлов. Однако неоспоримым преимуществом текстового сообщения является точная передача информации сложного содержания: номер телефона, формула, номер счета, адрес сайта, расписание движения поездов, цитата, паспортные данные — всё то, что тяжело запомнить на слух.

2. **Сжатость.** Максимальный размер сообщения - до 160 символов. Это предполагает определенные неудобства, связанные с ограниченным количеством передаваемого текста, поэтому участники СМС-обмена сталкиваются с извечной проблемой: количество-качество, передача максимального количества информации в

ограниченном (сжатом) объеме, причем качество передаваемой информации должно быть доступным для понимания. Если есть необходимость в передаче точного и подробного, понятного для всех читающих сообщения, то не получится передать его сжато, и оно будет занимать достаточно много информационного пространства. Например, подробная инструкция по пользованию телевизором, описывающая всевозможные режимы работы устройства и способы управления им. Или список покупок, полученный в виде трех СМС сообщений от родителей. Если попытаться сжать это же количество информации (уменьшить в пространстве), есть вероятность, что тот, кому адресовано это сообщение, не поймет сути послания. Инструкция будет кратко написана на одном листе бумаги. Родители сократят каждое слово в списке покупок так, что невозможно будет понять, что они имели в виду. Однако такая ограниченность имеет и положительные стороны: СМС-сообщение зачастую несет конкретную информацию по конкретной теме, исключая определенные этикетные формы, правила орфографии и пунктуации. Цель – передача максимального количества понятной информации.

3. Оперативность. Скорость доставки сообщения очень высокая (зависит от оборудования оператора сотовой связи), а, учитывая тот факт, что телефон мобильный и он всегда находится под рукой, то процесс обмена сообщениями представляет собой некий беззвучный разговор. Участники общения знают, что их сообщение доставлено. Можно отправить сообщение на выключенный или находящийся вне зоны действия сети телефон. Как только адресат появится в сети, он получит сообщение. Если отправитель получает уведомление о доставке, то таким образом можно определить момент появления в сети получателя. Есть возможность отправить сообщение абоненту, который в данный момент занят разговором, чтобы по окончании беседы он получил информацию.

4. Конфиденциальность. Сообщения, которые приходят на мобильный телефон, максимально защищены от прочтения другими лицами. Связано это с тем, что мобильный телефон в большинстве случаев находится при его владельце. Разговор, который ведется посредством СМС тоже достаточно сложно «подслушать» или прочитать, так как экраны мобильных телефонов малы, поэтому сообщение доступно только для адресата. Но в последнее время стали распространены программы по перехвату сообщений с чужих мобильных телефонов (СМС-перехватчики). Работают они следующим образом: на мобильный телефон устанавливается программа, позволяющая принимать сообщение параллельно с человеком, которому адресовано СМС. Получатель сообщения не знает, что его СМС приняты кем-то еще. При наличии таких программ нельзя говорить о конфиденциальности данного канала связи [3, с.96]

5. Удобство приема. СМС-сообщения можно принимать в любой ситуации: сидя на паре, разговаривая по телефону, отдыхая дома. Даже если адресат не прочитал сообщение сразу, то оно сохранится в памяти мобильного телефона.

СМС-общение представляет собой разговор, который, исходя из специфики приема сообщений (сигнал о приеме сообщения может подаваться бесшумно за счет вибрации мобильного телефона или световой индикации), ведется при помощи текста, набираемого участниками общения.

6. Мобильность. СМС можно принимать и отправлять в любой точке мира. Система приема-передачи сообщений настроена на определенный СМС-центр, который прописывается при активации SIM-карты. Для того чтобы работать с сообщениями, необходимо иметь при себе мобильный телефон и положительный баланс на счете. Участник общения может находиться в любой точке мира и быть уверен, что даже если кто-то не знает его местоположения, то сообщение до него обязательно дойдет, так как оно отсылается на конкретный номер телефона, который всегда с собой. Если абонент сменил номер, то он может активировать услугу переадресации, когда все сигналы, посылаемые на его старый номер телефона, автоматически переадресовываются на его

текущий номер.

7. **Доступность.** Сотовый телефон является на сегодняшний день большинство сотовых телефонов имеют функцию отправки и приема СМС. Препятствием для общения посредством СМС могут быть лишь разряженный аккумулятор сотового телефона, отсутствие сигнала сотовой связи, недостаточное количество средств на балансе абонента. В последнем случае есть возможность передачи сообщений в кредит или только приём сообщения, так как прием СМС бесплатный.

8. **Особая форма СМС.** Будучи вариантом письменной речи, СМС обладают определенным форматом, который довлеет над автором сообщения (размер и форма букв, графические ограничения, расположение текста на странице и т.д.). Пользователи мобильной связи часто стараются выйти за пределы формата сообщения, то есть посредством символов, воспроизводимых сотовым телефоном, передают больше информации, чем это может позволить СМС. Имеются в виду эмоции, картинки, рисунки, эмоционально-экспрессивное маркирование текста. Все это делается посредством латиницы, кириллицы, десяти цифр (0-9) и знаков препинания (двоеточие, запятая, точка, тире, точка с запятой, кавычки, скобки).

Для синтаксического и пунктуационного уровней СМС-общения характерна тенденция к аграмматизму, т. е. отклонению от синтаксических и пунктуационных норм литературного языка со стороны говорящего или пишущего. Это связано с тем, что предоставляемые коммуникационные ресурсы нормируются либо временем, отведенным на коммуникацию, либо предельно допустимым объемом текста.

7. Аграмматизм в СМС проявляется чаще всего в недостаточной или неверной расстановке знаков препинания и значительно реже — в рассогласовании, нарушении формально-синтаксической связи между частями высказывания (анаклуфах) и различного рода обрывах: «Привет как дела чё делаешь?», «Знаешь а может прогуляемся?», «Он наверное скоро закончится», «валюха давай встретимся ни когда ни поздно». Пунктуационный аграмматизм выражается, прежде всего, в пропуске знаков препинания (что можно объяснить как невнимательностью коммуникантов, так и пренебрежением правилами) [4, с.21].

. Однако аграмматизм не всегда является доказательством безграмотности автора, а следствием непринужденности общения.

Анализируя предложения с точки зрения цели высказывания, можно отметить, что присутствуют все их виды: повествовательные, вопросительные, побудительные. Наиболее характерными особенностями СМС-коммуникации в синтаксическом аспекте являются следующие:

1) употребление односоставных и неполных предложений (*Готовь ужин. Вечером. Давай быстрее. Завтра снег. Буду скучать. Созвонимся.*);

2) преобладание простых предложений (*Ты сегодня будешь? Че говоришь? Я за тебя рада! Приходи*);

3) частое использование побудительных, вопросительных и восклицательных предложений (*Мы где встречаемся? Беги домой! Возьми трубку! Как дела? Я сг не придю! Дождись меня сегодня! Удачи!*).

Анализ синтаксических особенностей текстов СМС-сообщений также показал, что их отправители зачастую не используют знаки препинания при написании текстов, поэтому СМС-сообщения иногда невозможно понять без определенного контекста.

Так как СМС-сообщения обладают особенностями устно-письменной речи, большинство предложений в текстах эмоционально маркированы. В СМС-сообщениях встречается достаточно много (38%) восклицательных предложений. Они являются показателями того, что СМС-коммуникация представляет собой живой разговор, что также подтверждается обилием нечлененых восклицательных междометных

предложений.

Для СМС-общения характерны лексические новообразования, т.к. этот вид коммуникации представляет собой диалогическую речь на письме, поэтому можно говорить, что новые слова образуются и довольно быстро входят в лексикон абонентов сотовой связи. В СМС-общении распространен морфологический способ словообразования существующих с помощью морфологического способа словообразования образуются такие лексические единицы, которые являются новыми во всех отношениях. Этим объясняется тот факт, что данный способ словообразования является наиболее продуктивным и творческим [5, с.71].

Основные типы морфологического способа словообразования, существующие сейчас в русском языке, — сложение, аффиксация, безаффиксный способ, обратное словообразование и аббревиация. Все эти способы словообразования, включая подавляющее большинство их частных разновидностей, представляют собой явление исторически устойчивое и столь же в своем существе характерны для словообразовательной системы русского языка предшествующих периодов его развития, сколь и для современного его состояния. Используются они и в СМС-коммуникации.

Сложение представляет собой образование нового слова путем объединения в одно словесное целое двух и более основ (пароход, тепловоз, книгопродавец).

Сложение как один из способов морфологического словообразования не является одинаково продуктивным в пополнении словаря русского языка различными категориями слов.

Другие типы морфологического способа словообразования, такие как аффиксация и аббревиация встречаются гораздо чаще в СМС-портале.

Аффиксация - это создание нового слова посредством присоединения к основе образующего слова или к слову в целом тех или иных аффиксов. Аффиксальный способ словообразования является самым продуктивным и богатым видом словопроизводства.

Суффиксальный способ словообразования — образование нового слова посредством присоединения к производящей основе суффикса.

Префиксальный способ словообразования — образование нового слова посредством присоединения к целому слову префикса.

Суффиксально-префиксальный (циркумфлексный) способ словообразования — производство нового слова (от образующей основы или образующего слова в целом) путем одновременного присоединения приставки и суффикса, выступающих как единое деривационное целое, которое можно назвать циркумфиксом [5, с.45].

Абоненты сотовой связи (авторы СМС) образуют новые слова путем аффиксации.

Например, слово *смсить* образовано суффиксацией. От слова СМС, означающего предмет действительности, а именно короткое сообщение на мобильный телефон, было образовано слово *смсить*, означающее процесс СМС-общения. От этого же слова образовались *отсмсить*, *пересмсить* и т.д. Также от слова СМС было образовано суффиксацией и слово *смска*, означающее короткое текстовое сообщение.

Большой интерес представляют формулы речевого этикета. Для языка СМС характерна стилизация под разговорную речь, просторечную речь, что обусловлено характером данного общения, в частности его диалогической направленностью. Для приветствия в СМС-сообщениях используются такие слова, как *приветище*, *приветик*, которые образованы от слова *привет* суффиксальным способом.

Аббревиацией и аффиксацией образованы формы приветствия и прощания: *здрямки*, *даровки*, *фсем здям*, *поки*. Например, слово *даровки* образовано от лексемы *здорово*, являющейся приветствием, носящим разговорный характер. Окказионализм *даровки* образован от узуального просторечного слова *здорово* путем усечения начального элемента производящей основы -з и присоединением суффикса -к-, который носит

разговорную окраску.

В студенческой среде учебные дисциплины очень часто называют не официально (культура письменной речи, синтаксис современного русского языка), а используют жаргонизмы и аббревиацию. Например, слова, встречающиеся в СМС: *античка* (античная литература), *литвед* (литературоведение), *РЯКР* (русский язык и культура речи), *СРЯ* (современный русский язык).

Аббревиация представляет собой образование новых слов с помощью сокращений, причем может происходить сокращение не только конца основы слова, но также его начала и середины.

Несмотря на то, что аббревиация является непродуктивным способом словообразования, в СМС-текстах можно встретить очень много слов, образованных таким способом. Это связано с тем, что абоненты сотовой связи стараются экономить место в текстах. Приведем некоторые примеры:

1. Инэт - *Интернет*.

2. Тел – *телефон*.

3. Литра – *литература*.

4. В SMS-портале можно встретить и другие общепринятые сокращения и аббревиатуры: стр (*страница*), вкл (*включительно, включить*), мин (*минута, минимум*), упр (*упражнение*), фр (*французский*), рус (*русский*), след (*следующий*), гл (*глава*), сек (*секунда*), англ (*английский*), ул (*улица*).

Также используются и другие сокращения. Они употребляются для экономии текста в поле SMS и являются индивидуальными для каждого абонента сотовой связи. Инициальное значение этих сокращенных слов можно либо угадать, либо вывести из контекста; кот - *который*, добр — *доброе утро*, др — *день рождения*, пж — *пожалуйста*, мож — *может*, вых – *выходной* и т.д.

Отправители текстов исследованных нами СМС активно пользуются молодежным жаргоном как явные представители молодежной среды (студенты донецких вузов). Так, глаголы в молодежном жаргоне образуются по стилистически нейтральным моделям, активно функционирующим и в литературно-книжном языке. Вместе с тем такие особенности молодежного жаргона, как зависимость от ситуации, автоматизм, неофициальность общения во многом определяют тот факт, что для образования глаголов в речи молодежи характерна прежде всего свобода функционирования разнообразных словообразовательных моделей и активное взаимодействие различных способов и словообразовательных типов. В качестве экспрессивных словообразовательных средств в молодежном жаргоне активно функционируют суффиксы -ну-, -ану-, вносящие в семантику глагола значение однократного действия (суффикс -ану- также вносит значение особой интенсивности, неожиданности действия). Эти суффиксы придают глаголу «ингерентную» экспрессивность, которая не зависит от условий контекста или ситуации, а внутренне присуща данному слову во всех случаях его употребления.

Глаголы с названными суффиксами производятся от глаголов несовершенного вида, обычно обозначающих действия, состоящие из нескольких однородных актов: звякать (*говорить*) — звякнуть (*сказать*), зависать (*отдыхать, проводить где-то время*) — зависнуть (*отдохнуть, провести где-то время*). Кроме того, при образовании глаголов с суффиксом -ну- (-ану-) в молодежном жаргоне обнаруживается ряд особенностей, образование от глаголов, семантически не типичных для данного словообразовательного типа. Например, от глаголов, не обозначающих действий, состоящих из нескольких однородных актов: долбануть (*ударить*), ляпнуть (*сказать лишнее*). Такие образования подчеркивают неожиданность, интенсивность, резкость действия.

Созданием глаголов с суффиксами -ну-, -ану- в молодежном жаргоне достигаются две цели. Во-первых, выражается актуальное для речевой ситуации значение

завершенности действия с оттенком однократности, интенсивности, неожиданности. Во-вторых, глаголы с названными суффиксами отвечают действующей в молодежной речи установке на экспрессивность.

Префиксация как способ образования глаголов в молодежном жаргоне также достаточно активна. Так, в частности, образуются глаголы, включающие в свое значение градуальные компоненты, прежде всего компонент интенсивности. Эти глаголы используются в молодежном жаргоне для выражения разных видов экспрессии.

К словообразовательным типам, выполняющим в молодежном жаргоне определенные эмоционально-оценочные функции, могут быть отнесены типы, указывающие на интенсивность действия, которая при несоответствии норме может оцениваться как нежелательно большая или малая, и фиксирующие положительный или отрицательный характер результата действия [1,с.81]. В частности, активны в молодежном жаргоне глаголы, фиксирующие отрицательный характер результата действия, с общим значением «довести до нежелательного состояния (крайнего утомления, бессилия, истощенности) с помощью действия, названного производящим глаголом)», например, глаголы с префиксами: за-: *задолбать* (надоесть, утомить), *затоптать* (все съесть); у-: *учитать* (взять книгу и не вернуть), *уцокать и удавить* (съесть все, что есть, что предложено), *уделать* (утереть нос).

В молодежном жаргоне большую активность проявляет также вторичная префиксация — прибавление префиксов к префиксальным глаголам. Следует отметить, что это не свойственно книжно-литературному языку и составляет характерную черту разговорной речи в целом [4,с.18]. В качестве вторых префиксов в молодежном жаргоне продуктивны:

по- со значением распространения действия на ряд объектов или субъектов: *понакиряться, повырубаться, (от «вырубиться» - заснуть), позасекать (от «засечь» — заметить студента, пользующегося шпаргалкой);*

под- со значением небольшой интенсивности действия: *подначитаться (к экзамену), подзаправиться (перекусить).*

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Словообразование в СМС-пространстве опирается на традиционные модели литературного языка.

2. В текстах коротких сообщений используется очень много сокращений, окказионализмов, значение которых не всегда легко объясняется, поэтому сообщение не всегда может прочитать человек, не «посвященный» во все тонкости СМС-общения.

3. Все вышеперечисленное относится не собственно к СМС-текстам, но к молодежному сленгу, который активно используется для написания сообщений.

Анализируя предложения с точки зрения цели высказывания, можно отметить, что присутствуют все их виды: повествовательные, вопросительные, побудительные. Анализ синтаксических особенностей текстов СМС-сообщений показал, что их отправители зачастую не используют знаки препинания при написании текстов, поэтому СМС-сообщения иногда невозможно понять без определенного контекста.

Дальнейшее исследование синтаксических особенностей русскоязычных СМС-сообщений донецких студентов даёт уникальную возможность описания речевого поведения языковой личности, тем самым позволяет внести дополнения в общую языковую картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданович Т.Г. Особенности языковой личности студента /Т.Г. Богданович // Международная научная конференция «Социальные варианты языка – VI». – Нижний Новгород, 2009. – С. 79-82
2. Ионина А.А. Особенности современного текстового мышления. SMS-язык. – М., 2007. – С. 36-43.
3. Палкова А.В. СМС как новая форма коммуникации [Текст] / А.В. Палкова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2011. – №28. – С. 93-102.
4. Сидорова М.Ю. Засоряют ли смс-сообщения русский язык / М.Ю. Сидорова // Сибирский филологический журнал. – 2007. – №1. – С. 18-22.
5. Шанский Н.М. Современный русский язык в 3-х частях. Часть первая: введение, лексика. Фразеология, фонетика, графика и орфография / Н.М. Шанский, В.В. Иванов. – М.: Просвещение, 1981. -192с.

Е.А. Klimenko

SYNTACTIC AND WORD-FORMING FEATURES OF SMS MESSAGES (ON THE EXAMPLE OF TEXTS OF SMS MESSAGES OF STUDENTS)

The article analyzes the features of SMS messages as a special genre of written speech culture of the Russian language in the aspect of studying the speech behavior of the language personality of Donetsk students. The relevance of the study of SMS messages as a new, oral-written variety is due to the rapid development of the SMS language, which affects many aspects of everyday life. Also syntactic and word-forming features of SMS messages are defined.

Ключевые слова: *SMS, students, communication, word formation, jargon, suffix.*

Поступила в редакцию 24.02.2020 г.

УДК 811.111:32.

А.С. Климова

Волгоградский социально-педагогический колледж

ФИГУРЫ ДИАЛОГИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ В.В. ПУТИНА

Статья посвящена анализу фигур диалогизма, которые использует в своей политической риторике президент Российской Федерации В.В. Путин. В ходе исследования выявлены основные типы этих внешних маркеров, их регулярность и функции. Среди наиболее частотных отмечены ответствование, риторический вопрос и риторическое обращение.

Ключевые слова: *диалог, монолог, политическая риторика, фигуры диалогизма.*

Политическая риторика использует все известные на сегодняшний день приемы красноречия для того, чтобы привлечь внимание к излагаемой информации, убедить слушателей в определенном направлении, создав аудиторию единомышленников. Одним из средств, которое наблюдается в выступлениях политиков, являются фигуры диалогизма. Основано это на том, что именно диалог как основная коммуникативная форма речи согласуется с самой природой человеческого мышления, способствует поддержания успешного и постоянного контакта с аудиторией.

Как считает А.А. Волков, *фигуры диалогизма* ... «являются не способами выражения, а риторическими приемами, и применительно к ним само наименование «фигура» условно. Эта группа риторических фигур используется для создания эффекта диалога в монологической речи. Ритор упрещает критическую оценку аргумента или усиливает согласие представлением позиции аудитории или авторитетного источника» [3, с. 163]. Чтобы диалогизация была эффективной, от оратора требуется умение использовать драматургические и стилистические средства. Это позволит вызвать в слушателях сопереживание, и так называемое параллельное мышление.

Н.Н. Кохтев [5, с. 56] выявляет лингвистические маркеры диалогизации, а Хорошилова С.П. подразделяет диалогизацию на внутреннюю и внешнюю [12, с. 131-132]. Как отмечает Н. Бабич, «Средства внешней диалогизации реализуют равноправные отношения между адресатом и адресантом и позволяют быстро установить доверительные отношения между говорящим и слушающим в силу своей имплицитности. К средствам внешней диалогизации процесса речевого воздействия на аудиторию можно отнести употребление “мы”, формы, обращений, вопросно-ответных единств, вводных конструкций, форм повелительного наклонения» [2, с. 99].

Рассмотрим подробнее такую группу маркеров внешней диалогизации, как **фигуры диалогизма**, которые использует в своей риторике В.В. Путин. Предметом нашего анализа была речь президента Российской Федерации на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, выступления на Мюнхенской Конференции по вопросам политики безопасности и на расширенном заседании Государственного совета «**О стратегии развития России до 2020 года**».

По нашим наблюдениям, наиболее употребительной фигурой в речи В.В.Путина является ответствование. Это стилистическая фигура, состоящая в том, что автор задаёт себе вопросы и сам же отвечает на них: *Ведь что такое государственный суверенитет, о котором здесь уже коллеги говорили? Это прежде всего вопрос свободы, свободного выбора своей судьбы для каждого человека, для народа, для государства* [9].

Как отмечает Е.В. Саунина [10], существуют два типа вопросов фигуры ответствования.

1. «Вопросы, на которые следует либо прямой ответ, либо повтор одного из слов или выражений вопроса» [10, с. 148]: *Конечно, политические, социальные проблемы в этом регионе назревали давно, и люди там, конечно, хотели перемен. **Но что получилось на деле?** Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены* [9]; ***Но что же происходит в это же самое время?** А в это самое время в Болгарии и Румынии появляются так называемые легкие американские передовые базы по пять тысяч штыков в каждой* [8].

2. «Вопросы, ответы на которые содержат объяснение, рассуждение» [10, с. 148]: *Однако что же такое однополярный мир? – Как бы не украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения* [8]. «В ответах на такие вопросы нет прямого ответа. Государственный деятель высказывает свою точку зрения, делает комментарии по обсуждаемой теме» [10, с. 148]: *И еще одна важна тема, прямо влияющая на глобальную безопасность. Сегодня много говорят о борьбе с бедностью. **Что здесь происходит на самом деле?** С одной стороны, на программы помощи беднейшим странам выделяются финансовые ресурсы – и подчас немаленькие финансовые ресурсы* [8]; *Так и хочется спросить тех, кто создал такую ситуацию: **«Вы хоть понимаете теперь, чего вы натворили?»**. Но, боюсь, этот вопрос повиснет в воздухе, потому что от политики, в основе которой лежит самоуверенность, убежденность в своей исключительности и безнаказанности, так и не отказались* [9].

«Вопросно-ответные формы могут содержать дискурсивные слова *знаете, понимаете, спрашивается*, которые обращены к аудитории» [10, с. 148]: *Спрашивается: ради чего, если Варшавский блок прекратил своё существование, Советский Союз распался? А тем не менее НАТО не только остаётся, она ещё и расширяется, так же как её военные инфраструктуры* [9].

Риторический вопрос – это вопрос, ответ на который известен заранее или же дается самим спросившим. Политики используют данный оборот тогда, когда аудитория полностью разделяет мнение выступающего или же когда оратор хочет внушить свою мысль оппонентам, тем самым создавая своеобразный диалог с аудиторией. Его «цель – не сообщить информацию, а посредством опоры на систему ценностей адресата – внушить ему определенные оценки. Безличная форма риторических вопросов воспринимается как «информация к размышлению». В любой форме это так называемый аргумент к человеку. В риторическом вопросе прослеживается отношение говорящего к предмету речи, за счет чего и реализуется суггестивная функция [11]. Таким образом, риторический вопрос во многих случаях отражает ценностную систему взглядов политика» [10, с. 148].

В.В.Путин довольно часто использует в своей речи риторические вопросы с целью:

- общего привлечения внимания и создания некоей провокации: *Мы же не можем все подряд завести в основополагающий акт, который должен быть рамочным документом. Или вы хотите, чтобы мы занесли туда только то, что вам нужно, а то, что нам нужно, вынесли за рамки? Давайте мы будем все-таки по-честному друг с другом дискутировать и принимать взаимовыгодные решения* [8];

- украшения речи и объединения себя со слушателями: *Нельзя допустить, чтобы эти головорезы, которые уже почувствовали запах крови, потом вернулись к себе домой и там продолжили свое чёрное дело. Мы этого не хотим. Ведь этого никто не хочет, не так ли? Россия всегда твёрдо и последовательно выступала против терроризма во всех его формах* [9];

- активизации внимания на теме и акцентирование его на критическом аспекте высказанной мысли: *Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того – отдельные нормы, да, по сути – чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навязывается другим государствам. Ну, кому это понравится? Кому это понравится? Данный тип вопроса содержит слова, помогающие привлечь и актуализировать внимание аудитории: кому это понравится?* [8];

- заострения внимания на каком-то противоречии, проблеме, при этом ответы на такие вопросы могут быть «утрачены»: *Думаю, очевидно, – процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот – это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия. И у нас есть справедливое право откровенно спросить – против кого это расширение? И что стало с теми заверениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора? Где теперь эти заявления? О них даже никто не помнит* [8].

Риторическое обращение помогает установить контакт с аудиторией. Чтобы этот процесс был успешным, политик должен использовать те обращения, которые будут восприниматься конкретной аудиторией и согласовываться с типом информации.

1. *Кстати говоря, уважаемые коллеги, в этом же ряду и вопрос о так называемой легитимности государственной власти. Нельзя играть и манипулировать словами* [9]. В данном случае президент пользуется обращением, обозначающим адресата речи. Высказанное уважение к слушателям подчеркивает отношение президента к ним как к

своим близким коллегам, единомышленникам, В.В. Путин уверен в том, что эти люди не будут использовать нечестные приемы общения.

2. *Тем, кто действительно так поступает и так думает, хотел бы сказать: уважаемые господа, вы имеете дело, конечно, с очень жестокими людьми, но вовсе не с глупыми и не с примитивными, они не глупее вас, и ещё неизвестно, кто кого использует в своих целях* [9]. Как видим, президент снова пользуется обращением, обозначающим адресата речи, используя уже слово «господа», включающие в круг адресатов не только присутствующих, но и всех здравомыслящих людей, обеспокоенных судьбами мира.

3. *Рассчитываем, что международное сообщество сможет выработать всеобъемлющую стратегию политической стабилизации и социально-экономического восстановления Ближнего Востока. Тогда, дорогие друзья, и лагеря для беженцев строить не придётся. Поток людей, вынужденных покинуть родную землю, буквально захлестнул сначала соседние страны, а потом и Европу; Рассчитываем, что международное сообщество сможет выработать всеобъемлющую стратегию политической стабилизации и социально-экономического восстановления Ближнего Востока. Тогда, уважаемые друзья, и лагеря для беженцев строить не придётся. Поток людей, вынужденных покинуть родную землю, буквально захлестнул сначала соседние страны, а потом и Европу* [9]. В данном случае В.В.Путин пользуется обращениями, передающими теплое отношение политика к адресату речи: это его союзники, единомышленники, люди, на которых можно положиться в самые трудные моменты и которые разделяют радость от общего успеха в делах.

4. *Уважаемые дамы и господа! Потенциальная опасность дестабилизации международных отношений связана и с очевидным застоем в области разоружения* [8]. Данное обращение позволяет объединить всю аудиторию, тем самым привлекая к себе внимание каждого присутствующего.

По наблюдению А.В. Чепкасова и В.П. Долгих, Владимир Владимирович Путин, чаще всего использует обращение *уважаемые дамы и господа*, а в политических речах, которые мы исследовали, частотнее также обращение *уважаемые коллеги*. Эта фигура диалогизма помогает аудитории переключать внимание от одного типа информации к другому [13].

Риторическое восклицание – стилистическая фигура, представляющая собой такое предложение, в котором эмоциональность выражена не только восклицательной интонацией (что характерно для обычных восклицательных предложений), но и некоторыми формальными (структурными) показателями эмоциональности: междометиями; риторическим обращением в сочетании с междометием; местоимениями и местоименными наречиями: как, какой (какая, какое, какие), сколько; глагольными конструкциями с частицами да, пусть, придающими высказыванию побудительную модальность; конструкциями с инфинитивом побудительной модальности; лексико-синтаксическими повторами, особыми зачинами и др. Такие высказывания представляют собой отклонения от структур нейтрального повествования (наррации). Главная функция – «отметить высшую точку накала чувства, выделить тем самым важнейшие в смысловом отношении фрагменты речи» [6, с. 239].

Явно прослеживаются две функции риторического восклицания в политическом дискурсе: выражение разнообразных оттенков эмоций адресанта и эмоциональные апелляции к адресату-слушателю (оппоненту). Эта фигура служит выражению оттенков эмоций президента или для эмоциональной апелляции к адресату-слушателю (оппоненту):

- удивление, изумление, которое бесспорно: *Только вздумайте: можно было быть гражданином одного из российских регионов, не будучи гражданином России!* [7];

- побуждение к действиям, которые должны привести к положительному результату, решению и пр.: *Пошаговый план должен быть по всем направлениям сделан!* [7]

Риторические восклицания в политических речах В.В. Путина менее частотны, чем вопросы. Это можно объяснить тем, полагает А.А. Карамова [4], что политика – это, в большей степени, область постановки и решения проблем, нежели выражения эмоций ради эмоций (учитывая при этом, что большая часть восклицаний – эмоциональные апелляции к прямому адресату). Названная выше фигура помогает президенту сконцентрироваться на важнейших моментах и, что самое главное, обеспечивают поддержание живого диалога оратора с аудиторией.

Нами отмечено, что с этой же целью для усиления эффекта В.В. Путин использует прием нагнетения нескольких фигур диалогизма: *Но есть ли у нас средства, чтобы противостоять этим угрозам? Конечно, есть* (ответствование). *Достаточно вспомнить недавнюю историю. Ведь произошел же мирный переход к демократии в нашей стране?* (риторический вопрос) *Ведь состоялась же мирная трансформация советского режима – мирная трансформация! И какого режима! С каким количеством оружия, в том числе ядерного оружия!* (риторическое восклицание) *Почему же сейчас, при каждом удобном случае нужно бомбить и стрелять?* (риторический вопрос) [8].

В результате проведенного исследования нами было выявлено, что в своей речи президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин чаще всего использует следующие фигуры диалогизма:

- ответствование (36 примеров), когда оратор задаёт себе вопросы и сам же отвечает на них; президент таким образом высказывает свою точку зрения, делает комментарии по обсуждаемой теме;

- риторические вопросы (17 примеров), цель которых не сообщить информацию, а посредством опоры на систему ценностей адресата – внушить ему определенные оценки; В.В. Путин использует этот внешний маркер прежде всего для привлечения внимания к определенной теме разговора;

- риторические обращения (11 примеров) помогают руководителю государства переключать внимание аудитории от одного типа информации к другому;

- риторические восклицания (2 примера), которые используются для выражения разнообразных оттенков эмоций адресанта и эмоциональных апелляций к адресату-слушателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алышева Юлия Сергеевна Речевой портрет В.В. Путина // Вестник ВолГУ. – Серия 2: Языкознание. – 2012. – №2. – С.171-174.
2. Бабич Н. Диалогизация и монологизация как средства создания персуазивности в политическом дискурсе (на материале президентского интервью Б. Клинтона, Дж. Буша-младшего и Барака Х. Обамы) // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2012. – № 6 . – С. 97-103.
3. Волков А.А. Основы риторики. – Москва: Академический Проект, 2003. – 304 с.
4. Карамова А.А. Современный политический дискурс (конец XX – начало XXI вв.): дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Уфа, 2013. – 411 с.
5. Кохтев Н.Н. Ораторская речь: стиль и композиция. – М.: МГУ, 1992. – 175 с.
6. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учреждений. – М.: Просвещение, 1996. – 417 с.

7. Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» (8 февраля 2008 года). – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24825>
8. Путин В.В. Речь президента Российской Федерации на Мюнхенской Конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Речь_Путина_в_Мюнхене_\(2007\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Речь_Путина_в_Мюнхене_(2007))
9. Путин В.В. Речь президента Российской Федерации на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385>
10. Саунина Е.В. Вовпросительные предложения и их функции в речи Д.А. Медведева и В.В. Путина // Филология и человек. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2011. – Вып. №3. С.146-153.
11. Седов К.Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. – М.: Лабиринт, 2011. – 336 с.
12. Хорошилова С.П. Диалогизация процесса речевого воздействия на аудиторию // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 11. – С. 131-132.
13. Чепкасов А.В., Долгих В.П. Обращения в речи спикера // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – №24. – С.177-184.
14. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 132 с.

A. Klimova

FIGURES OF DIALOGISM In V. V. PUTIN'S POLITICAL SPEECHES

The article analyzes the figures of dialogism used by the President of the Russian Federation, Vladimir Putin, in his political rhetoric. The study identified the main types of these external markers, their regularity and functions. Responses, rhetorical questions, and rhetorical addresses are among the most frequent.

Keywords: dialogue, monologue, political rhetoric, figures of dialogism.

Поступила в редакцию 22.02.2020 г.

УДК 81.411.2

А.С. Марченко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ДОНЕЦКА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматривается языковой портрет Донецка сквозь призму поэтических регионализмов – нового объекта изучения в лингворегионалистике, которые особым образом отражают городское пространство и отношение к нему. Подвергнута анализу выявленная регионально отмеченная образность в произведениях местных поэтов. Уточнены новые понятия и термины, в частности «поэтический регионализм». Рассмотрены функции поэтических регионализмов. Вскрыты элементы поэтической картины мира, дополняющей донецкую региональную языковую картину мира.

Ключевые слова: поэтической картина мира, поэтический регионализм, поэтема, языковой портрет Донецка.

В начале XXI века в учебные программы вузов вводятся курсы по изучению культуры регионов, в их числе лингворегиеоноведение – раздел науки о языке, целью которого является изучение языковой ситуации конкретного региона, «отмеченного лингвокультурной спецификой» [6, с. 3]. В числе приоритетных задач лингворегиеоноведения находится изучение языкового облика современного города (см. работы Т.И. Ерофеевой, В.В. Колесова, Е.Г. Пушкаревой, А.А. Трапезниковой и др.).

Языковое пространство города представляет собой форму существования языковой системы в сознании горожан, объединенной единой языковой картиной мира, которая складывается из совокупности речевых произведений всех стилей, в том числе и художественного. Особенно специфичной областью является язык поэзии, в частности язык региональной личности поэта. С точки зрения лингворегиеоналистики этот материал еще не был осмыслен, в чем видим **актуальность** данного исследования. На наш взгляд, в силу специфики вербализации «положения дел» на «малой» родине особого внимания заслуживает поэзия, рождающаяся в регионах огромного русского пространства, отражающая реалии, события, настроения, оценки действительности в русле так называемой региональной языковой картины мира. В таком ракурсе творчество донецких поэтов представляет особый интерес как в силу уникальности культурно-исторических событий региона, так и в силу сложившейся современной ситуации военно-блокадного существования Донбасса и его жителей. Поэтому нам кажется актуальным и важным составить языковой портрет Донецка, взяв за основу канву поэтических произведений, выявив в них поэтические регионализмы, которые особым образом отражают события и настроения городского пространства, что считаем **целью данной статьи**. Объект исследования – стихотворные тексты донецких поэтов, предмет – способы письменной вербализации облика Донецка через применение региональных поэтизмов.

Языковедами введен термин *регионализм* по отношению к лексике, специфичной для городской речи, однако среди возможных разновидностей региональных слов, на наш взгляд, ещё не был в достаточной мере описан такой тип, как *поэтический регионализм*. Н.Н. Соколянская в своем определении: «Регионализмы — это слова и выражения, обозначающие реалии (природные и социальные) определенной местности и функционирующие более или менее регулярно в литературных текстах (устных и письменных) с номинативно-терминологической или стилистической функцией» [11, с. 27] – подводит к пониманию места и функции поэтического регионализма в системе. Более основательно определение поэтических регионализмов дал А.И. Семенов, представив такую классификацию их функций: поэтическая (художественная), номинативная (наименование предметов и явлений), этнографическая (представление местного колорита), стилистическая (изменение регистра речи «в зависимости от разного рода неязыковых факторов»), идентифицирующая (формирование противопоставления «свой — чужой»), познавательная, или когнитивная (знакомство «чужого» читателя с местными реалиями), эмотивные (выражение эмоций, экспрессии) [9, с. 62].

Кроме приведенных выше функций, также выделяют «подфункции»: идеологическая, конструирование действительности, создание комического эффекта, привлечение внимания читателя и др. [10, с. 62].

Поэтические регионализмы являются одним из средств реализации поэтемы. Однако ученые по-разному трактуют значение этого термина, предложенного В.Г. Руделевым в работе «Принципы сегментации поэтической речи». По мнению автора, поэмой можно назвать «сигнал словесно-художественной информации» [8, с. 88].

Н.Г. Серебренникова под «поэмой» понимает «единицу поэтического языка, тесно связанную с коммуникативной системой человека, это текстовая структура, направленная на создание поэтического образа..., поэма формирует не просто поэтический образ, а тот, который в наибольшей степени способен отражать работу образного мышления и в

наименьшей – работу логического мышления. Поэтема представляет собой целостный поэтический образ, постигаемый лишь интуитивно» [10, с. 10].

Самое важное место в поэтических текстах принадлежит слову. На номинативно-коммуникативной плоскости поэт воздвигает новый мир речевых смыслов и эмоциональных соотношений, подчиняя их эстетическим задачам искусства. Слово, по мысли М.Б. Храпченко, «становится неотъемлемой частью созданного писателем художественного мира» [1, с. 514].

Выступая в качестве эстетической единицы, находясь во взаимоотношениях с идеей произведения, с его образами, слово обогащается комплексом жизненных, идейно-эстетических и эмоционально-оценочных представлений писателя и таким передается читателю. В.В. Виноградов еще в 60-е годы XX в. писал: «В сфере поэтики объединяются и лингвистический, и эстетико-стилистический, и литературоведческий, и иные искусствоведческие подходы к изучению структуры литературно-художественных произведений. Поэтическая речь <...> – это фонические, метрические, методические, фоно-морфологические, синтаксические, лексико-семантические, фразеологические, композиционно-динамические, образные и другие свойства и элементы эстетически организованной и направленной речи. Их применение должно быть гармонически согласовано с планом содержания и, воплощая его, составлять с ним внутреннее единство. В сущности, поэтическое – это идеал словесно-художественного совершенства, определяющий эстетическую оценку произведений современного литературного искусства [1, с. 206].

В аспекте нашего исследования важным является поэтическое слово, обращенное к родному городу, слово, в котором отражается как бытие топоса, так и его эмоционально-психологический портрет в развитии. Одним из самых известных и ярких певцов родного Донца был Виктор Шутов, автор песни, название которой стало самым знаменитым поэтическим регионализмом: «Город синих терриконов» («террикон» по праву считается регионализмом [3, с. 119] и обозначает «конусообразный отвал пустой породы на поверхности земли при шахте» [3, с. 231]), а колоратив *синих* напоминает о том, что в былые времена действующие терриконы постоянно горели и всегда были окутаны сизой дымкой, которая имела голубой оттенок. В. Шутов создает во многом уникальный портрет Донца, прибегая к колоритным метафорам с ярким региональным «оттенком»:

По проспектам и бульварам

Розы плещутся у ног, -

Их недаром алым жаром

Наделяет уголёк.

Тема города-труженика, города угля и стали – одна из самых востребованных тем в послевоенные десятилетия и вплоть до 2014 года, пока Донецк бурно рос и развивался как промышленный гигант.

Я иду по улицам Донца,

По родному городу угля,

От восторга чаще бьется сердце,

Город роз, шахтерского труда [В. Лятовская; 2, с. 144].

«На город наступают терриконники, / и звезды полыхают на копрах» - таким видел родной Донецк поэт Г. Щуров, для которого город детства был «один из самых звездных городов: / над ним – дорог космических орбиты, / под ним – орбиты угольных пластов» («Зима в Донце»).

Современных поэтов, которые описывают, словно проживают жизнь в своих стихотворениях, родной город – Донецк, можно разделить на два полюса: в творчестве одних продолжает присутствовать счастливый довоенный город, в творчестве других – у города появился новый, не знакомый ранее ему облик: «Но снарядам изранен / Город

(русский исконно) – *Голубь наш сизокрылый, / Так желающий мира*» (И. Горбань. Один день и вся жизнь). Противопоставление двух образов, двух миров находит отражение на разных уровнях текста. Важнейшей оппозицией в этих текстах является оппозиция «прошлое – настоящее», «было – стало». Например, в стихотворении «Реинкарнация» Светланы Мороз описывается Донецк, который движется «по кольцам времени»:

*Годы бегут по нити,
По кольцам времени.
Истории хранитель –
Площадь Ленина.
Донецкий куём характер,
Современно подкованы.
В том выступает гарантом
Парк Щербакова.*

Важное значение приобретает заглавие стихотворения «Реинкарнация», что обозначает «повторное воплощение», автор намекает нам на то, что город, который активно и счастливо жил в прошлой жизни, – воскрес: *«Город, уснувший в той жизни, / Проснулся в этой»*. Городская топонимия: *«Площадь Ленина», «Парк Щербакова»* - приведена как залог несгибаемости и устойчивости социума. И как следствие – «донецкий куем характер», это уже о ментальности дончан, которая отражается в том числе и в топонимах. Топонимы – это особые образы, которые несут художественные и смысловые функции, роль, связанную с ассоциациями поэтов, их эстетическими воззрениями и эмоциональным миром [12, с. 73]. Любой городской оним, как и сам город, наделен тайною, душой и историей самого поэта. Автор включает топонимические знаки в канву своей поэзии со смыслом, заключая в них свои воспоминания, представления, надежды.

Ностальгией по мирному времени веет от строк стихотворения Елены Лазаревой «Донецкие звезды», мы окунаемся в бурную жизнь счастливого довоенного города, где еще ничто не предвещает беду. В каждой строке – трепетное отношение к его образу, очень разному (то он – спортсмен, то сорвиголова), но такому родному и неповторимому. Заданная автором реальная модальность инстинктивно пробуждает чувство патриотизма, высокой нравственности и глубокого уважения.

*Этот город – спортсмен, он болеет, как мы, за «Шахтёр»,
И приветствует нас грозным рёвом своих стадионов.
Он пылает в ночи, как неоновый пёстрый костёр.
Даже звёзды нам кажутся ближе с его терриконов...
Этот город – сорвиголова, он такой же, как ты...
Впереди – паутина дорог и тернистые вёрсты.
Загораются звёзды над городом спящей мечты,
И сегодня, родной, это наши донецкие звёзды!*

Структура текста подчинена раскрытию основной мысли: города, как и люди, - у каждого своя судьба, свое лицо и свой характер. Единство темы проявляется в повторении стилистической фигуры – анафоры: «этот город», которые связывают воедино весь фрагмент текста. В сущности, это развертывание одной темы, темы города, которая помогает передать другой, глубинный, смысл отрывка – физическое и душевное состояние «жителей» этого города.

Автор описывает большой город, используя образные средства, которые точно и ярко отражают довоенную его жизнь, наполненную голосами, шумом дорог, огнями: *«И приветствует нас грозным рёвом своих стадионов»*; город, который *«пылает в ночи, как неоновый пёстрый костер»*; город, при описании которого не обойтись без донецких регионализмов: *«даже звёзды нам кажутся ближе с его терриконов»*.

Совсем иное вербально явленное мировидение раскрывается в творчестве донецкой поэтессы Анны Ревякиной, которая дает совсем не пафосную характеристику городу, охваченному военными событиями. Она живет вместе с ним как будто в двух временах — До и После. Донецк, представший в её сборнике "Хроники города До...", открывается совершенно в необычном ракурсе. А. Ревякина так объясняет название своего сборника: «Город До – это поэтическое имя моего города и вместе с тем название цикла стихотворений. До – это предлог как часть речи и основание для поступка. До – это мой дом, До – это доктор, которому не все равно. До – это дождь, который барабанит и оплакивает нашу участь» [7, с. 2.]

Тревожное ощущение времени, имя которому – безвременье, пронизывает каждую строчку созданного автором удивительного, в высшей степени откровенного, даже аллегорического и метафорического в целом донецкого мира. В ее стихотворениях изображен реальный, неприкрашенный облик Донецка, который более прагматичен, чем поэтичен. Донецк предстает «чернокаменным городом», что лишней раз подтверждает: Донецк – «город угля и стали», где уголь является бесценным, почти священным сокровищем:

*Не сдержаться, когда прикасаешься к камню,
когда трогаешь тёмную землю, что на крови.
Если ты здесь родился, то родился ты неслучайно
в чёрнокаменном городе, что стоит на краю земли.* [5, с. 321]

Донецк является главным символом самобытной художественной среды, где существует только один приоритет - бесценность человеческой жизни, особенно в современные дни, когда за порогом война. Поэтому особенным взволнованным тембром звучат строки-предостережения:

*Город мой. Будь. Пожалуйста. Осторожен.
Мой степной чёрнокаменный Город До.* [5, с. 321]

В поэзии А. Ревякиной показан хрупкий мир, представленный грубой реальностью войны с болью и кровью: «месяц май неожиданно станет военным июнем, /в это жаркое лето прольется так много свинца».

Каждое её стихотворение – словно отдельная нота в аккорде, которым сегодня звучит Донецк. Поражает и то, как она описывает девочку, которая пригнулась от пуль на площади Ленина:

*...девочка, сгорбив спину, напишет строчку:
«Не ходи через площадь Ленина в одиночку...»*

Война стала темой номер один в поэзии современных донецких творцов. Военный портрет Донецка непременно присутствует напрямую или подтекстово в большинстве произведений последних шести лет. М. Афонин в своем стихотворении «Донецку» передает всю суть нынешней ситуации через визуально-фоническое восприятие:

*Ты не спишь по ночам, добрый город.
Всё разрывы снарядов мешают.
Эти звуки, как капли за ворот,
Жутко вздрогнуть тебя заставляют.
Тополей в небо смотрят ракеты,
И горбы терриконов верблюжьи». [5, с.158]*

«Лицо» современного Донецка, красота которого долгие годы заслуженно воспевалась, сегодня описывается все чаще с помощью метафоры болезни и ассоциируется с больным человеком:

*«Мой город болен.
Оспины воронок
Уродуют красивое лицо». [2, с. 7]*

Вот таким многоликим, многообразным предстает Донецк, под пером поэтов, у некоторых перемежаются два мира: довоенный и военный. Пример тому – стихотворения Евгении Луганской, у которой Донецк предстает вроде бы как мирный город, живущий тихой и спокойной жизнью: «Я - дончанин, и этим всё сказано, / Терриконы свободы милей, / И невидимой нитью повязанный / С красотой донецких степей», но дальше риторика меняется, становится тревожнее: «Мой город, как все, но устал и немного болен». И уйти от реалий военной действительности не удастся, хотя

*Застыли улицы, как будто в забытьи,
Донецк притих в объятьях томной тишины,
И видит Кальмиус свои цветные сны,
Забыв на время страх и ужасы войны!*

Таким образом, создавая языковой поэтический портрет Донецка, мы эксплицируем региональную (донецкую) поэтическую картину мира, в которой главным языковым средством является поэтизм, в том числе региональный поэтизм. Тексты произведений показывают, что даже простой регионализм становится поэтизмом, когда выполняет поэтическую функцию [9, с. 69]. В донецких текстах обнаруживается большое количество таких поэтизмов, которые формируют донецкий быт, донецкий образ мышления, видение мира с позиций жителя Донецка, основанные на знании местных слов и реалий. Региональная поэзия рождает новый объект лингворегионалистики – региональные лингвопоэтизмы, изучение которых – задача на ближайшую перспективу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 253 с.
2. Донецкий край, в стихах воспетый : сборник лучших стихотворений участников открытого конкурса поэтического творчества «Донецкий край, в стихах воспетый» / М-во культуры ДНР, ГУК «Дон. респ. универс. науч. б-ка им. Н. К. Крупской»; отв. за вып. И.А. Горбатов. – Донецк, 2017. – 152 с.
3. Донецкий региолект : монография / под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Изд-во ООО «НПП «Фолиант», 2018. – 265 с.
4. Курмакаева Н.П. К вопросу о структуре региональной языковой личности и принципах ее формирования / Н.П. Курмакаева // Вестник ДонНУ. Серия Д. Филология и психология. – Донецк: ДонНУ. – 2018. – № 1. – С. 9–14.
5. Литература родного края: Хрестоматия для учащихся 5–11 классов / Составители: Г.Н. Король, Л.В. Мельникова и др.. – Донецк, 2016. – 505 с.
6. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение / Т.Ф. Новикова // Часть 1: программа и программно-методические материалы. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 76 с.
7. Ревякина А.Н. «Хроники Города До: Dominus» / А.Н. Ревякина. – Донецк, 2014. – 104 с.
8. Руделёв В.Г. Принципы сегментации поэтической речи // Собрание сочинений: в 6 т. Т. Друг мой – язык. Ч. 2. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – С. 85–91.
9. Семенов А. И. Поэтический регионализм (к определению понятия) / А.И. Семенов // Научный диалог. — 2018. — № 8. — С. 62—73.
10. Серебренникова Н. Г. К вопросу о значении термина «поэтема» [Электронный ресурс] / Н. Г. Серебренникова // Вестник Московского государственного областного университета. — 2017. — № 1.
11. Соколянская Н. Н. Проблемы региональной лингвистики (лексикологический аспект) : учебное пособие / Н. Н. Соколянская. — Магадан : СМУ, 2006. — 85 с.
12. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н.Ушакова в 4 т. -М., 1935-1940.

A. S. Marchenko

LANGUAGE PORTRAIT OF DONETSK IN REGIONAL POETRY

The article examines the language portrait of Donetsk through the prism of poetic regionalisms – a new object of study in linguoregionalism, which in a special way reflect the urban space and attitude to it. The identified regionally marked imagery in the works of local poets is analyzed. New concepts and terms are specified, in particular "poetic regionalism". The functions of poetic regionalisms are considered. The elements of the poetic picture of the world that complements the Donetsk regional language picture of the world are revealed.

Key words: *poetic picture of the world, poetic regionalism, poutama, linguistic portrait of Donetsk.*

Поступила в редакцию 10.02.2020 г.

УДК 81

Ю.А. Рамазанова

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского университет»

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «СВОЙ – ЧУЖОЙ» НА СТРАНИЦАХ ЛИПЕЦКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ КАК ЯВЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Предметом нашего исследования является оппозиция «свой – чужой». В статье данная семантическая группа рассматривается как явление лингвистической относительности, выражающееся в устойчивых словосочетаниях, имеющих широкое применение, в том числе и на страницах региональных периодических изданий. Рассмотрение газетных заголовков с позиции использования в них соответствующих конструкций с заданной семантикой способствует лучшему пониманию не только языка, но и самосознания народа, его менталитета.

Ключевые слова: *семантика, лингвистическая относительность, оппозиция, паремии, антропоцентризм, культура, менталитет.*

Суть гипотезы лингвистической относительности состоит в том, что язык, будучи общественным продуктом, представляет собой такую лингвистическую систему, в которой мы воспитываемся и мыслим с детства. В силу этого мы не можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, причем он является не только побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления, но наш «мир» строится нами бессознательно на основе языковых норм. Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе, те или другие явления в зависимости от языковых навыков и норм своего общества [11].

Характерной чертой современной лингвистики является ее антропоцентрическая направленность, предполагающая изучение языка как репрезентации природы человеческого разума, что объясняет возросший в последние десятилетия интерес лингвистов к проблематике «своего» и «чужого». Антропоцентризм является ведущим методологическим принципом для целого ряда современных направлений лингвистики, в том числе и лингвокультурологии. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «язык насквозь

антропоцентричен. Присутствие человека дает о себе знать на всем пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе – семантике слов, структуре предложения и организации дискурса» [2, с. 3].

В этой связи весьма активно разрабатывается антропоцентрическая проблематика именно в лексико-семантических исследованиях. Возникнув на заре сознательной деятельности человека, оппозиция «свой – чужой» не утратила своей актуальности и по сей день, вызывая повышенный интерес к ее изучению.

В данном исследовании мы рассматриваем особенности употребления оппозиции «свой – чужой», а также роль лексем, входящих в эту оппозицию, на материале современной публицистики, в частности периодических изданий Липецкой области. В центре нашего внимания семантическая группа «свой – чужой» как явление лингвистической относительности. Это понятие является основным в этнолингвистике – области языкознания, изучающей язык в его взаимоотношении с культурой. Данный принцип трансформировался в предположение о том, что чувственное восприятие действительности определяется ментальными представлениями человека. Поскольку в конкретном языке и, шире, в конкретной культуре концентрируется исторический опыт их носителей, ментальные представления носителей различных языков могут не совпадать. В качестве простейших примеров того, как по-разному языки членят внеязыковую реальность, часто приводят такие фрагменты лексических систем, как названия частей тела, термины родства или системы цветообозначения [12, с. 142].

Таким образом, в зависимости от условий жизни, от общественной и культурной среды различные этносы могут иметь разные языковые системы. Не существует двух похожих языков, о которых можно было бы утверждать, что они выражают такую же общественную действительность. Миры, в которых живут различные общества, – это различные миры, а не просто один и тот же мир, которому приклеены разные этикетки. Другими словами, в каждом языке содержится своеобразный взгляд на мир, и различие между картинками мира тем больше, чем больше различаются между собой языки [1, с. 105].

Каждый язык, в том числе и русский, богат идиоматическими выражениями, паремиями. Это своеобразные «микротексты», вбирающие в себя разнообразную информацию об объектах реальной действительности. Они не только называют предметы реальности, но и передают информацию о состоянии говорящего, о его эмоциональном отношении к предмету речи. Более того, пословицы и поговорки, являясь неотъемлемым атрибутом фольклора и, в свою очередь, атрибутом культуры народов, несут в себе отражение жизни той нации, которой они принадлежат, прежде всего, образа мыслей и характера народа. Подобные выражения часто встречаются не только в художественной литературе, но и в разговорной речи, а также на страницах газет и журналов.

В основе всякого сравнения и сопоставления лежат механизмы тождества и различия своего и чужого. «Свой» означает собственный, особенный, личный, отдельный, значимый «сам собой». «Чужой», таким образом, принадлежит иному народу. «Чужой» не имеет личности, собственного лица, отдельности. «Чужой» мир – мир неподвижный, статичный и плоский [9, с. 48].

Согласно мифологической модели В.А. Масловой, представленной в ее работе «Преданья старины глубокой в зеркале языка», пространство вокруг человека можно представить в виде кругов, различных по значимости для человека и по их удаленности. В речи они реализуются в виде лексико-семантических полей, таких, как «человек – дом – родина – чужбина» [7, с. 118].

Самый ближний круг – это сам человек. Он очень часто является центральным действующим лицом в пословицах и поговорках, примеры которых нам удалось найти на страницах липецких газет.

Итак, в пословицах, содержащих элементы оппозиции «свой» – «чужой», встречаются следующие понятия:

1) «свое», какое бы оно ни было, всегда лучше, а «чужое» – хуже, например: *дítě хоть криво, а отцу-матери диво; своя рубашка ближе к телу; своя ноша не тянет* (газета «Сегодня и завтра», № 5, 2012 г.);

2) чужие невзгоды и беды кажутся незначительными по сравнению со своими, например: *каждому своя болезнь тяжела; чужое горе не болит* (газета «Первый номер», 3 декабря 2018 г.); *людской стыд – смех, а свой – смерть; что у тебя болит, то у другого не свербит, чужая болезнь даст поест, а про свою беду и сказать не могу; за чужой щекой зуб не болит* [8].

3) необъективное отношение к «своему» и «чужому», например: *в чужом глазу соринка видна, а в своем и бревна не увидишь* («Липецкая газета» 11 октября 2018 г.);

4) работа, выполненная самим, всегда лучше, например: *всяк своему счастью кузнец* («Сельская нива», 9 октября 2018 г.); *свой глаз – алмаз; своя работа – первый барыш* [10].

Следующий круг мифологической модели пространства – «дом человека, его ближайшее окружение».

Дом – разновидность пространства, причем он ассоциируется, сугубо со «своим» пространством, как-то отгороженным от внешнего мира. Он связующее звено в общей картине мира: с одной стороны, дом принадлежит человеку, с другой – связывает человека с внешним миром.

В паремиях это выглядит следующим образом:

1) родной дом, какой бы он ни был, лучше, чем чужой, например: *дома и солома едома; в гостях хорошо, а дома лучше* («Липецкие известия», № 22, 29 мая 2019 г.); *свой (домашний) хлеб слаще чужих пирогов*.

2) в своем доме каждый – храбрый, смелый, так как чувствует себя в безопасности, например: *хозяин в дому, что медведь в бору; и петух на своем пепелище храбрится, всяк кулик в своем болоте велик* («Аргументы и факты» Липецк, № 22, 29 мая-4 июня 2019 г.); *в подполье и мышь геройствует, и крот в своем углу зорек*.

3) все, что происходит дома, не должно становится достоянием посторонних, например: *свой со своим бранись, а чужой не вяжись; не выноси сора из избы* («Липецкая газета», 26 февраля, 2019 г.); *свой дом люби, но о том не кричи* [5].

Последняя граница вокруг человека – это граница «своей» земли, родины. Любой народ всегда охраняет родную землю от вторжения на нее «чужих», и гордость за нее присуща каждому народу.

В паремиях можно выделить следующее отношение человека к родине, пусть даже малой, и чужбине:

1. Нет лучше родной стороны (какая бы она ни была), например: *свой (домашний) хлеб слаще чужих пирогов* («Сельская нива», 2 октября 2018 г.); *мила та сторона, где пупок резан (т.е. родина); за морем теплее, у нас веселее; дома все споро, а вчуже житье хуже; в чужом месте, что в лесу; дома и стены помогают* («Наш комбинат», № 1, 2017 г.).

2. Встретить кого-то или что-то родное, знакомое на чужой стороне – большая радость, например: *своя земля и в горсти мила* («Сегодня и завтра», № 12, 2011 г.); *с родной сторонки и собачка мила; на чужой сторонкушке, рад своей воронушке; на родной стороне и камешек знаком*.

3. С родной земли, лучше далеко не уходить, чужбина враждебна и непредсказуема, таит в себе опасности, например: *родимая сторона – мать, чужая – мачеха; хвали заморье, а сиди дома; чужую сторону хвалит, а сама туда ни ногою; чужбина не по шерсти гладит; чужая сторона прибавит ума* («Сельская нива», 2 октября 2018 г.); *на чужой стороне обтолкнут бока* [3].

Газета, как одно из средств массовой информации, занимает важное место в жизни человека. Именно в прессе освещаются события, которые происходят в мире, отражаются общественные мнения, мировоззрения. Эффективность газетного текста во многом определяется его заглавием. Можно сказать, что оно занимает стилистически сильную позицию. Предваряя текст, заголовок несет определенную информацию о содержании статьи. Человек редко прочитывает газету «от корки до корки», он выбирает только то, что его интересует, руководствуясь названиями публикаций. Следовательно, заголовок представляет собой конструкцию из слов, словосочетаний и предложений, которая образуется из специальных смысловых элементов [10, с.10]. Они в свою очередь предназначены для привлечения внимания к материалу, указания на основное содержание публикации, обозначения авторской позиции и формирования у читателя определенного настроения на восприятие публикации. Желание привлечь как можно больше читателей приводит к тому, что современные журналисты ищут наиболее яркие способы для выражения своих мыслей. Одним из самых распространенных приемов становится использование в заголовках газет трансформированных пословиц и поговорок. Во многих работах отмечается, что использование таких видоизмененных выражений – это активный процесс современной публицистики. И как справедливо замечает Н.О. Григорьева, «мысль, выраженная с их помощью, легко воспринимается, восстанавливается, домысливается...». [4, с. 126] В данном исследовании обратим особенное внимание на паремии, представляющие собой реализацию семантической универсалии «свой – чужой». Анализ собранного материала показывает, что подобных примеров на страницах современных печатных СМИ немало.

Язык газеты – это живая и постоянно развивающаяся система, требующая от журналистов постоянного творческого напряжения. Отсюда и специфика отбора языковых средств в газетных текстах. Вслед за И. Лисичкиной выделим два основных вида трансформации пословиц и поговорок в заголовках современных газет: аналитическую и не аналитическую. [6, с.70] При не аналитической (семантической) трансформации состав пословиц или поговорок остается неизменным:

- они либо воспринимаются в буквальном смысле (буквализация), например: «*Тише едешь – дальше будешь*» («Репортер», № 4, 2005). Статья о снижении ограничения скорости для тех, кто только недавно получил права;

- либо в пословицу или поговорку вносятся новые оттенки смысла или возникает игра слов в результате совмещения прямых и переносных значений (двуплановость), в результате чего достигается определенный экспрессивный эффект, например: «*Каков приход, таков и поп*» («Аргументы и факты» Липецк, № 9, 2009). Материал о том, где и каким образом подрабатывают священники.

Аналитическая (структурно-семантическая) трансформация, которая наиболее часто встречается на страницах современных газет, основана на внесении изменений в лексический состав и/или грамматическую форму конкретной пословицы или поговорки. Здесь различают синтаксическую и лексическую трансформацию, а также комбинацию структурно-семантических трансформаций: «*Тигр кролику товарищ*» («Репортер» № 7, 2011), «*Береги ноги смолоду*» («Сегодня и завтра» № 23, 2009), «*Со своим уставом в Липецк не суйся*» («Первый номер» № 23, 2016); «*Без мигалки ты букашка, а с мигалкой генерал*» («Комсомольская правда» № 48, 2009). В этих примерах наблюдаются такие приемы, как устранение частицы «не», замена компонентов, а также сокращение и расширение компонентного состава. Подобные преобразования приводят к конкретизации значения, узкой ситуативной привязке трансформированной пословицы и поговорки. Не исключено и образование трансформов с новым прямым значением.

Заголовок, являясь неотъемлемой частью статьи, прежде всего, выполняет функцию экономии усилий читателя в процессе нахождения интересующих его событий. Но даже

самый скучный материал может быть прочитан благодаря эффектному названию. Именно поэтому в современной публицистике активно используются различные пословично-поговорочные паремии. Названия, которые представляют собой видоизмененную пословицу или поговорку, являются броскими, конкретными (так как заголовок — это конденсация содержания статьи) и экспрессивными. Сопоставительное изучение традиционных пословиц и поговорок и их современных трансформов на страницах газет позволяет получить представление об актуальности тех или иных процессов в различных областях:

- экономика (деньги, работа): «*Работа не волк, но с нее не убежишь*» («Сельская нива» №3, 2010);
- образование: «*От ЕГЭ добра не ищут*» («Молодежный вестник» №29, 2010);
- мораль и нравственность (закон, дружба, любовь): «*С законом поспешишь – больших не вылечишь*» («Первый номер» №14, 2010);
- эстетика: «*Не родись красивой, а родись счастливой*» («Молодежный вестник» № 15, 2010).

Становится все более очевидным, что развитие языка идет не только за счет становления и ужесточения языковых стандартов, но и за счет расшатывания устоявшихся социально принятых норм, варьирования и трансформаций языковых единиц. Несомненно, что пословицы и поговорки, получая новое звучание, отвечают духу времени и отражают настроение современности. Творческое применение пословиц или поговорок расширяет границы авторской мысли, позволяет избегать штампов, дает эффект новизны, переосмысления, придает своего рода «изюминку» всему тексту. Среди выделенных видов трансформации наиболее продуктивной является аналитическая, а к наиболее востребованным подтипам можно отнести замену компонента (компонентов) и комбинацию.

В результате проведенного анализа нами были выявлены следующие компоненты культурологического значения. «Чужой» – это, в первую очередь, дальний (далекий), который сделает тебе плохо, человек, которого не знаешь, который все время ходит злой и раздражительный, который тебя не понимает.

В противоположность чужому своими являются родной (родители), родственники, близкие по душе, друг (друзья), хорошо знакомые, человек, который тебя понимает, если ему можно верить, тот, который все время со мной [10].

Таким образом, оппозиция «свой – чужой» – это универсальная семантическая категория, основывающаяся на делении социума на две группы: «мы» и «они». Часть социума, определяемая как «мы», имеет общие черты, точки соприкосновения. «Свой» – это тот, кто близок тебе, является как бы вторым «я». Часть социума, определяемая как «они», характеризуется чуждостью, враждебностью. В словах с компонентом значения «чужой» содержится мысль о странном и непонятном.

Итак, лексика и семантика являются индикаторами жизни языка самого по себе и степени его участия в процессе коммуникации. В паремиях очень четко отражен национальный характер, поэтому знакомство с ними необходимо каждому носителю языка. Помимо этого, багаж знания паремий и умение их точно использовать в публицистическом и разговорном стилях должны постоянно совершенствоваться. В текстах указанных стилей паремии, в том числе отражающие оппозицию «свой – чужой», применяются чаще всего.

Рассмотрев оппозицию «свой – чужой» в аспекте лингвистической относительности на материале выбранных текстов региональных СМИ, подчеркнем многообразие ее вариантов в контексте данной культуры. Проведенное исследование показало, что семантика названной оппозиции может быть репрезентирована достаточно широким корпусом лексических единиц, вступающих в оппозиции разной степени контрастности.

Выявление семантических особенностей членов оппозиции «свой – чужой» позволяет сделать еще один шаг на пути постижения менталитета своего народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. Крат. очерк / Ю.Д. Апресян. – М.: Просвещение, 1966. – С. 105-106.
2. Арутюнова Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 3-10.
3. Байбурин А.К. Ритуал: свое и чужое / А.К. Байбурин // Фольклор и этнография: проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1990. – С. 35-38.
4. Григорьева Н.О. Функции фразеологизмов в рекламе / Н.О. Григорьева // Журналистика на стыке тысячелетий: матер. Меж. науч. конф. – Ростов-на-Дону: «Донской издательский дом», 2000. – Вып. 2. – С.124-126.
5. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1984. – 199 с.
6. Лисичкина И. Знакомые незнакомцы / И. Лисичкина // Журналистика и культура русской речи. – М., 2004. – № 2. – С. 69-75.
7. Маслова В.А. Преданья старины глубокой в зеркале языка / В.А. Маслова. – Минск: Пейто, 1997. – 124 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ТОО «Диамант», 1997. – 944 с.
9. Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке / А.Б. Пеньковский // Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 13-50.
10. Серебренникова А.Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (Лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Серебренникова Анна Николаевна. – Томск, 2005. – 24 с.
11. Сепир Э. Грамматист и его язык / Э. Сепир // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – С. 248-258.
12. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 135-168.

Y. A. Ramazanova

SEMANTIC GROUP «OWN – ALIEN» ON THE PAGES OF LIPETSK REGIONAL PRESS AS A PHENOMENON OF LINGUISTIC RELATIVITY

The subject of our study is the opposition «friend – stranger». In the article, this semantic group is considered as a phenomenon of linguistic relativity, expressed in stable phrases that are widely used, including on the pages of regional periodicals. Considering newspaper headlines from the point of view of using appropriate constructions with a given semantics in them contributes to a better understanding of not only the language, but also the self-consciousness of the people and their mentality.

Key words: *semantics, linguistic relativity, opposition, paremias, anthropocentrism, culture, mentality.*

Поступила в редакцию 22.02.2020 г.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ

В статье рассматриваются теоретические аспекты лексико-семантических преобразований в языке интернет-общения. Как фактор развития словарного состава языка, в деривационном аспекте изучаются основные группы заимствований на материале 400 единиц, собранных методом выборки с разных пользовательских Интернет-сайтов. Исследуются дефиниции понятий «словообразовательное гнездо» и «лексико-семантическое калькирование» в современном языкознании.

Ключевые слова: компьютерная сфера, деривационные процессы, семантическая структура, денотат, англицизмы, словообразовательное гнездо.

Язык Интернета активно развивается. Однако не все те новые явления, с которыми мы сталкиваемся в недрах Интернета, порождены именно им. Интернет часто выступает как зеркало происходящих в языке активных процессов. Учёные справедливо отмечают, что «для многих из регистрируемых языковых новшеств он является катализатором, но не источником» [11, с. 415]. И, вероятно, есть смысл, анализируя, например, словообразовательные процессы, наблюдаемые в Интернет-коммуникации, не приписывать их появление исключительно сфере Интернета.

Очевидным является тот факт, что Интернет стал сегодня тем явлением, которое вопреки ситуации объединяет общество в событиях, размышлениях и эмоциях. И язык, оказавшись в новых для него условиях компьютерно-сетевой опосредованности, приспособляется к ней сам и приспособливает её к себе. Этот процесс ярко проявляется в речевой деятельности виртуальных коммуникантов, и, по нашему мнению, требует внимания и изучения [1, с. 15–16].

Первой и важнейшей особенностью деривационных процессов в русскоязычной Интернет-коммуникации следует назвать *использование иноязычных* (в подавляющем большинстве английских по происхождению) *производящих основ* либо *словообразовательных аффиксов* для создания новообразований самых разных знаменательных частей речи при наблюдающейся активизации нетипичных словообразовательных способов и моделей. Это позволяет учёным высказывать мнение о том, что вследствие глобализации в современных славянских языках сложились *национальная и интернациональная подсистемы* [8, с.186]. Исследователи отмечают, что «наряду с традиционными латино-греческими элементами активно функционируют слова и морфемы английского происхождения» [4, с. 277]. В подтверждение можно привести такие примеры из нашей выборки: префиксальный способ словообразования, префикс **АНТИ-** (от греч. anti) - приставка, обозначающая противоположность, вместо чего-то. Например: *антибиотики, антивирус, антивитамин, антипод, антitezа, antivirius, antidote, antihormones, anticrime, antipollution, antacid*; суффиксальный способ словообразования, суффикс **-ТЕК(А)** (от греч.)- приставка, обозначающая вместилище, хранилище, собрание. Например: *аниматека, аптека, библиотека, видеотека, дискотека, игротека, медиатека* [9].

Несмотря на сравнительно короткий срок существования языка в Рунете, значительный объём материала, попадающего в сферу нашего интереса, позволяет говорить о наметившихся типичных и наиболее продуктивных словообразовательных моделях, где в основе каждого словообразовательного гнезда лежит заимствование или

калькирование англоязычной корневой морфемы. К самым ярким примерам можно отнести словообразовательные модели, встречающиеся в языке интернет-коммуникации. Например, высокопродуктивными компонентами в композиционном словосложении являются *компьютер, Web, Online, e-mail, кибер, чат: Web_адрес, Online – форум, киберчат, киберфорум* и др. Например: «*Web-адреса – самые распространённые сетевые источники*»; «*Киберфорум никогда не станет заменой настоящему общению*» [10].

Большинство заимствованных слов, как мы уже отмечали, относится к именам существительным. Объясняется это прежде всего характером данной части речи, превалирующей ролью существительных в грамматическом «пространстве» современного русского языка, что связано со способностью существительных обозначать предмет, субстанцию, как правило, новые для языка-реципиента. Попадая в Интернет-дискурс, слова ведут себя по-разному: одни сохраняют своё семантическое «первопространство», другие подвергаются тем или иным смысловым трансформациям.

Приведём примеры некоторых слов из Интернет-общения, никак не сменивших свой денотат:

1. **Кастинг** («отбор людей на какую-либо должность»): *В Перми прошёл кастинг на конкурс «Краса России»;*

2. **Буккроссинг** («общественное движение, близкое к флешмобу и основанное на спонтанном обмене книгами»): *Буккроссинг стал настолько популярным, что власти Москвы решили установить стеллажи для книг в пешеходных зонах;*

3. **Капкейк** («торт небольшого размера, предназначенный для употребления одним человеком»): *Напомню о главном отличии капкейков – кремовой шапочке.*

4. **Мейк-ап** («макияж») (варьируется разве что графическое его оформление): *Мейкап без проблем: хитрости, которые ты должна знать. Чтобы выглядеть на все сто на любом мероприятии, закажите дневной или вечерний мейк-ап и Вы будете чувствовать себя неотразимой!*

Значительное количество исследуемых слов в процессе функционирования претерпели различные **трансформации семантической структуры**: расширение или сужение. Среди расширивших свою семантику слов выделим такие примеры.

1. В XXI веке культурная жизнь начала стремительно обогащаться за счёт интенсификации культурных связей с мировым сообществом – разнообразились сферы кино, литературы и музыки. В музыкальный лексикон, в частности, пришли слова из других сфер – «альтернатива», «прогрессивность» (чаще используется англицизм «**прогрессив-**» в качестве первой части сложносоставного наименования) + «металл» и др. Например, слово «**прогрессивный**» в словаре С.И. Ожегова имеет 2 значения: 1. Являющийся прогрессом, ведущий или стремящийся к прогрессу; 2. Постепенно усиливающийся, возрастающий [12, с. 206]. Сейчас же это слово ещё и называет музыкальный жанр, характеризующийся сложными композиционными структурами, причудливыми музыкальными размерами и высоким уровнем профессионализма музыкантов. Здесь, как и в предыдущем примере, присутствует изменение только на уровне графики: вместо русского слова «металл» с двойной «л» используется транслитерация английского слова «metal» с одной «л». *Прогрессив-метал или прогрессивный метал (сокр. прог-метал) - подстиль метала.*

2. Слово «**фр[ан]ч[э]нч**». До недавнего времени этим словом называли куртку, названную по имени британского фельдмаршала Джона Дентона Френча. Сейчас же у этого слова развилось ещё одно значение – разновидность декоративного дизайна ногтей «**французский маникюр**». Зная, что, во-первых, в английском языке данный предмет одежды называют «*service jacket*», а не «*french*»; а во-вторых, английское слово «*French*» является прилагательным и переводится как «французский», можно предположить, что изначально в русский лексикон попало словосочетание «*French manicure*», а затем оно

компрессировалось, транскрибировалось и субстантивировалось. *Классический френч смотрится очень красиво и на коротких ногтях.*

3. В ходе научно-технического развития в начале XXI века процессу детерминологизации подверглось большое количество узкоспециальных слов, в особенности компьютерных. В частности, А.В. Суперанская выделяет две стадии этого явления: 1) вхождение термина в виде слова с терминологическим значением в состав общеупотребительного языка (частичная детерминологизация). Рассмотрим такое выражение: «*Как создать собственные значки ram-дисков?*». В этом примере термин *disk* употребляется в своём прямом значении (*маленький круглый кусочек твердого пластика, на котором записывается звук или хранится информация*), но не профессионалом, а обычным пользователем. 2) уже в общеупотребительном языке перенос значения этого терминологического слова и возникновение (часто метафорически) бытового слова на его основе. Примером этого вида может быть термин *reboot* в выражении «*Бизнес-модель Интернета нуждается в перезагрузке*». В этом примере термин не поддерживает свое изначальное значение «*завершение работы и перезагрузка операционной системы*», а принимает более обобщенное значение – «*начнем сначала*».

4. Ещё одно музыкальное понятие, расширившее свой денотат – «*пост-рок*». Музыкальный обозреватель, впервые применивший это обозначение, говорил о пост-роке так: «*свойственные року инструменты применяются в нероковых целях, гитары используются для создания тембров и текстур, а не риффов и аккордов*» [10]. Следовательно, в изначальном варианте названия музыкального жанра приставка *post-* имеет значение «*существующий, происходящий после того, что указано во второй части слова*». Однако, попав в русский язык, эта приставка среди любителей музыки данного жанра приобретает иное значение: на передний план выходит один из переводов английского слова «*post*» – «*почта*». Вследствие этого можно встретить такие названия данного музыкального жанра, как «*почт-рок*», «*почтовый рок*», а любителя или исполнителя такой музыки приятно называть почтальоном. *Дарк фолк, слоукор и почт-рок? Наткнулся на жанр почтовый рок, post-rock по не-русски. «Почтальоны»* (название альбома для фото участников группы ВКонтакте, посвящённой пост-року – прим. автора) [9].

Обратный процесс – сужение по денотату – в русском языке прослеживается практически во многих англицизмах, «поскольку эти слова в русском языке функционируют как номинанты понятий, пришедших с западной культурой» [2, с. 15].

1. Английское слово «*look*», которое имеет несколько значений: «*вид*», «*взгляд*», «*внешность*», «*взор*», «*наружность*», «*выражение лица*», попадая в русский язык транслитерируется и сужает своё значение до одного – «*наряд, туалет*». Например: *Смотри самые популярные луки с этой вещью.*

2. Слово «*gamer*», в английском языке обозначающее играющего человека, а попав в русский язык, функционирует только для номинации любителя видео-игр. *Девчонки, подскажите, что делать: муж заядлый геймер.*

3. Ещё один англицизм, изменивший своё значение с приходом в русский язык – слово «*notebook*». С английского оно переводится как «*блокнот*» («*note*» – записка и «*book*» – книга), однако в русском языке это слово подверглось транслитерации и стало обозначать переносной персональный компьютер. Любопытно, что в английском языке это слово лишено такого значения и вместо него используется лексема *laptop*. *И другой ноутбук пару дней назад подключался через wi-fi, запросил пароль доступа - ввёл и работал.*

4. Общеупотребительное английское слово «*boomer*», имеющее три значения (1. «*рекламирующий*»; 2. «*человек, создающий ажиотаж*»; 3. «*самец кенгуру*»), приходит в русский язык и жаргонизируется, используясь для номинации автомобиля марки

«BMW»: «бумер». Очевидно, что здесь нет семантической связи между английским и русским словами, а заимствование произошло сугубо по фонетическому сходству. «А у меня был бумер — быстрый и шальной...»

5. Ещё одно англоязычное заимствование, приобретшее жаргонное значение в русском языке – «**изи**». С английского слово «*easy*» переводится как «*просто*» и среди прочих своих наречных функций может использоваться для обозначения победы, доставшейся очень легко, причём слово приобретает унижительный оттенок в отношении побеждённого. В русском же языке это слово функционирует в игровой сфере сугубо в жаргонном своём значении, а в письменной речи используется как в английском варианте, так и в виде транслитерации. *Да я сделаю это на изи!*

Интересен путь слова «**баг**» (англ. *bug* – жук) в английском и русском языках. На заре развития компьютерных технологий это слово жаргонизировалось и приобрело значение какой-либо неполадки в работе программы. Внезапное расширение этим словом семантики связывают со случаем, произошедшим ещё во времена, когда вычислительная машина занимала целую комнату. Программисты долго не могли решить возникшую в работе компьютера проблему, пока не проверили внутри оборудования – там они нашли жука, который и был причиной неполадки. С тех пор слово «**баг**» как англо-, так и русскоязычные специалисты компьютерной сферы использовали в качестве сленгового. Однако это слово настолько укрепилось в программистском лексиконе, что перешло в разряд терминов и породило несколько производных слов как в английском, так и в русском языках.

Так, специальные программы для диагностики и устранения *багов* называют **деб`аггерами**. Как видим, это слово английского происхождения, т.к. в нём присутствует английский суффикс *-er*. *Не запускается турбо дебаггер на 64битной системе... есть ли версия под х64?* Игрока, использующего *баги* в своей программе с пользой, называют **баго`юзером**. Это слово также английское – оно включает в себя два английских корня: собственно «**баг**» и «**юзер**» (англ. *user* – пользователь). Примечательно, что данное слово в русскоязычной коммуникации имеет негативную окраску. *Есть 2 типа людей, которые занимаются багоюзством: 1) модераторы (занимаются поиском багов и устранением их); 2) хакеры (найдя в системе дырку - баг пытаются её расковырять и навредить ресурсу либо завладеть им)* [10].

Об укреплении в русском языке этого сленгизма, а затем и термина, свидетельствует образование новых лексем: прилагательного «**забаг`ованный**» и глагола «**деб`ажить**». Прилагательное обозначает программу или программный код, изобилующий *багами*, а данным глаголом называют процесс диагностики и устранения *багов*. *Как дебажить весь проект целиком в PhpStorm? Дебажится абсолютно точно так же, как и страница без вышеуказанного.*

Широкие возможности деривации демонстрируют результаты **семантического калькирования**. Словообразовательные гнёзда, образуемые вокруг омонимичных единиц, имеют разный набор производных элементов. Например.: *архив* (нем. *Archiv* – «1. Учреждение для хранения старых, старинных документов; 2. Отдел учреждения, где хранятся старые документы; 3. Собрание рукописей, писем и т. п., относящихся к деятельности какого-н. учреждения, лица» [5]) – *архивист, архивариус, архивный, архивоведение, архивохранилище, киноархив, историко-архивный* и *архив* (англ. *archive* – «Данные, хранящиеся на диске в сжатом виде») – *архиватор, архивация, архивирование, архивировать, архивный, заархивировать* [8, с. 89]. Также в качестве примеров можно рассмотреть *девайс* — *устройство* (англ. *device*), *хард, хард-диск* — *жесткий диск* (англ. *hard disk*), *коннект* — *связь* (англ. *to connect*), *софт* — *программное обеспечение* (англ. *soft*), *селфи* – *автопортрет* (англ. *selfie*) и др. Отметим также и неправильное прочтение английского слова, из-за чего некоторые сленговые заимствования неустойчивы в

написании, например, слово *keyboard* в русском написании встречается и как *кейборд*, и *кеборд*, и *киборд*.

Тот факт, что английские слова не просто входят в сленг, но и получают в нём морфологическое оформление, стремятся русифицироваться, говорит о способности русского языка поглощать и перерабатывать разнородный языковой материал. Параллельный процесс образования сленговых слов из собственного русского материала показывает, что «чужие нововведения» – это больше игра, соревнования молодых носителей сленга в остроумии и остроловии. Большинство таких новообразований не остаётся в речи, уступая место общепринятым частотным лексемам.

Таким образом, рассмотрев процессы словообразования и примеры слов на русском и английском языках, мы увидели связь и схожесть в их написании, значении и произношении. Анализ механизмов формирования лексики Интернета позволил прийти к выводу о том, что активными факторами обновления лексики компьютерного сленга являются: 1) семантические преобразования, 2) заимствования, 3) словообразовательные процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аладышкина А.С. Современное интернет-сообщество: социально-стратификационный анализ: дис.... канд. социол. наук. / А.С. Аладышкина. – Нижний Новгород, 2016. – 117 с.
2. Бондаренко Т.А. Виртуальная реальность в современной социальной ситуации: дис.... д-ра филос. наук. / Т.А. Бондаренко. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2017. – 120 с.
3. Горошко Е.И. К уточнению понятия «компьютерно-опосредованная коммуникация»: проблемы терминоведения / Е.И. Горошко // Образовательные технологии и общество. – М.: Наука, 2009 а. Т. 12. № 2. – 445 с.
4. Горошко Е.И. Текст эпохи веб-2.0: психолингвистический анализ / Е.И. Горошко // Вопросы психолингвистики. М.: ИЯ РАН, 2019. – 289 с.
5. Дедова О.В. Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования / О.В. Дедова // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. – 2019. – № 57. – с. 137–159.
6. Дедова О.В., Григорьева П.В. Игровое словообразование в современном русском языке / О.В. Дедова, П.В. Григорьева // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. – 2018. – № 6. – с. 49–64.
7. Загоровская О.В. Семантическое освоение лексических заимствований. / О.В. Загоровская // Семантика слова и синтаксиса конструкций. – Воронеж, 2017. – 218 с.
8. Рацибурская Л.В. Специфика современных деривационных процессов в аспекте «америкоглобализации» / Л.В. Рацибурская // Русский язык: исторические судьбы и современность: IVМеждународный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2010. – 388 с.
9. Словарь компьютерного жаргона (Интернет-сленга). – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <https://alsiti.net/index.php?topic=556.0> (дата обращ.: 20.01.2020).
10. Словарь компьютерных терминов и жаргонизмов. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <https://luxhard.com/slovar-komp-yuterny-h-terminov-novy-j.html> (дата обращ.: 27.01.2020).
11. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты:

Монография / Г.Н. Трофимова.. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: РУДН, 2011. – 436 с.

12. Щипицина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: монография / Л.Ю. Щипицина. – Архангельск: Поморский университет, 2019. – 254 с.

A. A. Shapoval

SEMANTIC TRANSFORMATIONS IN THE SPHERE OF BORROWINGS

The article deals with the theoretical aspects of lexical and semantic transformations in the language of Internet communication. As a factor in the development of the vocabulary of the language, the main groups of borrowings are studied in the derivational aspect on the material of 400 units collected by sampling from different user Internet sites. Definitions of the concepts “word-forming nest” and “lexico-semantic calculus” in modern linguistics are studied.

Key words: *computer sphere, derivational processes, semantic structure, denotate, anglicisms, word formation nest.*

Поступила в редакцию 10.02.2020 г.

УДК 811.161.1'373

А.Е. Жуков

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ И ОФИЦИАЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ КУЛЬТОВЫХ ОБЪЕКТОВ КАК КОМПОНЕНТ УРБАНОНИМНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

В статье представлено исследование особенностей функционирования неофициальных и официальных экклезионимов в городе Донецке. Определены состав и структура исследуемых единиц.

Ключевые слова: *экклезионим, культовое сооружение, иконимы, агионимы.*

Современный этап развития ономастики характеризуется пристальным вниманием к ранее не изученным разновидностям имён собственных, среди которых особое место занимают названия культовых сооружений. Данные наименования стали объектом исследования учёных сравнительно недавно, в основном по экстралингвистическим причинам. После распада СССР и возрождения интереса к религии названия мест совершения обряда активно вошли в круг научных интересов исследователей-ономастологов.

Цель работы – определение статуса неофициальных наименований культовых сооружений в современной ономастической системе.

Задачи работы:

- 1) изучить историю культовых объектов;
- 2) выделить типы культовых объектов в донецкой лингвокультуре;
- 3) составить официальные и неофициальные наименования культовых объектов.

«Собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии, в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря» в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской получило наименование «экклезионим» [5]. Исследователь относит данные названия к классу топонимов.

Своеобразие наименований культовых сооружений отмечала ещё в 1973 г. А.В. Суперанская, которая писала: «Особую категорию имён с комплексными объектами представляют названия церквей, монастырей, часовен, алтарей. Они не могут быть включены ни в урбанонимию, ни в наименования коллективов или праздников из-за изменчивости границ своего применения. Они обозначают или обозначали не только

здания, в которых располагается церковь или монастырь, но в определённые эпохи относились к людям, живущим или служащим там, и к крестьянам деревень, приписанным к монастырям, и к землям, приписанным монастырям. Ввиду комплексности обозначаемого объекта названия этого типа в своём последующем развитии становились основами и топонимов, и антропонимов» [6, с. 196].

На современном этапе развития науки учёными-ономастами широко используется полевой подход, при котором языковые единицы рассматриваются как элементы системы с центром, периферией и переходными зонами. Так, исследователь русской православной эклизионимии Е.П. Аринина объясняет уникальность названий культовых сооружений их своеобразным, периферийным положением в общей ономастической системе языка. Эклизионимы «имеют специфические семантические и структурные свойства, не характерные для ядерных элементов поля. Отчасти этим и объясняется недостаточная изученность этого вида онимов» [2].

Кроме того, полевой подход предполагает установление ядерно-периферийных отношений между единицами внутри отдельных ономастических разрядов [7].

В соответствии с этим Е.П. Аринина к ядру поля относит наиболее часто повторяющиеся и узнаваемые названия, представляющие собой как официальные, так и разговорные формы эклизионимов. Например, церковь в честь Иоанна Крестителя, Казанский собор.

Околоядерную зону составляют эклизионимы, мотивированные названиями населённых пунктов, где находится культовое сооружение: Песоцкий Брянский монастырь и др. Данные именованья обязательно содержат родовое определение (монастырь), которое позволяет однозначно определить разряд онима.

К периферийной зоне поля эклизионимов отнесены редкие, необычные названия, которые не включают даже родового определения и поэтому не идентифицируются непосвящёнными лицами как собственные имена культовых объектов. Например, Иван на Острове, Никола Старый у Большого крестца и др. [1, с. 8-9].

Длительное время спорным в научной литературе оставался вопрос о правомерности включения наименований культовых сооружений в урбанонимное пространство. С точки зрения А.М. Мезенко, высказанной в работе «Урбанонимия Белоруссии», «поскольку названия церквей, костёлов, монастырей, часовен и других мест совершения обряда являются собственными названиями внутригородских объектов, они должны рассматриваться как вид урбанонимов» [4].

Данный тип онимов имеет подобные другим разновидностям урбанонимов структурные и семантические типы. Так, структура названия культового сооружения, как и наименования внутригородского объекта, всегда поликомпонентна и состоит из номенклатурного термина и проприальной части. Отношения между номенклатурным термином и проприальной частью

Тем не менее, имея специфический объект номинации, эклизионимы обладают своими собственными чертами, выделяющими их среди других онимов – внутригородских названий.

В эклизионимах, в отличие от большинства других онимов, наблюдается прозрачность внутренней формы и мотивированности именованья. Названия церквей реализуют несколько основных типов мотивов номинации.

Большинство эклизионимов образованы от:

1) агионимов (имен святых): Свято-Николаевский храм, Храм Святого Мученика Иоанна Воина, Храм Святителя Игнатия Мариупольского, Храм Святого мученика Вонифатия, Свято-Георгиевский собор, Свято-Серафимовский храм;

2) эортонимов (названий церковных праздников): Спасо-Преображенский кафедральный собор, Храм Покрова Пресвятой Богородицы, Храм Свято Рождества Иоанна Крестителя.

3) иконимов (названий икон): Храм Покрова Пресвятой Богородицы.

4) названий, связанных с социальным назначением культового объекта: Спасо-Преображенский кафедральный собор (кафедральный православный храм в Донецке, в честь Преображения Господня, главный храм Донецкой и

Мариупольской епархии Украинской Православной Церкви Московского патриархата).

Всего собрано – 53 наименования экклезионимов г. Донецка.

№	Название	В честь кого/чего названа
1.	Красная шапочка	Ворошиловский район, место около Свято-Преображенского храма, название осталось от кинотеатра «Красная шапочка», который там был в советское время, до 90-х годов
2.	Храм в сквере Горького	Другое название Свято-Преображенского храма, название дано по старому названию сквера, в котором построен храм
3.	Преображенка	Другое название Свято-Преображенского храма, упрощение от названия храма
4.	Церковь на девятке	Буденновский район, Свято-Успенский храм, название дано по номеру больницы, которая находится рядом с храмом
5.	Новый храм	Ленинский район, Храм св.Петра и Февронии, название произошло от того, что этот храм один из самых больших в городе, открылся уже после создания ДНР, что для людей олицетворяет «новое время», «новая постройка»
6.	Церковь Николая	Кировский район, Свято-Николаевский кафедральный собор, название от сокращения официального названия
7.	Храм на Ларинке	Кировский район, Свято-Николаевский кафедральный собор, название от месторасположения собора – поселок Ларинк
8.	Покровка	Калининский район, Свято-Покровский храм, название от упрощения названия храма
9.	Монахи	Буденновский район, пос. в отдалении, название связано с его изоляцией и отграничением от главных улиц города, аналогия с отшельником, монахом.

10.	Невка	Авдотьино, храм Святого Александра Невского, название от сокращения и упрощения официального названия
11.	Церковь на Донском	Храм св.Блаженной Ксении Петербургской, название от названия микрорайона, где находится храм
12.	МВД-шный храм	Храм Святого Мученика Иоанна Воина - православный храм в городе Донецке, построенный в честь святого Иоанна Воина на территории областного управления МВД , отсюда и название
13.	Троицын храм	Храм Трех Святителей, название от перефразирования трех святителей в троицу
14.	Храм Первоверховных	Храм Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, Куйбышева 88, название от сокращения
15.	Храм Богоматери	Храм Козельщанской иконы Божьей Матери, название от сокращения
16.	Синагога	Ворошиловский район, Донецкая Синагога В Память Любавического Ребе Бейт Менахем-Мендл, сокращение названия
17.	Пантелеймоновская церковь	Храм великомученика и целителя Пантелеймона, название от сокращения
18.	Святого Серафима	Храм Свято-Преподобного Серафима Саровского, название от имени святого, в честь которого назван храм
19.	Введенский храм	Свято-Введенский храм, название от сокращения
20.	Церковь на Текстиле	Другое название Свято-Введенского храма, название от месторасположения храм
21.	Воскресенская церква	Свято-Воскресенский храм, название от сокращения и использования устаревшей формы слова «церковь»
22.	Троицкая церковь	Свято-Троицкий храм, название от сокращения
23.	Храм Первозванного	Храм святого апостола Андрея Первозванного, название от сокращения
24.	Церковная площадь	Названия площадей, на которых расположены храмы, такие как Троицкая площадь, Соборная площад
25.	Святская церковь	Всехсвятский храм УПЦ Московского

		патриархата, название от сокращения
26.	Георгиевский храм	Храм великомученика Георгия Победоносца, название от имени святого, в честь которого назван храм
27.	Предтеченская церковь	Храм святого Иоанна Предтечи, название от названия иконы, в честь которой назван храм
28.	Святой Лука	Храм Святителя и исповедника Луки архиепископа Крымского, название от имени святого
29.	Матренина церковь	Храм Святой Матроны Московской, название от перефразирования названия храма
30.	Владимирская церква	Храм Равноапостольного Великого князя Владимира, название от имени святого и использования устаревшей формы слова «церковь»
31.	Игнатьевская церковь	Свято-Игнатьевский храм, название от имени святого
32.	Почаевский храм	Храм в честь Почаевской иконы Божией Матери, название от святыни «Почаевская» икона Божьей Матер
33.	Храм Рождества	Название сразу двух храмов: Храма Рождества Божьей Матери и Храма Рождества Христова, название от сокращения
34.	Храм Спасителя	Храм Христа Спасителя, название от сокращения
35.	Протестанты	Религиозная община «Церковь Божия», название от религиозного направления общины
36.	Баптисты	Церковь «Дом Евангелия», название от религиозного направления общины
37.	Миссионеры	Миссионерское служение «слово Жизни», название от направления деятельности
38.	Иеговы	Зал царства Свидетелей Иеговы, название от сокращения
39.	Костел	Римско-католический храм парафии Святого Иосифа, название от вида церковного сооружения согласно религиозному течению
40.	Евреи, жидовская церковь	Еврейская мессианская община Донецка, название от национальности и оскорбительного названия нации «евреев»

41.	Староверы	Старообрядческий поселок в Донецке, название от альтернативного названия старообрядцев
42.	Мечеть	Ахатъ-Джами, соборная мечеть, название от вида церковного сооружения согласно религиозному течению
43.	Кришноиды	«Будда Хридая» Донецкая община школы Сон-Буддизма
44.	Храм Нины	Храм Святой равноапостольной Нины, название в честь святой
45.	Храм Ольги	Храм Святой равноапостольной княгини Ольги, название в честь святой
46.	Алешин храм	Храм Святого новомученика Царевича Алексея, название в честь святого
47.	Михайловская церковь	Храм Архистратига Михаила, название в честь святого
48.	Куйбышевский костел	Храм Покрова Пресвятой Богородицы, название от названия района, где расположен храм и религиозного течения - католицизма
49.	Адвентисты	Церковь адвентистов седьмого дня, название от религиозного течения
50.	Пятидесятники	Пятидесятническая церковь «Город света», название от религиозного течения
51.	Мормоны	Молитвенный дом мормонов, название от религиозного течения
52.	ноевцы	Независимая религиозная община сыновей Ноя «Хатиква», название от религиозного течения
53.	язычники	Славянская община Донецка «Дикое Поле», название от религиозного течения

Таким образом, названия церквей, монастырей, часовен представляют собой специфический набор онимов, присущий только объектам культового назначения. В силу специфичности именуемого объекта экклезионимы выделяются из системы онимов других разрядов своей стилистической окраской, так как они в основном содержат лексику религиозной семантики, сакральную лексику и призваны прославлять святых и христианские добродетели.

Экклезионимы – яркий пример искусственной номинации, которая предполагает целенаправленное наречение объекта и введение данного названия в общественный лексикон. Это сближает наименования культовых сооружений с эргонимами.

По своей структуре экклезионимы являются в большинстве своём сложными словосочетаниями с разными отношениями между словами.

Экклезионимы отличаются от других видов онимов и своей стилистической окраской. Специфика функционирования названий культовых объектов предполагает наличие в их составе религиозной лексики, что придаёт данным единицам возвышенный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аринина Е.П. Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Е.П. Аринина. – Самара, 2008. – 19 с.
2. Аринина Е.П. Экклезионимия как разновидность наименований в русской ономастической системе / Е.П. Аринина // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – Самара, 2007. – С. 215-222.
3. Мезенко А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / Н.В. Подольская. – М., 1988. – 243 с.
5. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М., 2007. – 368 с.
6. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

A.E. Zhukov

NON-OFFICIAL AND OFFICIAL NAMES OF CULT OBJECTS AS A COMPONENT OF THE URBAN ANIMAL SPACE OF THE CITY

The article presents a study of the functioning of unofficial and official ecclesionyms in the city of Donetsk. The composition and structure of the units under study are determined.

Key words: ecclesionim, religious construction, iconim, hagianyms.

Поступила в редакцию 26.02.2020 г.

УДК 81`27

Е. В. Юрьева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

АНАЛИЗ НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫХ СРЕДСТВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА АФИШИ

В данной статье рассматриваются вербальные (т. е. словесные) и визуальные средства воздействия на адресата афиши. Афиша представляет собой креолизованный текст (лингвовизуальный феномен), который способен изменить картину мира адресата. Определенные средства и приемы (чаще вербальные), применяемые адресантом афиши, непосредственно связаны с воздействием на дестинатора, на его поведение, другие же (чаще невербальные) обеспечивают условия для эффективного восприятия и запоминания информации.

Ключевые слова: афиша, креолизованный текст, адресант, адресат, вербальное воздействие.

Цель данного исследования – выявить коммуникативно-прагматический потенциал креолизованного текста афиши, определить наиболее эффективные средства воздействия на дестинатора.

В современной коммуникативной среде естественный язык является важнейшим и универсальным средством общения, но вовсе не единственным. Общеизвестно, что язык – это система вербальных знаков, посредством которой осуществляется человеческое общение. Именно во взаимодействии со знаками иной природы (например, иконическими) эти знаки наиболее успешно реализуют свои коммуникативные функции. В человеческом употреблении сегодня имеется большое количество семиотически неоднородных текстов, которые в самом общем виде называются креолизованными [4]. Данный термин принадлежит Ю. А. Сорокину и Е. Ф. Тарасову. Креолизованный текст – это текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [8, с. 180-181]. Обе составляющие направлены на достижение коммуникативного эффекта.

Иконический компонент афиши представлен иллюстрациями (фотографиями и рисунками). Изобразительный ряд способствует пониманию, так как воспринимается и запоминается легче, чем вербальный текст. Таким образом, невербальные составляющие афиш выполняют информативно-экспрессивную функцию.

Итак, креолизованный текст афиши можно определить как лингвовизуальный феномен, в котором иконический и вербальный компоненты образуют единое целое с целью оказания планомерного прагматического влияния на дестинатора: человек подсознательно в большей степени доверяет визуальной информации.

Невербальные компоненты несут дополнительный смысл, располагают интерактанта к восприятию информации. Кроме того, в креолизованных текстах использование положительного изображения способствует «эстетизации» коммуникации. Эстетизация, т.е. опора на внешнюю красоту, дизайн, характеризует сегодня практически все сферы коммуникации: рекламу, СМИ, политику, сферу повседневного общения. Исследователи говорят об «эстетизации нашего жизненного пространства». Картинка служит своего рода декоративным обрамлением речевого сообщения и фактически является его двойным кодированием для усиления информационного веса [9, с. 91]. Например, афиша с изображением детей, держащих в руках глобус, вызывает доверие адресата, привлекает внимание к основному тексту *«Музыка народов мира. Прозвучат мелодии русских, белорусских, украинских, польских, болгарских, венгерских, молдавских, финских, шведских, немецких народных танцев, а также музыка стран Азии и Латинской Америки»*. См. рис. 1.

Рис. 1. «Музыка народов мира»

Таким образом, иконическая составляющая в ненавязчивой форме побуждает адресата к действиям, о реализации которых он, возможно, даже не задумывался, например: сходить на концерт с ребенком.

В афише прослеживается диалогичность всех составляющих, которые функционируют как неделимое целое и способствуют достижению главной цели: максимальному воздействию на дестинатора.

Языковые средства в афишах отбираются адресантом с учетом критериев информативности и аттрактивности. К непосредственно вербальным приемам можно отнести средства выразительности на разных языковых уровнях: аллюзии, эпитеты, метафоры, метонимии, сравнения, повторы, игру слов, окказиональные новообразования, эмоциональный синтаксис и т. д. Рассмотрим примеры использования вышеперечисленных средств.

Аллюзия или цитация (разница между ними весьма условна: цитация – это дословная выдержка из какого-либо сочинения; аллюзия – это стилистический приём, заключающийся в намёке на общеизвестные факты, исторические события, литературные произведения и т. п.): концерт «*Море зовёт*» (<http://gomelorchestra.com/billboards/>) – название популярной в 60-е годы песни (музыка: Арно Бабаджаняна, слова Гарольда Регистана); концерт духового оркестра к 95-летию Арно Бабаджаняна «*Шагает солнце по бульварам*» (<http://gomelorchestra.com/billboards/>) – *строчка из песни «Солнцем опьяненный»* (стихи: Георгия Карапетяна (перевод Анатолия Горохова), музыка: Арно Бабаджаняна).

Эпитеты. С целью усиления перлокутивного эффекта в тексте афиши адресант чаще всего использует эпитеты: «*Жизнеутверждающий фанк, всеобъемлющий соул, уютный джаз*» (<http://finmatrix.ru/pic.php?id=24596>), «*Супер комедия для взрослых*» (hochu-bilet.com); «*Величественное барокко*», «*Фортепианный блеск*», «*Золотая коллекция классики*», «*Прекрасные мелодии любви. Струнные серенады*», «*Волшебный мир Эдварда Грига*» (<http://gomelorchestra.com/billboards/>); «*Золотые хиты гранд-оркестра Поля Мориа*», «*Золотые арии и увертюры*» (<http://filarmonia-donetsk.ru/afisha/>). Особую функциональную нагрузку в текстах имеет прилагательное «золотой». В вышеприведенных примерах оно используется в значении «очень ценный» (перен.).

Персонификация (олицетворение) – наделение неодушевленных предметов и явлений действительности свойствами и признаками живых существ: «Живая музыка» (<http://finmatrix.ru/pic.php?id=24596>); «Музыка дарит здоровье», «Симфония на пуантах», «Опера в тужаке» (<http://gomelorchestra.com/billboards/>); «Орган собирает друзей» (<http://filarmonia-donetsk.ru/afisha/>); «Джаз в кругу друзей» (<http://filarmonia64.com/?paged=5&cat=3>).

Метафора. Она всегда была в центре внимания гуманитарных наук в силу ее полифункциональности и неоднозначности свойств (см., например: [1; 3; 5; 7; 10]). В настоящее время в связи с развитием когнитивного направления лингвистики открылись новые возможности в изучении метафоры, в частности в рекламном дискурсе. В креолизованной рекламе технология применения метафоры основывается на двух принципах: рациональном и эстетическом, реализованных соответственно в вербальном и визуальном компонентах. По мнению Е. А. Елиной, важным элементом соединения вербального и невербального компонентов является метафора, поскольку на ее основе создается слоган, выражающий смысл всей рекламы в целом [4]. Иными словами, текст способствует адекватной интерпретации смысла иконического образа. Креативное метафорическое «обрамление» фразы способно изящно представить новую информацию. В приведенном ниже креолизованном тексте (рис. 2) адресант ненавязчиво в комической форме побуждает адресата к посещению филармонии – «*Портреты великих в зеркале органной музыки*» (<http://filarmonia64.com/?paged=7&cat=3>).

Рис. 2. «*Портреты великих в зеркале органной музыки*»

Хорошо продуманное взаимодействие вербальной части (например, слогана) и невербальной (изображения) вызывает у адресата ряд положительных эмоций и способствует запоминанию.

Учитывая вышесказанное, для дальнейшего анализа роли метафоры в креолизованном тексте афиши нам представляется целесообразным воспользоваться когнитивной теорией метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [7]. Одна из основополагающих идей данной теории состоит в том, что метафора в повседневном общении осуществляет важную когнитивную функцию – получение знания. Следствием этой идеи является «предположение о том, что метафора влияет на процесс принятия решений. Метафора особенно важна при формировании множества альтернатив

проблемной ситуации» [2, с. 16]. Чтобы проследить, как функционирует метафора в афишах, мы сосредоточили внимание на вербальном наполнении следующих креолизованных текстов: «*Волшебная сила театра. Живое театральное действие юных артистов на подмостках профессионального театра*» (http://www.mir-teatra.org/news/istorija_afishi/2017-07-06-132); «*Мой мир – музыка*» (<http://alchevsk.su/category/37>); «*Вкусные сказки*» (<https://afisha.relax.by/kids/10840893-vkusnyje-skazki/minsk/>) (подразумевается, что во время чтения сказок будет организовано чаепитие). Метафора дает возможность создать немногословный текст с элементами многозначности. Двусмысленность придает вербальному компоненту афиши особую стилистическую окраску, кроме лаконичного сообщения информации привлекает внимание адресата, способствует запоминанию, создает комический эффект.

Метафоры, по наблюдениям К. М. Шилихиной, предоставляют возможности манипулирования сознанием аудитории и формируют убеждения целевых аудиторий в нужном адресанту направлении [10], поэтому так часто метафора используется адресантом афиши.

Итак, метафора в креолизованном тексте афиши является стратегическим замыслом адресанта. Когнитивная метафора дает ему возможность непосредственно влиять на действия адресата. Довольно часто изображение также участвует в создании контекста.

Окказионализмы или авторские неологизмы: «*Чехов-фест. Театральный фестиваль*» (<http://spec-kor.com.ua/news/sumy/2928-afisha-chekhov-fest2019-ne-prohavte-naitsikavishoho.html>).

Игра слов (основана на омонимии и паронимии): «*Снежное шоу Славы Полунина*» (<https://newslab.ru/afisha/>) рис. 3. Адресат может не заметить букву «с» в слове «снежное» и прочесть: «нежное шоу». Прилагательное «нежный» имеет положительную коннотацию (вызывает у дестинатора ряд позитивных ассоциаций), что может повлиять на принятие решения посетить шоу. В следующем примере «*Дивные каверы. Струнный ансамбль "Дива-квартил"*» (<http://filarmonia-donetsk.ru/afisha/>) мы видим некий каламбур: адресат может интерпретировать высказывание «дивные каверы» и как «чудные, чудесные, неземные, чарующие, восхитительные, бесподобные, пленительные каверы», и как «каверы, принадлежащие дивам». Это вызывает комический эффект и привлекает внимание дестинатора.

Рис. 3. «Снежное шоу Славы Полунина»

Эмоциональный синтаксис (концентрация императивных форм глагола): «*Послушай песню*» (<http://filarmonia64.com/?cat=3>); «*Спой с оркестром*», «*Оперетту в*

студию!» (<http://gomelorchestra.com/billboards/>); *«Танцуй и пой, народная душа!»* (<http://filarmonia-donetsk.ru/afisha/>).

Кроме того, наряду с вербальными адресант афиши довольно часто использует **параграфические средства** (место размещения заголовка, размер, цвет и шрифт букв, кавычки и др. знаки препинания (выполняют в креолизованном тексте функцию выделения или разделения), применение которых может не соответствовать пунктуационным нормам современного русского литературного языка). См. рис. 3.

С целью привлечения внимания дестинатора адресант изобретает все новые средства и приемы повышения визуальной и эмоциональной выразительности. Одним из таких приемов является создание рекламного сообщения через формы выражения комического. Как уже было сказано ранее, адресантом наряду с вербальными приемами широко используются невербальные.

Для анализа используемых невербальных приемов создания комического в креолизованных текстах афиш мы опирались на структурированную гипотезу А. Д. Кошелева о комическом и о функции смеха. Исследователь настаивает на том, что, несмотря на чрезвычайное разнообразие трактовок комического в рамках философского, психологического и социального направлений, в большинстве из них называется в качестве основной характеристики комического та или иная форма противоречия: «умственный контраст», «ощущаемый абсурд», «видимая нелепость», «отклонение от нормы» [6, с. 278]. Адресантом афиши намеренно определяются и используются наиболее эффективные средства и приемы визуализации комического, а также прогнозируются результаты их воздействия на адресата. Это связано с тем, что объектом рекламирования в афише могут быть концерт, сольный концерт, спектакль, фестиваль, художественный фильм и т. д., рекламирование которых влечет за собой использование адресантом беспрецедентного материала. Среди невербальных приемов, к которым прибегает адресант афиши, – метафора, парадокс, пародия и др.

Рассмотрим некоторые из них.

Юмористическая или шуточная пародия: в целом дружественная по отношению к оригиналу, например: рис. 4 *«Игра в классики»* (<http://filarmonia-donetsk.ru/afisha/>) – изображение всемирно известного немецкого композитора Иоганна Себастьяна Баха с электрогитарой в руках. Бах ушел из жизни в 1750 году, а первые электрогитары появились в 1931 году. В этом и заключается нелепость ситуации, которая не соответствует здравому смыслу и жизненному опыту адресата.

6 ОКТЯБРЯ
ПЯТНИЦА
17:00

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ДОНЕЦКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ
ФИЛАРМОНИЯ
КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ ИМ. С. С. ПРОКОФЬЕВА

ИГРА В КЛАССИКИ
КАМЕРНЫЙ ОРКЕСТР «ВИОЛА»
РУКОВОДИТЕЛЬ – ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ ДНР
ВАЛЕРИЯ ПУТРЯ

В программе прозвучат произведения из репертуара знаменитых оркестров п/у Поля Мориа и Джеймса Ласта, пианиста-виртуоза Ричарда Клайдермана, оркестра «Rondo Veneziano»

Солстка
лауреат международного конкурса
НАНА АГУМАВА
(фортепиано)

В концерте принимают участие:
Екатерина МАЛЕВАННАЯ
флейта
Александр АЛЕКСЕЕНКО
гобой
Дмитрий ПОПОВ
труба
Владимир ВАСЬКОВСКИЙ
труба
Данил МИЛКА
акустическая гитара
Юлия КОЛОСОВСКАЯ
клавишин, синтезатор
Денис ГРУБСКИЙ
контрабас

Ведущая Татьяна КУСТЫ

12+ | ВОЗМОЖНОСТИ БИЛЕТОВ: (071) 332-55-07 | Касса: (062) 335-71-54 | СТОИМОСТЬ БИЛЕТОВ: 100, 150, 200 руб.

Рис. 4. «Игра в классики»

Вербальный и визуальный ряд дополняют друг друга. В тексте сообщается о том, что для любителей классической музыки в Донецкой филармонии подготовлена программа: в исполнении камерного оркестра «Виола» (руководитель – Валерия Путря) зазвучат легендарные произведения XX века. Музыканты сыграют произведения из репертуара знаменитых оркестров под управлением Поля Мориа и Джеймса Ласта, пианиста-виртуоза Ричарда Клайдермана, оркестра «Rondo Veneziano».

Парадокс (визуальный): рис. 5 "Повести Белкина" (<http://filarmonia-donetsk.ru/afisha/>) – литературно-музыкальная композиция по произведениям А. С. Пушкина «Выстрел», «Гробовщик», «Метель». Интерпретация комического в данном сообщении рассчитана на довольно высокий интеллектуальный уровень дестинатора, потому что в качестве противоречия, которое вызывает улыбку и способствует восприятию, адресантом используется «временной контраст»: литературный талант А. С. Пушкина, музыкальный талант В. В. Завадиленко и исполнительский талант А. А. Парецкого могут объединиться только на сцене Донецкой филармонии под музыку Мендельсона, Берлиоза, Глинки, Чайковского, Калинникова, Лядова, Танеева, Прокофьева, Свиридова.

Рис. 5. "Повести Белкина"

Намек (рис. 6). В приведенном ниже креолизованном тексте музыкальная пластинка изображена в виде торта. Текст в данном примере является комментарием к изображению: афиша в креативной форме сообщает потенциальному гостю Большого кафе о новом выступлении диджея. Адресант «намекает» на то, что в кафе можно и послушать музыку, и выпить чашечку чая, заказав кусочек любимого торта. Таким образом, адресант манипулирует желанием адресата приятно провести время.

Рис. 6 «В Большом кафе»

Итак, с целью оптимизации процесса интерпретации адресант афиши использует комическое и юмористическое на всех уровнях: сюжетном, вербальном, визуальном и др. В лингвистической науке для наименования текстов, объединяющих в себе вербальный и

визуальный компоненты, существует большое количество терминов (например, семиотически осложнённый текст, поликодовый текст, изовербальный комплекс или иконотекст), но в качестве рабочего в этом исследовании был использован термин «креолизованный текст».

Адресант креолизованного текста афиши намеренно определяет и применяет наиболее эффективные средства и приемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики / А. Н. Баранов // Известия А. Н. Сер. литературы и языка. 2004. Т.63, № 1. – С. 33-43.

2. Баранов А.Н. Предисловие редактора // Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.

3. Битокова С. Х. Концептуальная метафора и теория воплощенного реализма / С. Х. Битокова // Язык и межкультурная коммуникация : Сб. статей I Международной конференции (23 января 2007 г. Астрахань). – Астрахань: Астраханский ун-т, – 2007. – С. 62–64.

4. Елина Е. А. Семиотика рекламы / Е. А. Елина. – Москва: «Дашков и К», 2013. Издание 2-е. – 136 с.

5. Зенкова А. Ю. Визуальная метафора в социально-политическом дискурсе: методологический аспект / А. Ю. Зенкова // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург: Издательство Южно-Уральского государственного университета, 2004. – С. 39–54.

6. Кошелев А. О структуре комического (анекдот, каламбур, шарж, пародия, шутка, комическая история) / А. Кошелев // Логический анализ языка: Языковые механизмы комизма / под ред. Н.Д. Арутюновой. – Москва: Индрик, 2007, – С. 263-294.

7. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

8. Сорокин Ю. А., Тарасов, Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – Москва: 1990. – С.180-181.

9. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, ... дискурсивность / В. Е. Чернявская. – Москва: Книжный дом «ЛИБРО-КОМ», 2009. – 248 с.

10. Шилихина К.М. Использование метафоры в телевизионной рекламе / К. М. Шилихина // Язык, коммуникация и социальная среда: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: ВГУ, 2004. – Вып. 3. – С. 97–104.

E. V. Yurieva

ANALYSIS OF THE MOST EFFECTIVE MEANS OF THE INFLUENCE ON A POSTER'S ADDRESSEE

This article discusses the verbal and visual means of influencing on the poster addressee. The poster is a creolized text (linguistic-visual phenomenon), which is able to change the picture of the world of the addressee. Certain techniques and tactics used by the poster's addresser are directly related to the impact on the destinator, on his behavior, while others provide conditions for the effective perception and storage of information.

Key words: poster, creolized text, addresser, addressee, verbal influence.

Поступила в редакцию 10.02.2020 г.

О НЕКОТОРЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРИЁМАХ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СМИ

В статье рассматриваются два словообразовательных приёма языковой игры в СМИ: «предсказамус-прием», представляющий собой образование слов по конкретному образцу, и «фокус-покус прием», представляющий собой рифмовку созвучных слов, одно из которых является искаженным дублетом другого. Актуальность темы обусловлена широким распространением рассматриваемых приемов, исследованных, впрочем, преимущественно на материале художественной литературы и разговорной речи. В ходе исследования были определены три типа соотношения коннотативных характеристик слова-прообраза и инновации: 1) слово-прообраз нейтрально – инновация оценочна; 2) слово-прообраз оценочно – инновация создается как нейтральная, но в силу ассоциативной связи наследует оценочность; 3) слово-прообраз оценочно – инновация оценочна.

Ключевые слова: языковая игра, словообразовательная игра, предсказамус-прием, фокус-покус прием, язык СМИ.

На сегодняшний день словообразовательная игра (СИ) достаточно хорошо изучена на материале разговорной речи, художественной литературы, языка СМИ. Так, исследование СИ на материале разговорной речи представлено в коллективных монографиях под общим названием «Русская разговорная речь». В первой из них в специальном разделе «Производные, создаваемые с установкой на языковую игру» автор, Е.А. Земская, пишет следующее: «Можно выделить 4 вида окказионального словообразования: 1) производство слова с нарушением тех или иных законов действия продуктивных типов; 2) производство слова по типам непродуктивным; 3) производство слова по конкретному образцу; 4) производство слова по типам, специфическим для окказионального словообразования» [3, с. 184]. В следующей по времени выхода монографии уже используется как родовой термин языковая игра, так и видовой – словообразовательная игра, которую авторы раздела – Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова – понимают как языковую игру средствами словообразования, ср.: «Словообразование в РР активно используется как средство языковой игры» [5, с. 189]. К приемам словообразовательной игры авторы относят: контраст между частями слова, контраст модели и ее наполнения, прием порождения одноструктурных производных, имена лиц как производящие основы в шуточной РР, прием рифмованного эха («фокус-покус прием»), прием псевдовосстановления производящей основы [там же, с. 190–194]. Предложенный подход к СИ оказался очень плодотворным, получившим развитие в целом ряде исследований.

Так, Н.А. Николина, считающая СИ частным случаем, тем не менее дает ей развернутое определение, имеющее объяснительную силу применительно только к словообразовательному уровню языка, ср.: «Она (словообразовательная игра – А. В.) связана с деавтоматизацией восприятия словообразовательной структуры производного слова и актуализацией словообразовательных средств, намеренное подчеркивание которых порождает различные эффекты в речи» [9, с. 337].

Развивая взгляды названных ранее авторов, Н.А. Николина предлагает рассматривать СИ в широком и узком смысле: «В широком смысле она включает: 1) создание новообразований – окказиональных или потенциальных слов; 2) концентрацию

на небольшом пространстве текста одноструктурных или однокоренных слов; 3) актуализацию контраста между морфемами или моделью и ее наполнением; 4) изолированное употребление аффикса; 5) псевдовосстановление производящей основы; 6) субституцию и вставки. <...> В узком же смысле словообразовательная игра – сознательное обнажение словообразовательной структуры слова посредством реконструкции деривационного акта или объединения в одном контексте однокоренных слов, характеризующихся разными формантами...» [там же, с. 338].

На рубеже XX—XXI вв. СИ получает широкое распространение в языке СМИ, что является принципиально новым явлением для русского языка. Экспрессия, по мнению исследователей языка СМИ, побеждает стандарт, и немаловажную роль в этом играет СИ. Не подлежит сомнению тот факт, что большая часть способов и приемов СИ заимствуется из тех функциональных стилей, где они были давно известны и опробованы – из разговорной речи и художественной литературы, вместе с тем в языке СМИ появляются новые способы и приемы, формирование которых произошло не столько под влиянием языковых, сколько внеязыковых факторов – использованием новых технологий в оформлении печатного текста. Так, новое оформление могут получить традиционные приемы СИ, например, игра с внутренней формой слова, ср.: *заКАДРили* в значении «сфотографировали»; *СТРАХование* жизни и др. Таким образом, СИ получает графическое оформление, что и будет показано в дальнейшем.

В данной работе мы проанализируем два конкретных словообразовательных приёма языковой игры в СМИ.

«Предсказамус-прием». Название «предсказамус-прием» используется для обозначения приема, традиционно называемого «образование слов по конкретному образцу» [3, с. 194]. Рассматриваемый далее прием давно используется мастерами слова, что позволило Е.А. Земской отнести его к наиболее распространенным приемам порождения окказионализмов, механизм действия которого выглядит следующим образом: «Конкретный образец может быть как производным словом, так и непроизводным, но вычленяющим какие-то сегменты. Создавая окказионализм, творец может отчетливо осознавать связь с прообразом и эксплицировать ее. При этом в качестве форманта, структурирующего окказионализм, часто используется не аффикс, а какой-либо фрагмент слова-прообраза» [4, с. 194].

Говоря о широком распространении рассматриваемого приема, Е.А. Земская имеет в виду художественную литературу и разговорную речь, где он выполняет функцию экспрессивного средства. Такая же функция сохраняется за ним и в языке СМИ, но характер экспрессии здесь представлен в самом широком диапазоне – от незатейливой шутки до ярко выраженной социальной оценки. Так, с помощью этого приема создаются словообразовательные шутки, ср.: *Одна дама, которая была в очереди передо мной, вдруг решила педикюр сделать. Пришлось ждать. Хорошо еще, что она хвостикюр делать не стала* (КП, 2012, № 42); *И вот мы с моими кумами организовали «Кумпартию». И даже те, кто о ней еще не слышал, но уже кого-то крестил, автоматически являются членом нашей партии* (КП, 2013, № 42); *Помню, ему было лет 14, шел очередной Московский кинофестиваль, а он рос абсолютнейшим «кинофреником». И я разрешила ходить на все просмотры* (АиФ, 2017, № 51 – интервью с Г. Волчек).

Как явствует из примеров, такой характер данный прием чаще имеет в интервью, в имитации спонтанной речи, где игры со словом в функциональном плане носят незатейливый характер.

Нередки такие словообразовательные шутки и в заголовках, где необычные инновации привлекают внимание читателя, выполняя тем самым не только информативную, но и рекламную функцию, ср.: *Предсказамус* (АиФ, 2014, № 25); *«Фруктовый Сад» объявляет итоги «Веселого Фрутешествия»* (КП, 30.09.13); *Кузнец*

Вакула подружился с «мисиянами» (мисияне – студенты и сотрудники МИСИ – бывш. Макеевского инженерно-строительного института. – А. В.) (ДВ, 18.01.15); *Звернисаж* (заголовок); *Как артисты из Уголка Дурова зарабатывают себе на жизнь* (АиФ, 2017, № 5); *Тараканавты* (К, 29.10.17); *Кастровитяне* (КП, 2014, № 38).

Часто в результате таких словообразовательных экспериментов появляются так называемые дезориентирующие заголовки, ср.: *Рынок поставил на «стимулянта» Трампа* (КП, 05.11.18). Скорее всего, автор хотел создать новое слово без опоры на образец, но ассоциация напрашивается сама собой (стимулянт – симулянт), что ведет к дезориентации читателя. Сказанное можно отнести и к следующему примеру: *Ростовский театриум* (заголовок). *Профессиональный режиссер создал кровавую группировку «черных риелторов»* (КП, 2013, № 36). Инновация *театриум* ассоциативно соотносится с визуальным существительным *террариум*. Дальнейшая семантизация инновации ставит такое объяснение под сомнение, так как в подзаголовке присутствует слово *режиссер*, что укрепляет связь инновации со словом *театр* и ослабляет со словом *террариум*. Вместе с тем роль последнего продолжает оставаться значимой, так как оно созвучно и потому узнаваемо, что и влияет на формирование семантики нового слова.

Как уже было сказано, экспрессивность в языке СМИ носит оценочный характер. СИ как нельзя более удачно подходит для выражения воздействующей функции, так как оценка, выраженная в игровой форме, во-первых, не столь навязчива, во-вторых, лучше запоминается в силу неожиданности, наконец, понравившееся слово вызывает желание повторить его, употребить «к месту», чем достигается опосредованное воздействие (автор – адресат / адресант – адресат и т.д.).

Проиллюстрируем сказанное примерами. Так, социально-оценочный характер явно присутствует у таких инноваций-заголовков, как *Кремлетрясение* (ДК, 05.11.15) и *Банкотрясение* (АиФ, 2015, № 51). Еще более очевидна резко отрицательная оценка в следующих примерах: *Крышеловка* (К, 2013, №39); *Минфинаторы* (ДК, 2016, № 38); *ЕКАТЕРИНОЗАВР* (заголовок). *В России возрождается мода на переименование городов, областей и улиц* (подзаголовок) (КП, 2011, № 14).

Особо выделим такую инновацию, как *Сталинленд*, мотиватором которой служит следующий предтекст: *Туристический центр «вождя всех народов» планируют создать в Донецке* (КП, 20.04.16). Совершенно очевидно, что соединение в одно целое такого ключевого имени, как *Сталин*, и элемента *-ленд*, не просто иноязычного, но прочно ассоциирующегося с топонимом *Диснейленд* – парком аттракционов, – это не просто словообразовательная шутка, а, так сказать, шутка идеологизированная, отражающая смену политических ориентиров.

Ярко выраженный оценочный характер имеет и такая инновация, как *ПРАВОлюция* (ДК, 2011, № 47). Каламбурное столкновение (*революция* – *левый*) и игра с антонимами (*левый* – *правый*) отражают политическую ситуацию, противостояние политических сил в современной России.

Суверенная ДЕДОкратия (заголовок). Б. Грызлов, вице-спикер Госдумы: «Никто и никогда не сможет отнять у России нашего Деда Мороза – никакие Санта-Клаусы, никакие самозванцы. – (комментарий от АИФ) *Да здравствует суверенная ДЕДОкратия! Особенно перед Новым годом* (АиФ, 2008, № 50).

Интерес представляет соотношение коннотативных характеристик слова-прообраза и инновации:

1. Наиболее частотным, по нашим наблюдениям, является следующее соотношение: слово-прообраз вне контекста нейтрально – инновация оценочна (например, *мышеловка* – *крышеловка*). Характер оценки определяется значением *крыша* – ‘прикрытие, обычно в криминальном мире’.

В этой группе можно заметить определенную тенденцию – игру с заимствованиями, с актуализованной лексикой. Так, для конструирования инновации *МАЧОМОБИЛЬ* (К, 24.12.11) использовано заимствование, ср: *мачо* ‘самец, мужчина’.

Следующий пример также весьма показателен для оценки как внеязыковой, так и языковой ситуации, ср.: *Осторожно, «обманники»!* (КП, 23.01.16). Слово-прообраз *обменник* имеет сниженный характер, но лишено коннотации, которую в силу внеязыковых причин приобрела инновация.

Заимствованное существительное *супермаркет* прочно вошло в нашу речь, стало реалией нашей повседневной жизни. Тем ярче (но не необычнее) выглядит игра с ним, ср.: *Наш новогодний СКУПЕРмаркет* (Сег., 01-08.12.18).

Существительное *гастарбайтер* также было заимствовано вместе с обозначаемой им реалией. Поводом для игры с нейтральным словом стал финансовый кризис: *ГАНГСТЕРБАЙТЕРЫ* (КП, 2018, № 43); *Куда теперь России девать БЕЗ-арбайтеров?* (КП, 03.12.18). Любопытно, что в первом случае для игры использован иноязычный элемент, во втором – русский.

Дополним примеры следующими ярко выраженными социально-оценочными инновациями со словом *интернет*: *ПОРНОнет, или Как разделить Интернет на хороший и плохой, не ущемляя свободы* (Сег., 2015, № 3); *КИТАЙНЕТ* (Сег, 2015, № 34 – о китайском опыте борьбы с инакомыслием в Сети).

2. Слово-прообраз оценочно – инновация создается как нейтральная, но в силу ассоциативной связи наследует оценочность (напр., *симулянт – стимулянт*).

3. Слово-прообраз оценочно – инновация оценочна (например, *махинаторы – минфинаторы*).

Проиллюстрируем предложенное соотношение следующими примерами: *КНИГОВТИРАТЕЛЬСТВО* (КП, 2018, № 2) и *Думакратия* (КП, 2017, № 45).

Узуальное существительное *очковтирательство*, послужившее прообразом в первом из примеров СИ, сохраняет отрицательную коннотацию, несмотря на то, что внутренняя форма его почти утрачена (выражение *втирать очки* пришло из языка карточных шулеров и означало «с помощью особой пасты замазывать очки на игральные карты или, путем нажима пальцев, проявлять их») [4, с. 201]. Замена существительного *очко* на *книга*, несомненно, оживляет внутреннюю форму, осовременивает слово.

Инновация *думакратия* также позаимствовало стилистические характеристики слова-прообраза, ср: *бюрократия*.

Удачным примером игры можно признать и следующий, где слово-прообраз *Армагеддон* трансформировалось в *Армянеддон* (АиФ, 2013, № 50). Слово-прообраз многозначно, но обычно Армагеддон ассоциируется с катастрофой, с концом света. Именно это значение и имел в виду создатель заголовка, предваряющего публикацию о катастрофическом землетрясении в Армении, унесшем жизни 25 тысяч человек.

«Предсказамус-прием» сам по себе очень ярок и убедителен в качестве приема СИ, но действенность любого приема может быть усилена за счет использования разнообразных средств актуализации. Такими средствами для рассматриваемого приема являются:

— использование в минимальном контексте слова-прообраза, что, безусловно, усиливает игровой характер аналогии, ср.: *«Копейка» станет «Юанькой»?* (КП, 23.05.12); *«Автограбежка» вместо автостраховки* (КП, 19.06.13); *В порнофильме Шварценеггер станет Группенеггером* (КП, 05.11.13); – *Иногда кажется, что вы, как ученый, препарлируете общество. Или даже как инопланетянин. – Я – абсолютный «тутопланетянин», целиком отсюда* (К, 2014, № 47); *СНЕГОпляска* (заголовок). *Ученые так и не сошлись во мнении, что же послужило причиной этой свистопляски* (АиФ, 2020, № 1); *Эротика и наоборотика* (АиФ, 2018, № 43); *Не становись трудоголиком*

(заголовок). *Лучше быть результатомоголиком – работать на результат. Еще лучше – победитоголиком* (КП, 09—16.08.17). Последний пример примечателен созданием сразу двух инноваций по образцу слова *трудоголик*.

Разновидностью названного способа актуализации является следующий случай, где слово-прообраз эксплицировано лишь частично, ср.: *Путин устроил звездам орденонпад* (КП, 23.12.15);

— демонстрация механизма порождения инновации, напр. см. выше: *Суверенная ДЕДОкратия* (заголовок);

— обыгрывание прецедентного феномена путем замены слова-прообраза на инновацию, ср.: *Чтоб «путинг» рос и вертикаль стояла* (К, 19.12.13); *Памяти «Великого коммуникатора»* (Сег., 05.03.13). Особую экспрессию этому приему придает игра с антонимами (в том числе контекстуальными) ср.: *Грязносердечное признание* (Сег., 02.03.12); *Усадьбоносное решение* (Сег., 2018, № 8).

Такой трансформации в языке СМИ могут подвергаться как литературные, так и находящиеся за пределами литературного языка прецедентные феномены, что отражает стремление к поиску новых выразительных средств, ср.: *Полный бензец* (ДВ, 2018, № 38); *Полный хрустец* (КП, 03.12.13); *Такая финансовая стабилизация называется простым русским словом «стабилизец»* (АиФ, 03.06.15).

«Фокус-покус прием». В отличие от «предсказамус-приема», активность которого в языке СМИ растет буквально на глазах, – «фокус-покус прием» по-прежнему представлен единичными примерами, которые тем не менее дополняют и разнообразят общую масштабную картину СИ в языке СМИ.

«Фокус-покус прием» (другие названия – «прием рифмованного эха», «повтор-отзвучие») – это прием рифмовки созвучных слов, одно из которых является искаженным дублетом другого. Наибольшее распространение этот прием получил в разговорной речи, ср.: «В современной РР существует незначительный набор устойчивых эхо-конструкций: *фокус-покус, штучки-дрючки, штучки-мучки, страсти-мордасти, гоголь-моголь, хурды-мурды, фигли-мигли* и нек. др. Более интересны, однако, случаи, когда говорящий не просто использует известную ему эхо-конструкцию, но строит новую по действующей модели. В таких случаях слово-эхо чаще всего содержит в начале сочетание *гим* или *м*, заменяющее начальный согласный слова (*перец-шмерец, йога-итога, телевизор-малевизор, шпроты-моты, фрукты-мукты*)» [5, с. 193].

В.З. Санников называет эти конструкции снижающими, так как «посягательство на форму, разрушение ее воспринимается и как посягательство на соответствующее содержание. Результат – снижение, а то и дискредитация самих понятий» [11, с. 17]. Материалом для доказательства сформулированного положения В.З. Санникову послужила художественная литература. Мы же представим реализацию этого приема в языке СМИ, основная функция которого – оценочная.

В языке СМИ могут использоваться как уже известные конструкции, известные в разговорной речи, что лишний раз свидетельствует о снижении массмедийной нормы, напр.: *Короче-мороче, чтобы не грянул новый август—98* (КП, 15.10.14). Привлекая такие конструкции, журналисты, как уже было сказано, дают оценку обозначаемому, ср.: *Еще когда во время съемок мы сидели с Машковым и Мишей Филипчуком в грязи под дождем, Володя пошутил: «Ладно, сейчас помокнем. Зато потом оскар-шмоскар, все дела»* (КП, 13.10.12).

Вместе с тем наряду с традиционными повторами-отзвучиями в языке современных СМИ (так же как и в разговорной речи) создаются и новые, ср.: *ТВЕРСКАЯ-ВЗРЫВСКАЯ* (КП, 11.07.13); *Мультиур-Культиур* (Сег., 22.10.17); *ГОГОЛЬ-МОГОЛЬ* (КП, 2010, № 45); *ЕЛКИ-ЛОМАЛКИ* (АиФ, № 45). Рассмотрим примеры в порядке их расположения. Первый из заголовков появился после трагического события – гибели майора ФСБ, ценой

собственной жизни предотвратившего теракт на улице Тверской. Как видим, оба слова одновременно и созвучны, и полнозначны.

Второй пример, на первый взгляд, выглядит как традиционный «фокус-покус», члены которого поменялись местами, но это только на первый взгляд, так как Мультиур – это анимационное кино (мультипликация), таким образом, это не просто искаженный двойник, но инновация с собственным лексическим значением.

Наибольший интерес в плане анализа СИ представляет третий пример, где игра построена на псевдомотивации (*гоголь-моголь* – *Гоголь*). Таким образом, в СИ сталкиваются два созвучных, но не родственных слова, и ситуация с памятником Гоголю выглядит как *гоголь-моголь*, ср.: *Вернется ли «грустный памятник» на свой законный бульвар?* (подзаголовок).

Последний из примеров является оригинальной трансформацией устойчивой конструкции, ср.: *елки-палки*. Такая трансформация (как и другие рассмотренные примеры) служит подтверждением неоднократно высказываемой мысли о том, что в языке современных СМИ идет постоянный поиск новых средств выражения экспрессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / Амири Л. П. Ильясова С.В. – М. : Флинта, 2015. – 315 с.
2. Захарова М.В. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка// Знамя. 2006. №5. С.47-52.
3. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1992. – 240 с.
4. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 2002. – 291 с.
5. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е.А.Земская. М., 1983. С. 172-214.
6. Золотова Г.А. Категория оценки в русском языке// Русский язык в школе. 1980. № 2. С. 84-88.
7. Ильясова С.И. Языковая игра в газетном тексте// Русский язык. 2001. №23 (77). С.33-37.
8. Карденахлишвили Т. Д. Языковая игра в коммуникативном пространстве рекламы (на примере каламбура) // Вопросы культурологии. 2009. № 10. С.66-70.
9. Николина Н.А., Агеева Е.А. Языковая игра в структуре современного прозаического текста // Русский язык сегодня: Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова; Отв.ред. Л.П.Крысин. Вып.1. М.: Азбуковник, 2000. С. 540-561.
10. Норман, Б. Ю. Игра на гранях языка [Текст] / Б. Ю. Норман. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 344с
11. Санников В.З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры// Вопросы языкознания. 2005. № 4. С.3-20.

Источники фактического материала

ДК – Донецкий криж; ДВ – Донецкое время; КП – Комсомольская правда; Сег. – Сегодня; АиФ – Аргументы и факты; К – Корреспондент.

A. R. Velichko

ON SOME WORD-FORMING TECHNIQUES OF LANGUAGE PLAY IN THE MEDIA

The article examines two derivational reception of language play in the media: the so-called "predskazamus-reception", which is a word-specific pattern, and "hocus pocus welcome",

representing the rhyme is consonant words, one of which is a distorted doublet of the other. The relevance of the topic is due to the wide spread of the considered techniques, studied, however, mainly on the material of fiction and colloquial speech. The study identified three types of correlation of connotative characteristics of the word-prototype and innovation: 1) the word-prototype is neutral-innovation is evaluative; 2) the word-prototype is evaluative-innovation is created as neutral, but due to the associative relationship inherits evaluative; 3) the word-prototype is evaluative-innovation is evaluative.

Key words: language game, word-forming game, metamus-reception, hocus-pocus reception, media language.

Поступила в редакцию 21.02.2020 г.

УДК 81.367.627

А.П. Ярмак

ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина»

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

В статье рассматривается роль имен числительных в текстах рекламы. Актуальность темы обусловлена интересом лингвистов к изучению языка рекламных сообщений, выявлению и описанию тех вербальных и паралингвистических средств, которые могут оказывать неаргументированное воздействие на адресата с целью склонить его к покупке. Эмпирическую базу работы составили рекламные тексты за 2019 г. из журналов различной возрастной, гендерной, предметно-тематической направленности. В ходе исследования были выявлены и описаны три универсальных функции имен числительных: аттрактивная, информативная и манипулятивная.

Ключевые слова: рекламный текст, имя числительное, информативная функция, аттракция, манипулятивная функция.

Создание качественной и эффективной рекламы является неотъемлемой частью коммуникационной деятельности любой компании. Главная цель рекламного текста – проинформировать потенциального потребителя о каких-либо новых товарах или услугах, напомнить о существовании популярной марки, убедить адресата приобрести товар или воспользоваться услугой, увеличить количество продаж [6, с.15].

Цель рекламы диктует разнообразие ее функций. Так, А.Н. Толкачев выделяет информативную, пропагандистскую, коммуникативную, аттрактивную, агитационную, аргументационно-гарантийную, регулятивную, идеологическую функции и функцию доверия [7]. Информативная функция заключается в том, что реклама содержит в себе информацию о мире, служит для распространения сведений о товаре или услуге. Пропагандистская функция реализуется в возможности рекламы психологически воздействовать на потребителя при помощи слов или образов, обеспечивать запоминание необходимой информации. Коммуникативная функция рекламы – это установление контактов между людьми, а также между человеком и определенной компанией. В этой функции реклама выступает инструментом общения. Аттрактивная функция связана с привлечением внимания читателей к определенной фирме, ее деятельности, продукции, услугам. Агитационная функция – это воздействие на настроение и поведение потребителей посредством призыва или увещания. Аргументационно-гарантийная функция заключается в стремлении копирайтеров привести как можно больше доводов в пользу товара, его качества и доступности. Регулятивная функция предполагает

способность рекламы стимулировать сбыт и регулировать потребительский рынок, а идеологическая – продвигать определенные культурные ценности. Особо выделяется функция доверия, которая связана с психологическим воздействием рекламы на людей, желанием свести к минимуму возможное возникновение у них настороженности или сомнений.

И.М. Синяева наряду с обозначенными функциями выделяет и другие, например, социальную (при помощи рекламы формируется определенное мнение потребителей и насаждаются идейные ценности) и воспитательную (связана с демонстрацией в рекламе допустимых форм поведения в различных ситуациях) [6, с. 15-16]. А Л.В. Карлова говорит еще об образовательной функции, которая заключается в ознакомлении потребителей с новыми товарами и в обучении тому, как ими пользоваться [3, с. 10].

Реализация перечисленных функций в конкретном рекламном тексте обеспечивается совокупностью средств. На невербальном уровне рассматриваются фотографии, рисунки, пространственно-плоскостное, шрифтовое, цветовое варьирование, видеоряд, мелодический компонент и т. д. На вербальном же – сегментированные и парцелированные высказывания, авторизованные конструкции, группы онимов, абстрактные и конкретные имена существительные, глаголы в форме императива, компаративы, стилистические фигуры и тропы и др. [1; 5; 8; 9].

Цель нашей статьи – выявить и рассмотреть те функции рекламных текстов, средством реализации которых выступают имена числительные.

Интерес к имени числительному не является случайным. Ведь имя числительное служит специфическим средством выражения важнейшего элемента познания мира – универсальной категории количества.

Фактическим языковым материалом исследования послужили печатные тексты коммерческой рекламы из журналов 2019 г.: «7 Дней», «4x4 CLUB», «Психология и Я», «Marie Claire», «Glamour» и др. Всего авторская картотека примеров включила 302 рекламных текста.

При отборе рекламных текстов мы исходили из «широкого» подхода к именам числительным как самостоятельной части речи, представленной следующими лексико-грамматическими разрядами: количественные, порядковые, дробные и собирательные. По нашим наблюдениям, из перечисленных разрядов в текстах рекламы активными являются количественные имена числительные (более 90% авторской выборки примеров). Особенностью числительных в рекламе является их запись цифрами и употребление в составе количественно-именных словосочетаний. **Например, ср.:** *Eveline cosmetics. Множество проблем – одно решение!* (Cosmopolitan Beauty, № 3, осень 2019, с. 107) (числительное *один*) – *При отсутствии зубов безболезненно устанавливаем импланты за 1 час* (Семь дней, № 19, май 2019, с. 69) (числительное *один* обозначено цифрой *1*); *Clinique. Идеально твой. 15 комбинаций. Увлажнение + решение проблемы вашей кожи* (Cosmopolitan Beauty, № 3, осень 2019, с. 17) (для записи числительного *пятнадцать* используется цифра *15*) и др.

Использование цифр вместо слов обусловлено как требованиями сжатости и краткости рекламного текста, экономии речевых средств, ориентацией на «телеграфный» стиль, так и тем, что цифра воспринимается адресатом в качестве научно проверенного, доказательного аргумента. Цифры управляют восприятием ситуаций, которые смоделированы в рекламном тексте, их оценкой и интерпретацией реципиентом.

Анализ контекстуального использования числительных позволяет заключить, что они являются полифункциональным средством, способным реализовывать несколько функций одновременно. Основной универсальной функцией числительных является информативная, однако она синтезируется в конкретных контекстах с аттрактивной и манипулятивной. Рассмотрим это явление синкретизма функций на примерах.

Информативная функция реализуется и именами числительных разных групп:

- 1) числительными, которые называют цену товара. **Например:**
Кейс ударопрочный от 4 999 рублей (4x4 CLUB, № 2, февраль 2019, с. 35);
Volkswagen Teramont от 2 849 000 рублей (5 колесо, № 6, июнь 2019, с. 11);
HIGH LIFTER. 1 359 000 рублей (4x4 CLUB, № 5-6, май-июнь 2019, с. 9) и др.

В подобных примерах информативная функция синтезируется с аттрактивной. Числительные, помимо указания на цену товара, привлекают внимание возможных покупателей. Ведь адресат обычно знает, какую сумму он может позволить себе потратить на ту или иную продукцию, услугу; зафиксированная в тексте рекламы привлекательная цена может побудить приобрести именно данный товар.

- 2) Именами числительными, отражающими какую-либо статистику.

Например:

Результаты исследований показывают, что регулярный прием низких доз АСК (от 50 до 100 мг в сутки), позволяет снизить риск повторного инфаркта на 30%, а ишемического инсульта на 24% (Психология и Я, № 10 (103), октябрь 2019, с.11);

За 8 недель регулярного применения средств Роз де Роз: эластичность кожи повышается на 60%; глубина морщин уменьшается до 52%; текстура кожи улучшается на 53,3%; кожа становится плотнее на 14% (Cosmopolitan Beauty, № 3, осень 2019, с. 45) и др.

В подобных примерах при помощи имен числительных реализуется не только информативная и аттрактивная функции, но и манипулятивная. Когда адресат видит аргументы типа *на 24%, на 60%, до 52%*, он думает о проведении исследования, а если лабораторные исследования состоялись, то данной марке товара можно доверять и ее продукцию стоит приобрести.

- 3) Именами числительными, информирующими потребителей о скидках и выгоде. **Например:**

Предъявителю рекламы скидки на лечение -27%, протезирование -11% (Семь дней, № 22, май 2019, с. 69);

Скидка на лечение 25%. Скидка на протезирование 10% (Семь дней, № 14, март-апрель 2019, с.69);

Скидки на постельное белье, декор, одежду для дома до 70% (Семь дней, № 47, 18-24 ноября 2019, с.2);

Сейчас на процедуры скидка 50% (Семь дней, № 19, май 2019, с. 69) и др.

В подобных примерах информативная функция числительных (имеется скидка на товар) сочетается с аттрактивной (привлекается внимание реципиента размером скидки).

- 4) Имена числительными, которые информируют читателя о времени, дате, возрасте. **Например:**

Гарантия 35 лет! (Камины и отопление, № 2 (92), 2019, с. 113);

Нам 15 лет! (Cosmopolitan Beauty, № 3, осень 2019, с. 82);

Успокаивающий эффект через 60 секунд (Cosmopolitan Beauty, № 4, зима 2018/19, с. 14);

Тетя Соня. Уже в продаже! С 16 по 26 мая подпишись со скидкой 5% (Психология и Я, №5 (98), май 2019, с.15);

Курс 10 дней (Cosmopolitan Beauty, №3, осень 2019, с. 157) и др.

В примерах этой группы числительные могут выполнять и только информативную функцию, и несколько функций одновременно, например, манипулятивную и информативную. Это зависит от их сочетаемости с другими словами в контексте. Так, при употреблении в конструкциях типа *через 60 секунд, с 16 по 25 мая* и под. – числительные выполняют информативную функцию, а в конструкциях *гарантия 2 года, гарантия 35 лет* числительные выполняют две функции – информативную и манипулятивную. Ведь в

этих случаях к информации о времени рекламодатель прибегает не только для того, чтобы проинформировать потенциального покупателя, но и для того, чтобы вызвать у него доверие и мотивировать приобрести что-либо.

5) Именами числительными, характеризующими продукт. **Например:**

28 ярких оттенков, дышащее покрытие, стойкие текстуры (Cosmopolitan Beauty, № 4, зима 2018/19, с. 11);

Полная масса автопоезда до 38 т. (Автопарк 5 колесо, № 7 (114), октябрь 2019, с. 35) и др.

Информация, представляющая какую-либо характеристику товара, является важным элементом в рекламном тексте. Она позволяет читателю заранее оценить предмет (услугу) и решить, подходит он (она) ему или нет. Здесь имена числительные выполняют основную функцию – информативную.

Мы уже отмечали, что на информативную функцию часто наслаивается аттрактивная. Первоначально термин *аттракция*, от которого и происходит название функции, обозначал повышение привлекательности того или иного индивидуума для другого. При применении к тексту печатной рекламы данный термин не теряет своего значения, а лишь видоизменяет его и служит для обозначения способа создания положительного образа товара и формирования не критичного отношения к нему. Наличие элементов с аттрактивным значением в значительной степени облегчает управление потенциальным потребителем.

В создании аттрактивности текста печатной рекламы участвуют два фактора: эстетичность и правильность его оформления, а также его соответствие ожиданиям покупателя. Аттрактивность предполагает, что реклама несет в себе, во-первых, максимально доступное количество информации, во-вторых, позволяет узнавать марку товара [4, с. 40].

В тексте печатной рекламы только с аттрактивной функцией употребляется очень ограниченная группа числительных, например, числительное *один* с существительным *номер* в значении «лучший», записанное в символической форме (*№1*). Такое сочетание указывает на статус товара, его эксклюзивность и эффективность по сравнению с другими товарами данной категории. Например:

Турбослим – марка №1 для похудения (Моя семья, № 49, декабрь 2018, с. 26);

№1 во Франции среди средств по борьбе со старением (Cosmopolitan Beauty, № 4, зима 2018/19, с. 29);

№1 в мире сертифицированная органическая косметика из Сибири (Cosmopolitan Beauty, № 3, осень 2019, с. 45) и др.

Сочетание числительного *сто* с существительным *процентов*, записанное в символической форме как *100%*, также привлекает внимание читателей, а, следовательно, с его помощью реализуется аттрактивная функция. В подсознании человека данное сочетание приобретает значение полного соответствия ожиданиям или требованиям. Часто не имеет значения, к чему конкретно оно относится. **Например:**

Инволютированный приворот особой силы без вреда <...> избавление от воздействия врагов и 100% защита от недоброжелателей (Семь дней, № 22, май 2019, с. 69);

Mineral 89, Vichy – 100% кофеин (Cosmopolitan Beauty, № 2, лето 2019, с. 78);

Clinique. Проверено на аллергию. 100% без отдушек (Cosmopolitan Beauty, № 4, зима 2018/19, с. 41);

Эффекс Трибулус. 100% натуральное лекарство от компании Эвалар (5 колесо, №12, декабрь 2019, с. 21) и др.

Усилению аттрактивной функции способствуют лексический повтор числительного. За счет повтора происходит психологическое воздействие на адресата и числительное

дополнительно реализует свой манипулятивный потенциал. **Например:**

Первый шампунь, обогащенный 6 микромаслами редких цветов. Роскошь 6 масел (Glamour, № 11, ноябрь 2019, с. 75);

Гинокомфорт. 6 активных компонентов – 6 действий (Glamour, № 5, май 2019, с. 15) и др.

Еще одна функция имен числительных, о которой мы упоминали, – это манипулятивная функция. В целом манипулятивная функция в коммерческой рекламе реализуется за счет скрытого воздействия на читателя с целью формирования у него определенного мнения, представления, необходимого отношения к рекламируемому продукту. Рекламный текст, в котором реализуется манипулятивная функция, более выразительный и экспрессивный, чем тот, в котором излагаются «сухие» факты (т. е. реализуется исключительно информативная функция). А выразительность, образность и экспрессивность любому тексту могут придать не только тропы, синтаксические и стилистические фигуры речи, но и имена числительные.

Манипулятивная функция имен числительных – это такое скрытое психологическое воздействие на потребителя, когда субъективная оценка товара подается адресантом адресату как объективная [2, с. 25-26]. Так, реципиент предполагает, что если в тексте рекламы используются имена числительные (в характеристике предмета, в результатах исследования и т. д.), то данная информация верна, правдива. Именно на подобное отношение к числу и опираются рекламодатели, оказывая психологическое воздействие на мнение потенциальных покупателей. **Например:**

В свои 44 я выгляжу на 30! (Психология и Я, № 10 (103), октябрь 2019, с. 37);

Ресницы выглядят более длинными: 90% <...> более густыми: 77% (InStyle, № 6, июнь 2019, с. 95) и др.

В подобных примерах числительные вместе с количественным значением приобретают экспрессивное. Это позволяет рекламодателям создать более яркий образ предмета, преувеличить значение того или иного события, свойства.

Ср. с другим **примером:**

The one tremendous. В шесть раз больше объема (Cosmopolitan Beauty, № 3, осень 2019, с. 53).

В данном примере представлен субъективный, а не объективный факт. Высказывание «*В шесть раз больше объема*» уже является ложным, так как для того, чтобы вычислить, во сколько раз повысится объем после применения данной туши, необходимо определить объем самих ресниц.

Или:

Новинка! Первая ультрастойкая увлажняющая помада с цветочными маслами (Glamour, № 9, сентябрь 2019, с. 3).

Достоверность представленной в рекламном тексте информации (утверждение о том, что помада с эффектом ультрастойкости впервые появилась на рынке) тоже не доказана. Однако адресат может поверить в это и решиться на покупку.

В ходе проведенного исследования мы пришли к нескольким выводам:

1) в коммерческих рекламных текстах журналов 2019 г. функционируют преимущественно количественные имена числительные (более 90% авторской картотеки примеров), которые образуют с именами существительными количественно-именные словосочетания. В целях экономии печатной площади и речевых средств имена числительные обычно записываются цифрами;

2) имена числительные являются полифункциональными элементами, способными реализовывать несколько функций одновременно: информативную и аттрактивную, информативную и манипулятивную, аттрактивную и манипулятивную, информативную, аттрактивную и манипулятивную. Выполнение числительным той или иной функции

зависит от его сочетаемости с именами существительными в контексте;

3) перечень имен числительных, выполняющих только аттрактивную, информативную или манипулятивную функции, ограничен: *один, шесть, сто, первый* и некоторые др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмед Айад Ш. Лексико-грамматические средства представления товара в газетной рекламе: автореф. дис. ...канд. филолог. наук: 10.02.01 – русский язык / Айад Ш. Ахмед. – Воронеж, 2011. – 24 с.
2. Виноградова С.А. Манипулятивный характер числительных в рекламном дискурсе / С.А. Виноградова // Мир науки, культуры и образования, 2009, № 6-2. – С. 24–27.
3. Карлова Л.В. Основы рекламы: учебное пособие. Часть I / Л.В. Карлова. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2009. – 112 с.
4. Кривоносов А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. Монография / А.Д. Кривоносов. – С.-Пб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 288 с.
5. Селеменова О.А. Роль синтаксических единиц и средств в создании эффектов рекламы // Знак: проблемное поле медиобразования, 2018, № 3 (29). – С. 111–119.
6. Синяева И.М. Реклама и связи с общественностью: учебник для бакалавров / И.М. Синяева, О.Н. Жильцова, Д. А. Жильцов. – М.: ЮРАЙТ, 2016. – 552 с.
7. Толкачев А.Н. Реклама и PR в бизнесе / А.Н. Толкачев. – М.: ЭКСМО, 2009. – 350 с.
8. Шагланова Е.А. Лингвопрагматическая функция терминологической лексики (на материале рекламных слоганов) / Е.А. Шагланова, Е.С. Бадмаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2018, № 4 (82), Ч.1. – С. 195–197.
9. Kannon R. Use of Language in Advertisements [Electronic resource] / R. Kannon, S. Tyagi // English for Specific Purposes World, 2013, Issue 37, vol. 13. – P. 1–10. – Access mode : <http://www.esp-world.info>

A.P. Yarmak

THE POLYFUNCTIONAL CHARACTER OF NUMERALS IN THE ADVERTISING TEXTS

The article discusses the role of numerals in the advertising texts. The relevance of the topic is due to the interest of linguists in studying the language of the advertising messages, identifying and describing those verbal and paralinguistic means that can have an unreasoned impact on a person in order to persuade him to buy. The empirical base of the work was advertising texts from the magazines of various age, gender, subject-thematic orientation. In the course of the research, three universal functions of numerals were identified and described: attractive, informative, and manipulative.

Key words: *advertising text, numeral, informative function, attraction, manipulative function.*

Поступила в редакцию 22.02.2020 г.

ПОНЯТИЕ МЕТАДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена изучению термина метадискурс в современной лингвистической науке. Систематизировано различные интерпретации, касательно данного понятия, предлагаемые исследователями. Установлено, что метадискурс неразрывно связан с теорией коммуникации, так как он являет собой связный текст, понимаемый как семантически и грамматически связанную последовательность предложений-высказываний (реплик), в устной или письменной, монологической или диалогической форме, обращенный к слушателю, читателю, наблюдателю, отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех ее участников.

Ключевые слова: дискурс, метадискурс, метатекст, метаязык, дискурсивные маркеры.

Проблемность целостного определения сущности термина «метадискурс» в современной лингвистической науке заключается в отсутствии единой классификации метадискурсивных единиц и нечетких критериев, которые являются основой для создания типологии таких единиц. Решение вопроса осложняется также размытостью собственно термина «дискурс», что непосредственно влияет на определение природы метадискурса. Определение понятия «метадискурс» имеет практическое значение, учитывая необходимость создания единой системы лингвистических терминов. Это провоцирует обращение к изучению данного вопроса.

Противоречия в трактовке термина «метадискурс», наверное, возникли еще в 1959 году, когда лингвист Зеллиг Харрис ввел в научный оборот новое понятие, соединив в его определении несовместимые, с формальной точки зрения, аспекты: «метадискурс, – отметил ученый, – это способ понимания метаязыка в его использовании, воспроизводящий попытку автора, создавшего текст, помочь читателю лучше этот текст понять и воспринять» [16, с. 3]. Изучением метадискурса занимались такие ученые как Н. Д. Арутюнова, В. Г. Борботько, А. Вежбицкая, В. Е. Чернявская и др., но по сей день не сформулировано точной дефиниции этого понятия, что свидетельствует об актуальности данного исследования.

Цель статьи – определить метадискурс как важную часть лингвистических исследований, а также необходимую составляющую современной теории коммуникации.

Поставленная цель предусматривает решение следующих задач:

- рассмотреть трактовку термина «метадискурс»;
- сформировать понятийный объем термина и установить его роль в теории коммуникации.

Объектом исследования является термин «метадискурс», а предметом – различные дефиниции этого понятия и степень его важности для теории коммуникации.

Для реализации поставленной цели необходимо изучить генеалогию понятия «метадискурс». Приставка «мета-» (от греч. meta – между, после, через) – это часть сложных слов, означающая промежуточность, следование за чем-либо, переход к чему-либо другому [15, с. 803]. Слова с этой приставкой изначально начали использовать в точных науках, позднее – в лингвистике. На современном этапе развития лингвистической

науки известны такие термины как метаязык, метаречь, метатекст, метадискурс. Исследователь Дж. Лайонз обозначил, что метаязык – это язык о языке, система языковых средств, с помощью которых описывают собственно язык как лингвальные явление [7, с. 10]. Иными словами, метаязык – это вид языка, использующийся для описания другого языка, называемого объектным языком. То есть, метаязык – это язык «второго уровня», который служит для передачи смысла языка «первого уровня». Средствами передачи качеств явлений, предметов, объектов, событий, состояний окружающего мира или его фрагментов языка «первого уровня» служат формальные символы, связки и операторы. Главная его задача – просто и доступно передать определенную информацию.

Метатекст, обеспечивая внутреннее членение и структурную организацию текста, представляет собой так называемую рамку текста. Метатекст свидетельствует о присутствии автора, который таким образом комментирует порождаемый текст [3, с. 421].

Базовым толкованием термина «дискурс» является определение, приведенное в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [8, 136–137].

Важным для лингвистических исследований является мнение В. Г. Борботько, согласно которому «дискурс есть текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [2]. Лингво-коммуникативную сторону дискурса определил и Г. А. Орлов, который рассматривает дискурс как категорию (естественной) речи, материализуемой в виде устного или письменного речевого произведения, относительно завершенного в смысловом и структурном отношении, длина которого потенциально вариативна: от синтагматической цепи свыше отдельного высказывания (предложения) до содержательно-цельного произведения [11]. Содержательный аспект дискурса прослеживается в трактовке В. А. Коха. По его мнению «любой текст (или части текста), который содержит проявления одного и того же конкретного мотива, будет считаться дискурсивным текстом» [6], что другими учеными и называется дискурсом.

Для данного исследования доминантным в дефиниции дискурса является коммуникативное событие в совокупности его составляющих. Иными словами, дискурс рассматривается нами как коммуникативная ситуация, включающая текст, а также другие составляющие: фон и обстоятельства, которые сопровождают событие, оценку и информацию, предоставленные его участниками.

Термин «метадискурс» основывается на научных принципах противопоставления субъективного объективному плану сообщения (высказывания), определении позиции говорящего по отношению к излагаемому им пропозитивному содержанию, в общем подчеркивает природу и сущность речи на противовес языку.

Сущность метадискурса как лингвистического термина имеет прецедентность в фундаментальном для научной филологии определении полифонии М. Бахтина: «диалогические отношения возможны и к своему собственному высказыванию в целом, и к отдельным его частям, и к отдельному слову в нем, если мы как-то отделяем себя от них, говорим с внутренним предостережением, занимаем дистанцию по отношению к ним, будто ограничиваем и раздваиваем свое авторство» [1, с. 315].

Позднее термином «метадискурс» стали пользоваться и другие исследователи-лингвисты. Так, Н. К. Рябцева использует этот термин в качестве синонима относительно понятий «метатекст» и «метаречь». На ее взгляд, обязательной характеристикой высказывания является коммуникативный модус. Это языковые средства, которые

придают одному и тому же пропозициональному содержанию различный коммуникативный смысл, превращая его в сообщение, речевое действие или аксиологическое высказывание. Коммуникативный модус разграничивает способы выражения намерений говорящего: сообщить новую информацию, вовлечь адресата в изменение внешнего мира или выразить свое отношение (эмоциональное или рациональное) к миру и изменениям в нем [14, 82–83].

Проблемы отграничения термина «метадискурс» от смежных возникают не только по причине формализованности подхода к их определению. Эти трудности связаны со сложной природой феномена, который одновременно является единицей языкового уровня (языка как системы виртуальных знаков), а также функционирует в речи и используется для регуляции коммуникативных отношений. Существовая в тексте, как материальном отпечатке дискурсивных отношений, эти единицы регулируют как внутренние текстуальные отношения, так и отношения между автором текста и собственно текстом.

Рефлексивный характер языковых единиц, направленных на регулирование отношений адресант-текст-адресат, был обнаружен М. В. Ляпон, которая выделяет единицы специального метаязыкового назначения – релятивы (квалификаторы), которые устанавливают контакт субъекта сообщения с информативным наполнением высказывания. Их метаязыковой характер проявляется тогда, когда происходит «раздваивание того, что подлежит оценке; специальным объектом внимания говорящего становится не собственно обозначаемое, а словесная форма, которая используется (способ вербализации, языковое оформление сообщения) [...]. В семантике «мета»-квалификатора могут отражаться следы внутреннего диалога с адресатом: претензии на адекватность формулировки, извинения за ее резкость и т. д.» [9, с. 54]. Таким образом, с помощью метаязыковых релятивов говорящий осуществляет контроль и самоконтроль в процессе общения, позволяет сделать его более эффективным.

Типология текстовых маркеров метадискурса была предложена В. Ванд Коппл [18], которая разделяла их на текстуальные (коннекторы, глоссы и маркеры аргументации и нарративности) и межличностные (маркеры локализации, маркеры авторского отношения и комментарии, которые выражают отношение автора к сообщаемому). Классификация К. Хайланд [16] основана на функциональном подходе, который позволяет выделить два аспекта взаимодействия: автора с текстом и автора с читателем. Авторское отношение с текстом регулируют маркеры перемещения, маркеры структуры текста, внутритекстовые ссылки, маркеры доказательств, глоссы и тому подобное.

Характерным признаком метадискурса является его интерактивная направленность, которая определяет соответствующий тип дискурса рядом с референционным. К интерактивному метадискурсу относятся:

- маркеры эпистемической модальности, определяющие степень уверенности автора в достоверности излагаемой им информации: возможно, вероятно;
- эмфазы для увеличения иллокутивной силы высказывания: действительно, ясно, очевидно;
- ипликаторы пресупозиции, выражающие отношение к ней с точки зрения автора: странно, неожиданно;
- показатели межличностной связи, которые маркируют интерактивную сферу адресата и адресанта: посмотрите, вы можете видеть, обратимся к, рассмотрим;
- маркеры лица, которые эксплицируют призвание на автора (я / мы, мой / наш) и интерактивную сферу адресата и адресанта.

Как уже было отмечено касательно дискурсивных маркеров, метаединицы часто реализуют несколько прагматических функций одновременно, хотя по своим первоначальным значениям способны выполнять референционную или интерактивную

функции отдельно. Метадискурсивные единицы объединяются по функциональному критерию, по употреблению в устоявшихся контекстах как своеобразный класс, специализирующийся на выполнении прагматических функций снижения или увеличения силы высказывания.

В работах Ж. Отье-Ревю, посвященных диалогичности речи, слова метадискурсивного характера называются «наивным метадискурсом», формулы которого «вплетены в ход дискурса как показатели деятельности по контролю и регулированию процесса коммуникации» [12, с. 55]. Она считает, что причиной употребления формул наивного метадискурса есть общая договоренность двух собеседников относительно соответствия слова предмету или ситуации и выделяет определенные обороты, которые выражают: сомнение, предостережение, уточнение и т. п.

Точку зрения Ж. Отье-Ревю разделяет Д. Менгена, который отмечает, что речь постоянно сопровождает «более или менее явный метадискурс, который отражает работу по поиску соответствия термина референту» [17, с. 145], что способствует образованию говорящим внутри собственного высказывания различных уровней. Д. Менгена выделяет несколько групп метадискурсивных операторов, которые предназначены для: самоопределения говорящего, который ссылается в своей речи на слова других, обозначения неадекватности терминов, самоисправления, подтверждения и т. п.

Исследователь В. С. Григорьева предлагает различать такие понятия как «метадискурс» и «метавыражения». Под первым она понимает языковые элементы, которые не выполняют основную функцию текста, а уточняют адресату внутреннее членение и организацию этого текста, главным критерием для определения служит функциональный. Что касается метавыражений, то автор выделяет достаточно широкий, на наш взгляд, класс языковых средств, к которым она относит не только коннекторы, что служат для связи отдельных частей дискурса, но и отдельные предложения и наречия, которые эксплицитно объясняют ход дискурсивного процесса [4]. Исследователь рассматривает метадискурсивные элементы как маркеры текстовой организации дискурса, маркеры порождаемого высказывания и маркеры коммуникативного взаимодействия, объединяя их таким образом в соответствии с основной функцией: они служат для уточнения организации дискурса.

Исходя из понятия трехуровневой организации дискурса (тематической или сценарной, функциональной или интенциональной, коммуникативной или изменения коммуникативных ролей), метадискурс может рассматриваться в соответствии с функциями: тематической, функциональной и диалогической. В метадискурсе также определяется ряд эксплицитных формулировок, что касаются признаков, особенностей текстостроения, к ним относятся: метакоммуникативные сигналы, которые маркируют формы текстостроения; дискурсотворяющие средства для обеспечения понимания, поскольку они служат для адресата в виде опорных ориентирных пунктов о разделе и порядке высказываний; ряд метадискурсивных элементов, функционирующих в качестве вспомогательного средства при создании, формулировке высказываний.

При таком подходе метадискурс служит для уточнения построения текста или передаваемой информации, метадискурсивные единицы относятся к дискурсу, «вплетены» в него, могут рассматриваться как средства, превращающие соответствующий дискурс в аргумент. Весьма актуальна проблема разговорного метадискурса как дискурса второго уровня, по отношению к которому разговор на основную тему выступает в качестве объекта познания и рефлексии. Важным в этом плане является мнение С. Н. Плотниковой, которая считает, что метадискурс является не просто «разговором о разговоре». Он представляет собой «другой» дискурс, произведенный на уровне «другого» познания – метапознания. Он предполагает возвышение одного или обоих говорящих над беседой, над цепочкой речевых актов. Исследователь считает, что

интеракция всегда протекает в метапространстве уже установленных между говорящими отношений. Прежде всего, это метапространство понимания-непонимания, на которое, в свою очередь, может накладываться метапространство власти-подчинения, любви, ненависти и т.п. Из множества смыслов, идущих из сознания говорящих, поверхности достигают, то есть вербализуются, лишь некоторые; остальные же остаются невысказанными. Согласно этой теории, за любым дискурсом стоит его потенциальный метадискурс, за любым сообщением – потенциальное метасообщение [13, с. 92–95].

Интеракционный подход к дискурсу определяет его как динамичное и интерактивное явление, что обусловлено общей деятельностью коммуникантов, точнее – собеседников. Это форма использования языка в реальном общении, что отражает определенный тип социального поведения человека. Она создается для конструирования особого мира и является частью процесса коммуникации. В свете таких взглядов основное функциональное назначение метадискурса в теории коммуникации заключается все же в его непосредственном участии в порождении дискурса, он используется для регуляции речевого взаимодействия и взаимного определения коммуникативных позиций при общении и взаимодействии. Благодаря метадискурсу реализуется такой важный аспект речевой деятельности, как комментирование говорящим своей речи, или речевой деятельности партнеров по коммуникации. Таким образом, метадискурс можно рассматривать как систему языковых средств адаптации речевого кода к коммуникативно-деятельностным потребностям в процессе вербального воплощения коммуникативного замысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М., 1972. – 464 с.
2. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса / В. Г. Борботько. – М.: Либроком, 2011. – 288 с.
3. Вежбицкая А. Метатекст в тексте / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике: сб. статей. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 402–421.
4. Григорьева В. С. Речевое взаимодействие в прагмалингвистическом аспекте (на материале немецкого и русского языков) / В. С. Григорьева. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2006. – 80 с.
5. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация [пер. с англ. В. Герасимова] / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
6. Кох В. А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа [Текст] / В. А. Кох // Новое в зарубежной лингвистике, вып. УШ. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 149–171.
7. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 540 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 684 с.
9. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. – М.: Наука, 1986. – 199 с.
10. Нестерова И.А. Коммуникативный дискурс – Режим доступа: <http://odiplom.ru/lab/kommunikativnyi-diskurs.html> (дата обращения: 24.01.2020).
11. Орлов Г. А. Современная английская речь [Текст] / Г. А. Орлов. – М.: Высшая школа, 1991. – 240 с.
12. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе / Ж. Отье-Ревю // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса: сб. статей [ред. П. Серио]. – М.: Прогресс, 1999. – С. 54–96.

13. Плотникова С. Н. Стратегичность и технологичность дискурса [Текст] / С. Н. Плотникова // Лингвистика дискурса – 2: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Иркутск, 2006. – С. 87–98.
14. Рябцева Н. К. Коммуникативный модус и метаречь [Текст] / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 82–92.
15. Советский энциклопедический словарь / научно-редакционный совет: А. М. Прохоров (пред.) и др. М.: Советская энциклопедия, 1981. – 1600 с.
16. Hayland K. Metadiscourse / K. Hayland. – Cornwall: MPG Books Ltd, 2005. – 230 p.
17. Maingueneau D. Analyser les textes de communication / D. Maingueneau. – Paris: Dunod, 1998. – 208 p.
18. Vande Kopple W. J. Some Exploratory Discourse on Metadiscourse / W. J. Vande Kopple // College Composition and Communication. – 1985. – № 36 (1). – P. 82–93.

A. V. Zaitseva

THE CONCEPT OF METADISOURSE IN THE MODERN THEORY OF COMMUNICATION

The article is devoted to the study of the term metadiscourse in modern linguistic science. The various interpretations concerning this concept proposed by numerous researchers are systematized. It has been established that the metadiscourse is inextricably linked with the theory of communication, since it is a coherent text, understood by us as a semantically and grammatically related sequence of sentences-sentences (remarks), in oral or written, monological or dialogical form, addressed to the listener, reader, observer reflecting an integral communicative-speech situation and taking into account all its participants as extralinguistic factors.

Key words: discourse, metadiscourse, metatext, metalanguage, discursive markers.

Поступила в редакцию 22.02.2020 г.

УДК 81'42

М. А. Капиносова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ДОНЕЦКА

Данная статья посвящена исследованию морфологических и синтаксических ошибок в речи жителей города Донецка. При помощи метода анкетирования были выявлены наиболее продуктивные ошибки интерферентного характера. В исследовании предпринята попытка классифицировать морфологические и синтаксические ошибки в речи информантов.

Ключевые слова: речевые ошибки, язык, морфологические ошибки, синтаксические ошибки, речь, интерференция.

В настоящее время анализ речевых ошибок является необходимым для управления учебным процессом, для повышения его качества. Речевые ошибки – это нарушение норм языка в устных и письменных сообщениях.

Традиционно речевые ошибки классифицируются в соответствии с уровнями языка и подразделяются на следующие типы:

- 1) ошибки орфоэпические (связанные с нарушением норм произношения);
- 2) ошибки акцентологические (неправильная постановка ударения);
- 3) ошибки лексические или семантические;
- 4) ошибки грамматические (словообразовательные, грамматико-морфологические и грамматико-синтаксические);
- 5) ошибки стилистические.

Учебный словарь стилистических терминов даёт такое определение: **«Речевые ошибки-**

это результат нарушения языковой нормы в произношении, словоупотреблении или синтаксической организации высказывания вследствие внутрисистемных (языковых) или внесистемных (внеязыковых, например, ассоциативных) причин» [8]. Таким образом, спонтанные речевые ошибки представляют собой четкий фактический материал, позволяющий делать заключения о функционировании речевого механизма на глубинных уровнях речепорождения.

Изучение речевых ошибок лингвистами имеет длительную историю. Многие ученые рассматривали речевые аномалии в свете общих проблем развития языка. Ф. де Соссюр считал, что **«логика истории языка - это логика индивидуальных ошибок, которые не осознаются говорящим, в силу этого не исправляются и, получив широкое распространение, становятся новой языковой нормой» [10].** По мнению А. К. Григорьевой: **«В современной науке о языке ошибки рассматриваются как необходимый компонент речевой деятельности. Они составляют информативную часть языковой картины мира, которая возникает в сознании людей и отражается в создаваемых ими речевых произведениях» [4, с. 209].** Современные исследователи часто обращаются к изучению грамматических ошибок в разных сферах деятельности человека с целью их предупреждения. Трудности формирования грамматического строя речи языковой личности связаны с нарушением морфологических и синтаксических норм языка.

На наш взгляд одной из самых актуальных проблем донецкого региона является наличие речевых морфологических и синтаксических ошибок, связанных с интерференцией украинского языка. Проблема интерференции давно находится во внимании ученых лингвистов, изучающих явление билингвизма. Под интерференцией понимается **«нарушение билингвом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [9, с. 70].** Как отмечал У. Вайнрайх, перед говорящими на нескольких языках стоит одна и та же проблема — **«следовать огромному количеству норм в соответствующих контекстах; и в случае неудачи результат один и тот же: вторжение (интерференция) норм одной системы в пределы другой» [2, с.26].**

В речи жителей города Донецка происходит смешение систем русского и украинского языков. В монографии «Донецкий региолект» под редакцией В. И. Теркулова уже отмечались особенности грамматического строя языка этого региона: **«Грамматика донецкого региолекта, как и все остальные уровни его языковой структуры, формируется за счёт взаимодействия, как минимум, двух стихий: украинского языка и русского просторечия» [5, с. 57].**

Объект нашего исследования – наиболее распространённые для Донецкого региона морфологические и синтаксические ошибки. Цель работы – классификация грамматических ошибок в речи жителей города Донецка. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- а) при помощи метода анкетирования выявить уровень владения русским языком;
- б) классифицировать морфологические и синтаксические ошибки в речи информантов.

Для установления закономерностей формирования языковой компетенции языковой личности данного региона нами было проведено наблюдение за речью жителей города Донецка с разным уровнем владения языком. **Анкетирование** является основным инструментом опроса и представляет собой социологический документ, содержащий структурно-организованный набор вопросов, каждый из которых связан с задачами проводимого исследования. Анкета состояла из вопросов открытого типа: «Знаете ли Вы, почему Вас так называли?», «Где Вы живете? Опишите свой дом», «Расскажите о своей семье. С кем Вы живёте?». Материалом для работы послужили типичные речевые ошибки студентов Донецкого национального университета, учителя русского языка и литературы, учеников начальных классов, государственных служащих без высшего образования. Под типичными речевыми ошибками мы понимаем ошибки, многократно встречающиеся у большинства информантов, характеризующиеся устойчивостью, с трудом поддающиеся исправлению. Ошибки в произношении определялись аудитивным методом. Кроме того, явления интерференции фиксировались нами при наблюдении за устной речью других жителей города.

В ходе исследования нами были обнаружены морфологические и синтаксические ошибки различных категорий. Морфологические ошибки состоят в нарушении норм образования грамматических форм разных частей речи. Мы выделяем морфологические ошибки интерферентного характера, связанные с неправильным образованием форм и употреблением имён существительных, прилагательных, глаголов и предлогов.

Морфологические ошибки, связанные с неправильным образованием форм имён существительных: *дёсна* вм.: *дёсны*; *разукрашки* вм.: *раскраски*. Следует отметить, что достаточно распространёнными являются ошибки, указывающие на смешение различных категорий имени существительного, функционирующих в современном русском языке.

Ошибки, связанные со смешением категории рода: *хорошее кофе* вм.: *хороший кофе*; *было день рождения* вм.: *был день рождения*; *он пришёл в пальте* вм.: *он пришёл в пальто*; *нет бордюры* вм.: *нет бордюра*, *он стал несчастной сиротой* вм.: *он стал несчастным сиротой*; *он большая забияка* вм.: *он большой забияка*.

Подмена категории рода может появляться в речевых ситуациях, связанных с использованием существительных мужского рода к лицам женского пола: *Учитель сделала замечание* вм.: *Она сделала замечание* или *Учитель сделал замечание*. В ряд таких лексем можно включить: *профессор*, *академик*, *доктор* и т.д.

В образовании форм прилагательных тоже возникают трудности, в частности, сравнительных форм: *Та женщина красивше* вм.: *та женщина красивее*; *более свободнее* вм.: *свободнее*; *более лучше* вм.: *лучше*.

Для речи жителей донецкого региона характерно использование просторечных грамматических форм местоимений: *ихние дети* вм.: *их дети*; *ейный друг* вм.: *её друг*.

Ошибки в употреблении глаголов:

- а) деформация инфинитивных форм глагола: *Пекти хлеб* вм.: *Печь хлеб*;
- б) унификация основ инфинитива и прошедшего времени: *он ошибился* вм.: *он ошибся*;
- в) неправильное употребление слов с ущербной парадигмой: *я его победу* вм.: *я одержу победу над ним*.
- г) унификация основ глаголов, относящихся к первому и второму спряжению: *не хотим* вм.: *не хотим*;

- д) неправильное образование форм глаголов повелительного наклонения: *вытащъ* в.м.: *вытащи или вынь*; *ляжъ* в.м.: *ляг*.
- е) неправильное образование форм будущего времени: *поспрашую* в.м.: *поспрашиваю* (происходит стяжение); *задолбаю* в.м.: *задолблю*; *допереводить* в.м.: *перевести*.

Морфологические ошибки интерферентного характера чаще всех допускают представители старшего поколения, изучавшие украинский язык со школьной скамьи. Для такого типа ошибок характерны переносы в речь предлогов из украинского языка. В. И. Теркулов отмечает: *«Хорошо сохраняются морфологические черты. Зачастую они просто не бросаются в глаза. Мы не замечаем, что рассказываем «за кого-то», а не «о ком-то», или едем «до кума», а не «к куму». Это не воспринимается носителями языка как проявление нарушений речи, поэтому они их и не пытаются устранять»* [5].

Мы выделяем такие ошибки интерферентного характера:

а) замена одного предлога другим: *он трусится за ней*; *забыть за деньги* в.м.: *забыть о деньгах*; *скучала за тобой* в.м.: *скучала по тебе*; *идти до друга* в.м.: *идти к другу*; *сидеть на парте* в.м.: *сидеть за партией*; *оплачивайте за проезд, жажда к жизни* (предлоги не нужны).

б) смешение синонимичных предлогов: *гости с Донецка* в.м.: *гости из Донецка*; я живу на Донбассе в.м.: я живу в Донбассе.

в) пропуск О в конце предлогов (с-со, в-во, об-обо, под-подо) перед словами, в которых наблюдается стечение согласных в начале или перед словом с начальным гласным: *о ученике* в.м.: *об ученике*; *о всех* в.м.: *обо всех*; *идти с всеми* в.м.: *идти со всеми*.

Морфологические ошибки влекут за собой изменение синтаксиса, как отмечал В.В. Виноградов: «Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе...» [3]. Под синтаксическими ошибками мы понимаем *«достаточно многочисленные на всех уровнях языковой компетенции случаи неудачного использования средств (грамматических и лексико-грамматических) межфразовой связи при построении сложного синтаксического целого»* [4, с. 213].

Не только жители донецкого региона, но и все носители русского языка чаще всего допускают ошибки в использовании управления. Это наиболее распространенный вид ошибок изучающих язык, который находит выражение в неверной синтаксической координации подлежащего и сказуемого. Многие ошибки такого типа связаны с влиянием близких по значению слов: *Различать* (в.м.: *отличать*) *главное от второстепенного*; *он беспокоился про меня*; *подвести итог мероприятия* (в.м.: *мероприятию*); *указать ошибку* (в.м.: *указать на ошибку*); *цена счастья* (в.м.: *цена счастью*); *я призналась об этом* (в.м.: *призналась в этом*); *я наблюдал его* вчера (в.м.: *за ним*) и т.д.

Современную жизнь дончан трудно представить без русского языка, который стал для них не только языком общения, но и основным фактором развития экономики, образования, культуры и науки. В этой связи обучение русскому языку учащихся общеобразовательных школ и студентов имеет большое значение.

Рассмотрев типы грамматических ошибок в речи можно подтвердить, что ошибки являются неотъемлемой частью речевой деятельности. В ходе исследования мы обнаружили около 25 типов морфологических и синтаксических ошибок. Наибольшее количество ошибок интерферентного характера в речи допускают представители старшего поколения, изучающие украинский язык как родной. Такие ошибки в речи жителей города Донецка связаны с незнанием грамматического строя русского языка и интерференцией украинского языка.

Подводя итоги исследования хотелось бы отметить следующее:

во-первых, языковая интерференция – это комплексная проблема, изучение которой необходимо в донецком регионе. Целью дальнейших исследований может быть выяснение причин, вызывающих нарушение в речи жителей города Донецка.

во-вторых, данное исследование будет полезно для учителей, методистов, специалистов по культуре речи донецкого и других регионов, так как учащиеся общеобразовательных школ и студенты употребляют регионализмы, допускают ошибки интерферентного характера.

Эта проблема является актуальной и требует дальнейшего рассмотрения. Необходимо глубокое изучение и предотвращение речевых ошибок для повышения качества учебного процесса в этом регионе. Для этого необходимо разработать теоретическую базу для объяснения речемыслительных процессов жителей региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барина А. В. Речевые ошибки // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. - М.: Флинта: Наука, 2003. - С.579-580.
2. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие// Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. – М., 1972. – С. 25 — 60.
3. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове 2-е изд, -М.: Высшая школа, 1972 — 615 с.
4. Григорьева А. К. Речевые ошибки и уровни языковой компетенции // ИТС. 2005. №1-2.
5. Донецкий региолект: монография / В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В. И. Мозговой, К. В. Першина, И. А. Кудрейко и др.; под ред. В. И. Теркулова. – Донецк: Издательство ООО «НПП» Фолиант», 2018. – 265 с. ISBN 978-5-6041177-3-6.
6. Жеребило Т. В., Мутусханова Р. М. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В РЕЧИ БИЛИНГВОВ // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1.;
7. Жеребило Т. В., Мутусханова Р. М. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В РЕЧИ БИЛИНГВОВ // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1.;
8. Лагута О. Н. Учебный словарь стилистических терминов. Новосибирск: Новосибирский государственный университет. О. Н. Лагута. 1999.
9. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. – Л., 1972. – С. 28
10. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1976. -695с.
11. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. -428 с.
12. Ушакова Т. Н. Речь как когнитивный процесс и как средство общения // Когнитивная психология. М.: Наука, 1986. - С. 131-143.

М. А. Kapinosova

MORPHOLOGICAL AND SYNTACTIC ERRORS IN THE SPEECH OF RESIDENTS OF THE CITY OF DONETSK

This article is devoted to the study of morphological and syntactic errors in the speech of residents of the city of Donetsk. Using the questionnaire method, the most productive errors of an interference nature were identified. The study attempts to classify morphological and syntactic errors in the speech of informants.

Key words: *speech errors, language, morphological errors, syntactical errors, speech, interference.*

Поступила в редакцию 10.03.2020 г.

БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ТРАКТОВКИ ФРЕЙМА «ИГРА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В данной статье на примере повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» рассматривается сценарный фрейм карточной игры и её сюжетообразующий фактор. Исследование представляется актуальным ввиду важности концепта «игра» и значения карточных игр как компонента культуры дворянского общества I-ой половины XIX века, а также обусловлено возросшим интересом к изучению базовых комплексных пропозициональных моделей с точки зрения когнитивной лингвистики – фрейма и сценария.

Ключевые слова: карточные игры, фараон, маркёры игры, фрейм-сценарий.

Объектом исследования является карточная игра в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама», представленная в виде фрейма-сценария. В творчестве А. С. Пушкина она приобретает особую актуальность, так как карточная игра в конце 18 – нач.19 вв., по мнению Ю. М. Лотмана, «становится универсальной моделью <мира>, превратившись в центр мифообразования эпохи» [13, с. 66] Обращение к данной теме объясняется тем, что карты и карточная игра были частью быта русского человека, выполняющей социальную функцию: игра идентична року, стихии, властвующая над человеческими помыслами (М.Ю. Лермонтов «Маскарад», «Штосс», А.С. Пушкин «Пиковая дама»).

Цель работы: изучение фрейма игры и её семантики. В задачу настоящего исследования входит определение типологии карточных игр, языковых маркёров, формирующих данный фрейм.

Одна из задач исследования заключается в выявлении понятия «**фрейм-сценарий**» карточной игры. М. Мински объяснил понятие фрейм как некую поведенческую основу и дал следующее определение: «структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации» [14, с. 251]. В 70-е годы XXв. Ч.Филлмор определил фрейм «как когнитивную структуру, знание которой предполагается (ассоциировано с) концептом, представленным тем или иным словом» [2, с. 33]. В это же время Г. Бейтсон вводит термин «фрейм» в лингвистику, интерпретируя поведение животных, имитирующих драку, объясняя это как метакоммуникативные сигналы. И. Гофман, исследуя понятие фрейм, говорит о «природной» и «социальной» системе фреймов, которая служит для «нормальной организации мира» [6]. Природными (физическими) явлениями (например, погода) человек не может управлять, а «события социальные имеют смысл лишь в той степени, в какой они являются результатом целенаправленного действия» [6]. Алгоритма восприятия фрейма нет, потому что фрейм всегда находится в процессе формирования, что создаёт «фреймирование» реальности. Чтобы соотнести воспринимаемое событие с его смысловым образцом (по-другому – раскрыть фрейм), И. Гофман предлагает использовать «пять основных ключей»: пересадка, выдумка, техническая переналадка,

состояние – «это переключение фрейма схватки в безопасную форму игры, которая поддерживает ощущение риска и неопределенности обстоятельств» (к примеру фрейм карточной игры «фараон») [6].

Изучением фрейма наряду с зарубежными лингвистами занимаются отечественные учёные. По мнению Е.А. Шингарёвой и В.В. Гончаренко, под фреймом понимается структура данных (образ), связанных с концептуальными объектами в памяти и необходимых для представления некоторой стереотипной ситуации. Так же считает и Н. Н. Болдырев, утверждающий, что «фрейм – это всегда структурированная единица знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними; это когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации»[2]. В то же время Демьянков В.З. считает, что фрейму характерна конвенциональная природа с типичными и нетипичными свойствами для определённой культуры [8]. Определение фрейма, которое приводится Кубряковой Е.С.: «Фрейм – это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия» [11]

Одной из разновидностей фреймовой структуры, «вербализуемой знаками непрямого номинирования»[14] является сценарий. Над определением понятия сценарий работали Ч. Филлмор, Т.А. ван Дейк, Р. Шенк, Р. Абельсон, М. Минский, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, З.Д. Попова, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин.

Понятие «**сценарий, или сценарный фрейм**» было введено в научный обиход Р. Шенком и Р. Абельсоном в 1997 г., которые «обозначили так организованные единицы стереотипной информации, отражающие некоторую обычную привычную последовательность событий» [18]. Эта структура состоит из эпизодов, которые включают слоты, наполненные информацией и отражающие «особенности концептосферы носителей определённого языка» [9]. В.В. Воробьёв, говоря о сценарии как о лингвокультурологическом поле, представил его «как иерархическую систему единиц – лингвокультурем» [6].

По мнению В.В. Гончаренко и Е.А. Шингарёвой, характерными признаками сценария являются ситуативная привязанность и конвенциональность. Человек не только заучивает сценарии, но сам участвует в их создании, в результате чего сценарий определяет поведение. Действия, которые предполагает сценарий, зависят от обстоятельств. Иногда сценарии имеют ритуализованную природу с последовательным описанием событий (например, сценарий Рождества).

Если фрейм, как считает Коннова М.Н., — «объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой информацию о стереотипной ситуации» [11] (фрейм «фараон» – карточная игра), то сценарии, по определению И.А. Стернина и З.Д. Поповой, – «это фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов»[16] (например, посещение игорного дома).

Структура фрейма состоит из двух уровней узлов и слотов.

1) узлы вершинные, включающие объективные данные для определённой ситуации: игроки (банкомёт, понтёр для игры в «фараон»), карточная игра (фараон);

2) терминальные узлы, слоты, или подфреймы (вложенные фреймы), которые заполняются данными из конкретной ситуации: игроки – графиня, Германн, Чаплицкий –

понтёры; Чекалинский – банкомёт). Данные второго уровня помогают воссоздать полную ситуацию.

Для того чтобы соотнести событие с его смысловым образцом, И. Гофман предлагает использовать «ключи» и «переключения»: первые определяют тональность межличностного общения, а вторые меняют тональность темы. Подробнее остановимся на ключе «состязание», смысл которого состоит в переключении «фрейма схватки в безопасную форму игры» [7], при которой риск и неопределённость обстоятельств поддерживаются. Чтобы понять мотив действия в ситуации, при которой изображение лишено реальности, Гофман использует ключ «пересадка» (Германн, узнав «комбинацию» выигрыша, понтирует не для игры). Фреймы могут быть как настроены на восприятие обозначенного сценария, так и перенастроены. На изменение фрейма может влиять «фабрикация». Фрейм оказался «сфабрикованным», когда Германн ввёл в заблуждение игроков, наблюдавших за его игрой, и самого банкомёта, так как они не могли знать, что происходило в действительности внутри фараона.

Концепт «игра», впервые рассмотренный Л. Витгенштейном, является самым интересным примером «неопределённого» и «неопределимого» концепта из тех, что приводились в лингвистической литературе. Изучая его, Л. Витгенштейн пришел к выводу, что все объекты категории взаимосвязаны и между ними возникает подобие «фамильного сходства», причём дать определение понятию «игра» в рамках семантической единицы невозможно, «ибо все, что есть общего у разных употреблений, – это расплывчатое «фамильное сходство», а не четко определенный набор признаков» [4]. Описывая семантические прототипы, Л. Витгенштейн, не пользуется понятием «прототип», а использует «фамильное сходство» между концептами. А. Вежицкая также считает, что игры образуют семью, и предлагает семь компонентов в качестве основных для понятия «игры»:

- играть могут только люди;
- игре характерна продолжительность во времени;
- игра – источник удовольствия;
- играя, человек выходит за границы реальности;
- у игры есть цель;
- игра состоит из правил;

Проблему дефиниции «игровой семантики», ассоциативного поля игры, роли игрового элемента исследовала Н.Д. Арутюнова, которая полагает, чтобы «дать определение «игры», нужно выделить то, что мы в обыденном языке называем игрой» [1, с. 9]. По мнению Н.Д. Арутюновой, следует выделить два вида игры:

1) игры «изолированные», для времяпрепровождения, целью которых является тренировка, развлечение; одним словом, бескорыстные (не преследующие материальную выгоду). Это шашки, шахматы, карты, теннис;

2) «Совмещённые» игры, их ещё называют скрытые, замаскированные. Они подразумевают под собой фальшь, розыгрыш, манеру поведения; игра выступает в качестве стёртой метафоры.

Й. Хёйзинга дал следующее определение: «Игра – свободная деятельность» [19, с. 17], выходящая за рамки обыденной жизни во временную сферу. Иначе говоря, игра

происходит обособленно, «разыгрывается» в определённых рамках пространства и времени: её течение и смысл заключены в ней самой» [19, с. 20]. Эти признаки игры наблюдаются в «Пиковой даме»: «Играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно» [17, с. 190].

Учёный считает, что для игры характерны правила, при нарушении которых она прекращает существование, если только в неё входит нарушитель, не подчиняющийся правилам (не следует путать с шулером, который притворяется, будто следует правилам): «Она [игра] творит порядок, она есть порядок» [20, с. 21]. После проигрыша Германа «Чекалинский снова стасовал карты: игра пошла своим чередом».

Й. Хёйзинга полагает, что «любая игра во все времена была способна целиком захватить играющего» [20, с. 18]. Подтверждением служит поведение Германа, который был поглощён игрой в фараон, ежедневно наблюдая за её ходом: «Игра занимает меня сильно<...>» [17, с. 191] И не только Герман был пленён игрой. «Молодёжь забыва[ла] балы для карт и предпочитая соблазны фараона обольщениям волокитства» [17, с. 211].

По мнению М.Н. Эпштейна, в английском языке есть два слова, обозначающие игру, но при этом отличающиеся семантически: "play" и "game". "Play" – «это свободная игра, не связанная никакими условиями, правилами» [22, с. 26], в которой любые ограничения проявления серьёзного могут преодолеваются. Примером игры «play» служат детские игры. «Game» – это игра по правилам, о которых заранее договариваются между собой участники, и она внутренне гораздо более организована, чем окружающая жизнь. К играм «game» относят игру в шахматы, карты, рулетку, футбол и т.д. Это организованные игры, где цель определяется достижением выигрыша, избегая проигрыша, в отличие от «Play» – импровизированная игра, в которой целью служит свобода самовыражения, нарушение урегулированного мира с определёнными правилами. Ю.М. Лотман выделяет «игровые» эпохи, «когда искусство властно вторгается в быт, эстетизируя повседневное течение жизни», называя эпоху Возрождения, барокко, романтизма, искусство начала XX века, когда происходят «взрывы художественной талантливости» [13].

Карты выполняли определённые функции в обществе и влияли на поведение реальных людей. Так, в списке московских картёжников 1829 г. значились Ф. Толстой, отставной офицер гвардии Нащокин, А. С. Пушкин – [известный в Москве банкомёт].

Карточные игры делились на «коммерческие» и «азартные». Азартные игры осуждались. Если коммерческую игру приписывали «солидным людям», то азартную – веянию моды. Различие коммерческой и азартной игр состоит в том, что определяет природа выигрыша – расчёт или случай.

Коммерческая игра определяется расчётом, имеет сложные правила, хотя и всецело отрицать наличие случайного элемента нельзя. Исход такой игры зависит от характера сданных партнёру карт, которые можно «рассчитать» в ходе игры. Следование определённым правилам, расчёт и уверенность обеспечивают успех коммерческой игры (в английском языке она определена, по мнению Эпштейна М.Н, как game – «игра по правилам, заранее организованная на договорённости партнёров» [22, с. 28], примерами которой являются рулетка, карты, спортивные игры).

Азартная игра (штосс, банк, квинтич и др.) – это игра со Случаем, так как основана она на том, что игрок должен принимать решения, не имея информации, вслепую,

полагаясь на случай, по мнению У.Дж. Рейхман «синоним неизвестных факторов» [18, с.168], для этих игр наиболее важным становится расчёт вероятности и частично умения игрока. Во время игры соблюдается полное молчание: «Глубокое молчание царствовало кругом» [17, с. 213], за исключением употребления карточных терминов: «Дама ваша убита» [17, с. 213]. В «Пиковой даме» случайность не только образует сюжет, но и служит объектом размышлений героя и автора. Сюжет приближает героя к цели, за которой неожиданная развязка – катастрофа: крах иллюзорного мира Германа, исходом чего становится помешательство.

В литературе XIX века жизненное пространство представлено в виде карточной колоды, пересечение разных реальностей предполагает реализацию игрового пространства: не жизнь подобна игре (зависит от нее), а игра моделирует жизнь, доказывая существование только игровой реальности, независимо от выбора человека. «Игра в фараон, в «Пиковой даме», – как считает В.В. Виноградов, – не сколько тема авторского повествования, сколько тема разговора между персонажами» [5, с. 177]

Фараон как типичная модель азартной игры в XVIIIв. называлась «фаро», а в 20-40-е гг. XIXв. – банк, банчок, штосс. В исследуемом произведении сюжетная коллизия представлена через фрейм игры фараон.

Как было сказано выше, у любого сценария есть свои исполнители ролей, интерпретации, в которых представлены разные точки зрения исполнителей – всё это может быть рассмотрено как система фреймов. Один из сценариев – игра графини, узнавшей тайну трёх карт у графа Сен-Жермена, понтировала против графа Орлеанского: «выбрала три карты, поставила их одну за другую: все три выиграли ей соника» [17, с. 193]. Ещё одним примером сценария явилась игра Чаплицкого всё в тот же фараон: «явился к своему победителю <...>, – отыгрался». В свою очередь, Герман также воспользовался открывшейся ему тайной старой графини, понтировал против Чекалинского три вечера подряд: «Герман дождался новой тальи, поставил карту, положил на неё свои сорок семь тысяч и вчерашний выигрыш». Это подтверждает определение сценария И.А. Стернина и З.Д. Поповой [16]: посещение игорного дома графиней, Чаплицким, Германом.

Специфика карточной игры прежде всего определяется игровой семантикой карт. Игра в этом случае представляет модель конфликтной ситуации, которая регулируется определёнными правилами иерархической системы отдельных взятых карт, их сочетаемостью, откуда следует «выигрыш» и «проигрыш». Повествование с ироническим благодушием вводит читателя в забавные последствия игры: «Анекдот о трёх картах сильно подействовал на его воображение и целую ночь не выходил из его головы» [17, с. 198] Сама же игра, как источник возможных коллизий, в развитии темы «Пиковой дамы» отодвинута в скрытую глубь сюжета. Не автор, а сами персонажи обсуждают им известные сюжетно-бытовые функции игры, связанные с ней анекдоты, как бы подсказывая автору решение литературной задачи: «Случай! Сказка! Может статья, порошковые карты?»

Случай нарушил твёрдость убеждений и независимость Германа. Фараон послужил орудием вторжения в упорядоченную жизнь героя, который сходит с ума, а «игра пошла своим чередом» ...

Интерес к игровому фактору является актуальным для лингвистики, культурологии, семиотики и других наук. В статье была совершена попытка рассмотреть **фрейм-сценарий** карточной игры фараон. Результатом исследования явились описанные базовые комплексные пропозициональные модели – фрейм и сценарий. Согласно теории М.Минского, фрейм – это когнитивная модель памяти человека. Сценарий – «набор данных о типической динамической ситуации» [19] Фрейм структурирован, так как состоит из слотов(обязательных узлов и терминальных). Если Л. Витгенштейн рассматривает концепт «игры», ссылаясь на «фамильное сходство», и не даёт определение в рамках семантической единицы, то А.Вежбицкая предлагает 7 компонентов игрового начала, а Н.Д. Арутюнова делит игры на изолированные и совмещённые. М. Эпштейн определил игру, ссылаясь на диаметрально противоположные аспекты, для разграничения которых в английском языке есть слова «play»(свободная игра) и «game» (игра по правилам).

Карточная игра в конце XVIII – начале XIX вв. была определённой культурной реалией и символическим отражением конфликтов эпохи. Два различных типа конфликтной ситуации, по мнению Ю.М. Лотмана - это, коммерческие («приличные») и азартные игры (морально осуждаемые).

Азартная игра фараон моделирует свой универсум. Каждая отдельная «талия» - это сценарный фрейм, представляющий начало и конец действия, причём заключительный момент (победа или проигрыш) находятся исключительно в руках Неизвестных Факторов и не зависит от расчёта Германа. Повествование сводится к выкладке карт (Тройка, семёрка, туз), носившие inferнальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М.: Индрик, 2006. – 544 с.
2. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. № 1 (001). – С. 18-36.
3. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова//Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежского гос. ун-т, 2001. – С. 25-36.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М., 1996. – С. 201-231.
5. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. – С.177
6. Воробьёв В.В. Культурологическая парадигма русского языка. Теория описания **языка**: культура во взаимодействии. М., ИРЯП, 1994. – 76 с.
7. Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience. Автор: Ирвинг Гофман / Erving Goffman. Переводчики: Р. Бумагина, Ю. Данилова, А. Ковалева, О. Оберемко. М.: Институт социологии РАН, 2004. - 752 с. Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта/ Пер. с англ. Р.Е. Бумагина, Ю.А. Данилова, А.Д. Ковалева, О.А. Оберемко под ред Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН; ФОМ, 2004.
8. Ежова Е.А. Фрейм как метод структурирования логико-семантического пространства системы 2+ // Современные научные исследования и инновации. 2013. – № 10.

9. Зеленева Е.В. Типы сценариев ритуализованной деятельности (на материале немецкой художественной литературы XIX-XXI вв.) // Вестн. Тамб. ун-та. – 2007.
10. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. — Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. — 313 с.
11. Коннова М.Н. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. — 313 с.
12. Краткий словарь когнитивных терминов. Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М., 1997
13. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства. (XVIII - начало XIX века). - СПб, 1997. – С.194
14. Минский М. Структура для представления знаний. // Психология машинного зрения. — М.: Мир, 1978 – С. 249–338
15. Огдонова Ц.Ц. Проблема типологии концептов в современной лингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2011. Вып. 11.
16. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
17. Пушкин А.С. «Пиковая дама»//Собрание сочинений в трёх томах. Т.3. – М.: Худож. Лит., 1987. – 528 с.
18. Применение статистики [Текст] / Перевод с англ. и предисл. В. М. Шундеева. - Москва : Статистика, 1969. - 296 с.
19. Теркулов В.И. Основы когнитивной лингвистики: учебное пособие – Донецк: ДонНУ, 2019
20. Хейзинга Йохан. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. Х 35и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — 416с
21. Seifert C.M., Robertson S.P., Black J.B. (1985). Types of inferences generated during reading and Language.- 1985.- №24.- p. 405-422.
22. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны. – М., 1988. – 416 с

A. V. Karpenko

BASIC PRINCIPLES OF INTERPRETATION OF THE “GAME” FRAME IN ARTISTIC TEXT

In this article, the scenario of the card game and its plot-forming factor are considered as an example of the story by A. Pushkin “The Queen of Spades” (“Pikovaya Dama”). The study seems relevant in view of the importance of the concept of “game” and the importance of card games as a component of the culture of the noble society of the 1st half of the 19th century, and also due to the increased interest in studying basic complex propositional models from the point of view of cognitive linguistics which are frame and script.

Key words: card games, pharaoh, game markers, frame scenario

Поступила в редакцию 25.02.2020 г.

Дискурсология и генристика

УДК 37.016:811.161.1

Н. Д. Авдеева

ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ШКОЛЕ

В статье рассматривается подача фразеологического материала для школьников средних и старших классов в основных учебно-методических комплексах (УМК) по русскому языку. В школьном курсе русского языка разделу фразеологии уделяется недостаточное внимание, что не дает возможность учителю распределить поурочный материал так, чтобы дать учащимся комплексное представление о фразеологизмах в короткие сроки. Этим обусловлена актуальность темы исследования.

Ключевые слова: учебно-методический комплекс (УМК), русский язык, раздел «Фразеология», задания к упражнениям, учебник.

К одним из самых интересных и возможно даже не до конца раскрытых вопросов современного языкознания относят исследования, которые посвящены фразеологии. Фразеология – это наука о фразеологических единицах, то есть о лексически неделимых, устойчивых в своем составе и структуре, целостных по значению словосочетания, воспроизводимые в виде готовой речевой единицы. Литературоведческий термин «фразеология» впервые применен в 1905 году Шарлем Балли, который рассматривал ее как составную часть стилистики, а не как отдельную дисциплину. Фразеология самым непосредственным образом связана с культурой речи, необходимой для изучения в средних и старших классах. В процессе обучения курса русского языка в школе разделу «Фразеология» посвящено небольшое количество часов. В связи с этим учащиеся не имеют четкого представления о фразеологизмах, вследствие чего не могут выделить его в предложении.

Изучение раздела «Фразеология» в школе имеет несколько целей: 1) обогатить словарный запас учащихся; 2) научить пользоваться справочной и лексикографической литературой; 3) сформировать лингвистические и речевые (коммуникативные) умения и навыки. Методисты выделяют 4 этапа изучения фразеологии в школе: 1) *Пропедевтический* (изучение фразеологизмов в начальной школе); 2) *Систематический* (изучение курса «Фразеология» в 5-6 классах); 3) *Аспектный* (изучение фразеологии и ее взаимосвязь с другими науками в 7-9 классах); 4) *Функционально стилистический* (изучение фразеологизмов в разных стилях речи в 10-11 классах) [11]. Мы будем рассматривать подачу учебного материала, связанного с фразеологией, в средних и старших классах. Предметом нашего исследования является содержание данного раздела: теоретические сведения и практические задания по фразеологии в школьных учебниках по русскому языку.

Проблема изучения фразеологии в школе обусловлена несколькими причинами. Во-первых, в школьной программе отводится недостаточное количество учебных часов для изучения данной темы, во-вторых, нерегулярный характер работы по усвоению теоретической и практической информации раздела «Фразеология» не способствует приобретению учащимися нужных умений и навыков. Наконец, в школьных учебниках по

русскому языку представлены разные подходы к фразеологии как разделу и фразеологизмам как особым единицам языка.

На сегодняшний день актуальным является следующий вопрос: как за ограниченное количество учебных часов качественно освоить большой объем теоретического и практического материала.

Цель нашего исследования – сопоставить теоретический и практический материал по фразеологии, представленный в учебно-методических комплексах по русскому языку.

Задачами нашего исследования являются:

- изучение материалов по теме исследования, входящие в учебно-методические комплексы (УМК) по русскому языку;

- проведение анализа теоретических сведений по фразеологии каждого УМК;

- изучение упражнений по фразеологии, включённых в учебники по русскому языку.

Начнем анализ учебно-методического комплекса по русскому языку «Русский язык. 6 класс», авторами которого являются М.Т.Баранов, Т.А.Ладыженская, Л.А.Тростенцова и др. [3]. Данный комплекс функционирует в школах с 1970 года и до сих пор не утратил своей актуальности. УМК включает в себя учебники «Русский язык» и рабочие тетради для каждого класса. Изучение фразеологии начинается с 6 класса (1 часть), где раздел «Фразеология» отдельным параграфом. Здесь эта наука рассматривается вместе с культурой речи, что предполагает формирование коммуникативного опыта. В учебнике даются определения фразеологии («раздел науки о языке») и фразеологизмов («устойчивые сочетания слов») [3, с.81]. Здесь имеется информация о словарях фразеологических и толковых, в которых встречаются фразеологизмы. Указаны сведения о парадигматических связях фразеологических единиц (ФЕ) и синонимов («фразеологизм может быть синонимом слова»), устанавливаются сферы употребления фразеологизмов и их функции в тексте, называются источники происхождения устойчивых оборотов [3, с.83]. Во второй части 6 класса (§102) [4, с.147] и в 7 классе (§79) [2, с.191] фразеологизмы входят в раздел «Лексика и фразеология», задания здесь направлены на повторение и систематизацию изученного материала. Недостатком этого учебно-методического комплекса является отсутствие теоретических сведений о фразеологизмах-антонимах, а в рабочей тетради 7 класса имеется задания на эту тему, например (упр.11): *Подберите к фразеологизмам из левой колонки фразеологизмы-антонимы из правой и стрелочками обозначьте полученные фразеологические пары* [5, с.9]. В учебнике 6 класса предлагаются упражнения различных типов: определение синтаксической роли фразеологизмов (упр.146); поиск фразеологизмов в тексте и в толковых словарях (упр.143, упр.144, упр. 147); описание рисунков с использованием ФЕ (упр.145, упр.154); поиск синонимов для фразеологизмов (упр.146); сопоставление фразеологизмов с их значениями (упр.149, упр.150); определение источников происхождения фразеологизмов (упр.151, упр.152); нахождение фразеологических оборотов в тексте (упр.153); составление фразеологизмов с данными в задании словами (упр.155) [3, с.83-87]. Отметим недостатки данного учебно-методического комплекса: в учебнике нет определенной системы упражнений (от простого к сложному), кроме этого, в данном УМК не хватает теоретических сведений для школьников (отсутствуют теоретическая информация о фразеологизмах-антонимах).

Учебно-методический комплекс под редакцией В.В.Бабайцевой и Л.Д.Чесноковой состоит из трех частей: 1 часть – «Теория» (один учебник для 5-9-классов), где излагаются основы науки о языке, орфографические и пунктуационные правила и нормы; 2 часть – «Практика» отдельно для каждого класса, в ней содержится материал, который позволяет школьникам отработать теоретические знания с помощью упражнений; 3 часть – «Русская речь» связана с развитием речи учащихся и состоит из двух пособий, предназначенных

для учащихся 5-7 и 8-9 классов. Этот учебник включает в себя теоретический материал о речеведческих понятиях (устная и письменная речь) и речевых жанрах (памятки, психологический портрет, рецензия на книгу).

Фразеология в учебнике «Русский язык. Теория. 5-9 классы» изучается с 5 класса и вынесена отдельным параграфом «Фразеологизмы» [1, с.88], в котором дается базовое определение этой единицы, как «устойчивое сочетание слов» [1, с.103]. Отсутствует информация о науке, которая изучает фразеологизмы. Термин «фразеология» используется авторами только в названии раздела «Лексикология и фразеология» [1, с.75]. Даны сведения о фразеологизмах-синонимах, фразеологизмах-антонимах, о связи истории народа их обычаев и традиций с фразеологическими оборотами, о синтаксической роли фразеологизмов.

Учебник «Практика» включает тему фразеологизмов только в 5-ом классе [9], а с 6-ого по 7-ой класс идет повторение изученного материала [10]. С 8-ого по 9-ый класс раздел фразеологии не упоминается даже в повторении материала. Для 5 класса авторы включают различные типы упражнений: поиск фразеологизмов в тексте и в толковых словарях (упр.781, упр.783); объяснение значений фразеологизмов; подбор синонимов и антонимов к фразеологизмам (упр.783); выявление синтаксической роли фразеологизмов (упр.785, упр.787, упр.788, упр.789); нахождение ошибок в ФЕ (упр.784); определение стилистических особенностей фразеологизма (упр.787) [9, с.224-226]. Кроме этого, в учебнике школьникам предлагаются упражнения творческого характера, в которых необходимо написать сообщение на определенную тему, используя фразеологизмы (упр. 791, упр.795, упр. 797) [9, с. 229]. Такие типы упражнений формируют коммуникативные и творческие способности учащихся.

В учебнике «Русская речь» [12] даются иллюстрированные задания, направленные на определение значения и происхождения фразеологизмов, а также упражнения, связанные с употреблением фразеологических оборотов.

Преимуществом данного комплекса являются отдельные учебники, где происходит четкое и удобное разграничение теории и практики (старшеклассники всегда могут повторить теоретические сведения, изученные в младших классах). Материал в анализируемом комплексе хорошо сгруппирован и соответствует возрасту учащихся, способствует развитию коммуникативных способностей и целесообразному использованию фразеологических единиц в речи. Даются дополнительные сведения из толкового, фразеологического и синонимического словарей, которые объясняют значения некоторых фразеологических оборотов.

В учебно-методическом комплексе «Русский язык» для 5-9 классов под редакцией М.М. Разумовской и П.А. Леканта материал по фразеологии подается довольно скупо [14]. В учебнике 5 класса фразеологизмы упоминаются в параграфе «Когда слово употребляется в переносном значении» [14, с.93]. Вся информация сводится к тому, что фразеологизмы представлены как «устойчивые сочетания, которые можно заменить словом» и «часто образуются при употреблении слов в переносном значении» [14, с.93]. Для выполнения некоторых упражнений учебник не дает нужных теоретических сведений, вследствие чего учащимся необходимо искать их в дополнительной литературе. Учебник 7 класса, входящий в данный учебно-методический комплекс, расширяет информацию о фразеологических оборотах. В разделе «Повторение изученного в 5-6 классах» предлагаются задания, в которых необходимо доказать, что пары фразеологизмов противоположны по своему значению, т.е. являются антонимами [13, с.68]. Авторы учебника дают примеры фразеологизмов, имеющих и синонимические устойчивые обороты (например, *яблоку негде упасть – шагу негде ступить – пушкой не прошибёшь*), но задания на установление таких отношений между фразеологическими оборотами в учебнике отсутствуют.

В учебно-методическом комплексе «Русский язык» для 10-11 классов под редакцией Н.Г. Гольцовой, И.В. Шамина и М.А. Мищериной и др. представлен широкий теоретический материал по фразеологии. Даются определения фразеологизма («устойчивое сочетание») и фразеологии («раздел науки о языке»), определяются источники происхождения устойчивых оборотов и сфера их употребления [7, с.37-38]. Авторы учебника разграничивают свободные словосочетания и фразеологические обороты, дают информацию о фразеологизмах-синонимах и фразеологизмах-антонимах. Кроме этого, в этот комплекс включается список источников, где можно узнать дополнительные сведения о происхождении некоторых крылатых слов. Предложенные авторами упражнения направлены на отработку таких навыков, как объяснение значения фразеологических оборотов, подбор синонимов и антонимов к фразеологическим единицам (упр.46, упр.47). В учебнике представлены задания с повышенной сложностью, где кроме фразеологизмов необходимо найти другие средства выразительности (упр.49) [7, с.48-49].

В учебнике «Русский язык» под редакцией В.Ф. Грекова, С.Е. Крючкова и др. для 10-11 классов представлен большой теоретический материал, включающий фразеологические обороты, в которые входят слова, утратившие первоначальный смысл; ФЕ, имеющие компоненты с образным значением; фразеологизмы, в которых одно из слов ограничено в своем употреблении [8, с.57-58]. Имеются сведения, касающиеся происхождения ФЕ, а также присутствует материал о стилистической принадлежности устойчивых оборотов в речи [8, с.58-59]. Задания в этом комплексе связаны с определением значения фразеологизма (упр.76, упр.77), с исправлением ошибок употребления фразеологических оборотов в предложении (упр.79) [8, с.60-61]. В учебнике представлены упражнения, направленные на развитие творческих способностей учащихся, например, в упражнении 81 необходимо составить и записать предложение с выделенным в контексте фразеологизмом [8, с.62].

Подобный теоретический материал о сфере употребления фразеологизмов, источниках происхождения ФЕ, а также информацию о разграничении словосочетаний и фразеологических оборотов Л.М. Рыбченкова и А.И. Власенков включили в учебники 5 и 6 класса. В учебнике «Русский язык» для 10-11 классов даются определения свободных и несвободных словосочетаний, фразеологизмов-синонимов и фразеологизмов-антонимов, имеются сведения о происхождении ФЕ [15, с.47]. В данном УМК представлена информация о фразеологизмах-омонимах [15, с.48], которая не упоминалась в других учебниках, однако задания на эту тему отсутствуют. Упражнения направлены на формирование у учащихся навыка определения происхождения и значения фразеологизмов (упр.78, упр.79, упр.80, упр.87), подбора фразеологического оборота к словам и словосочетаниям (упр.81) или, наоборот, синонимов и антонимов к устойчивым оборотам (упр.84, упр.89, упр.90). Здесь также имеются различного рода творческие упражнения, задача которых состоит в формировании у учащихся четкого представления о различии понятий «свободное словосочетание» и «фразеологический оборот» (упр.82). Авторы включают в учебник задания, направленные на группировку ФЕ по стилистическому признаку (упр.85), по признаку чувств и эмоций (упр.83) [15, с.48-52].

Таким образом, проанализировав школьные учебно-методические комплексы по русскому языку можно сделать вывод о том, что объём теоретического материала, связанного с фразеологией, в них представлен неравномерно: в одних УМК имеются достаточно широкие сведения о разделе «Фразеология», а в других информация о фразеологизмах сильно ограничена общими определениями понятий, входящих в данную тему. Система упражнений, разработанная авторами УМК, в количественном отношении не имеет различий. В каждом учебнике своя формулировка заданий и подбор фразеологического материала, что обусловлено позицией авторов УМК в трактовке

фразеологизмов и фразеологии как единиц языка. Результаты исследования свидетельствуют о том, что материал в анализируемых комплексах отобран в соответствии с дидактическими принципами научности и доступности. Однако можно выделить ряд недостатков. Упражнения, направленные на предотвращение фразеологических ошибок, представлены в небольшом объеме. Задания, связанные с лингвистическим анализом текста, предлагают не полные художественные конструкции, а лишь отдельные предложения, которые не дают целостного восприятия роли фразеологических оборотов в контексте и авторского замысла по использованию этого оборота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева, В. В. Русский язык. Теория. 5-9 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / В. В. Бабайцева, Л. Д. Чеснокова. - М.: Дрофа, 2012. - 319 с.
2. Баранов М.Т., Ладыженская Т.А., Тростенцова Л.А. Русский язык. 7 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений/ М.Т. Баранов// Изд. 5. - М.: Просвещение, 2013. - 237 с.
3. Баранов М.Т., Ладыженская Т.А., Тростенцова Л.А. Русский язык. 6 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций/ М.Т. Баранов// Изд. 5. - М.: Просвещение. - Ч 1. - 2015. - 191 с.
4. Баранов М.Т., Ладыженская Т.А., Тростенцова Л.А. Русский язык. 6 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций/ М.Т. Баранов// Изд. 5. - М.: Просвещение. - Ч 2. - 2015. - 175 с.
5. Баранов М.Т., Ладыженская Т.А., Тростенцова Л.А. Рабочая тетрадь по русскому языку: 7 класс к учебнику «Русский язык. 7 класс» / М.Т. Баранов// Изд. 5: перераб. и доп. - М.: Просвещение, 2017. - 120 с.
6. Власенков А.И., Рыбченкова Л.М. Русский язык: Грамматика. Текст. Стили речи: Учеб. Для 10-11 кл. общеобразоват. учреждений/А.И. Власенков// Изд. 8. - М.: Просвещение, 2002. - 350 с.
7. Гольцова Н.Г., Шамин И.В., Мищерина М.А. Русский язык.10-11 классы: учеб. для общеобразоват. учреждений/Н.Г. Гольцова// Изд. 8-е. - М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2011. - 448 с.
8. Греков В.Ф., Крючков С.Е., Чешко Л.А. Русский язык.10-11 классы: учеб. для общеобразоват. учреждений /В.Ф. Греков// Изд. 2. - М.: Просвещение, 2017. - 368 с.
9. Лидман-Орлова Г.К., Пименова С.Н., Еремеев А.П. Русский язык. Практика. 5 класс. Учебник /А.Ю. Купалова. - М.: Дрофа, 2012. - 272 с.
10. Лидман-Орлова Г.К., Пименова С.Н., Еремеев А.П. Русский язык. Практика. 6 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений/Г.К. Лидман-Орлова// Изд. 2. - М.: Дрофа, 2014. - 320 с.
11. Методика изучения фразеологии в школе. - Режим доступа: https://studbooks.net/779759/literatura/metodika_izucheniya_frazeologii_shkole
12. Никитина Е.И. Русский язык. Русская речь. 5 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений/Е.И. Никитина// Изд. 19. - М.: Дрофа, 2010 - 192 с.
13. Разумовская М.М., Львова С.И., Капинос В.И. Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений/ М. М. Разумовская// Изд. 13. - М.: Дрофа, 2009. - 192 с.
14. Разумовская М.М., Львова С.И., Капинос В.И. Русский язык. 5 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений/ М. М. Разумовская. - М.: Дрофа, 2012. - 317 с.
15. Рыбченкова Л.М., Власенков А.И. Русский язык: Грамматика. Текст. Стили речи: Учеб. Для 10-11 кл. общеобразоват. учреждений. /Л.М. Рыбченкова// Изд. 8. - М.:Просвещение, 2002. - 351 с.

ON THE QUESTION OF STUDYING PHRASEOLOGICAL UNITS IN SCHOOL

The article considers the presentation of phraseological material for middle and high school students in the main educational and methodological complexes (UMS) in the Russian language. The minuses and pluses of each CMC are identified. In the school course of the Russian language, the phraseology section is given insufficient attention, which does not allow the teacher to distribute the lesson material so as to give students a comprehensive idea of phraseology in a short time. This determines the relevance of the research topic.

Keywords: *educational-methodical complex (UMK), phraseology, phraseological unit, phraseology-sentences, phraseology-combinations.*

Поступила в редакцию 09.02.2020 г.

УДК 82

Я.А. Балановская

*ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского университет»*

ТЕМА ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ЭКРАНИЗАЦИИ ПОВЕСТИ Л.Н.ТОЛСТОГО «ОТЕЦ СЕРГИЙ» (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА БРАТЬЕВ ТАВИАНИ «И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ»)

В статье прослеживается диалог культур Италии и России на примере экранизации повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей», выполненной итальянскими режиссёрами Паоло и Витторио Тавиани. Актуальность темы обусловлена проблемами межкультурного общения и необходимостью сохранения самобытности культур в процессе их взаимодействия. В ходе исследования были выявлены точки соприкосновения русской и итальянской культур.

Ключевые слова: *культура, диалог культур, цивилизация, символ, Л.Н. Толстой, «Отец Сергей», Паоло и Витторио Тавиани, «И свет во тьме светит».*

XXI век – эпоха тотальной глобализации и смешения культур, эра взаимопроникновения и -влияния представителей различных этносов друг на друга. Вечная проблема диалога культур наиболее остро стоит сегодня, когда границы размыты, общение доступно не только вживую, но и во всемирной сети, возможность путешествовать по миру и многие другие аспекты современного общества в очередной раз доказывают актуальность проблемы диалога культур, а также важность самоидентификации, сохранения традиций собственной культуры и грамотного восприятия другой. «Диалог культур в человеческой истории неизбежен, так как культура не может развиваться обособленно, она должна обогащаться за счет других культур, поскольку «общаясь, люди создают друг друга» [1].

Эти слова Д.С. Лихачёва подчёркивают дуальность отношений носителей различных культур, обогащение знаниями и опытом обеих сторон, их взаимодополняемость. Более того, немаловажным результатом такого симбиоза является умение увидеть

неповторимую уникальность своей собственной культуры, вниманием к которой многие пренебрегают в каждодневной рутине, а порой, о которой и вовсе забывают.

С древних времён мы прослеживаем межкультурную коммуникацию – «обмен информацией, осуществляемый носителями разных культур, причем, то, что коммуниканты являются носителями разных культур, значительнейшим образом влияет на их коммуникацию и в некоторой степени определяет ее ход» [2, с. 8]. Так, например, римляне захватили территорию галлов, их враждебная экспансия привела к вынужденной ассимиляции германских народов, перенявших традиции, бытовую культуру и частично архитектуру Древнего Рима. X век для Руси ознаменовался крещением, что привело, с одной стороны, к гонениям язычников, а с другой, к зарождению основ православной культуры и мировоззрения, черпающего свои знания из Константинополя и стремящегося к этому культурному центру.

В двадцатом веке с появлением кинематографа задача представления быта и традиций, уклада людей упростилась, документальные съемки позволили запечатлеть мир таким, каким он был. Но даже наглядное представление не позволило до конца понять и прочувствовать ход мыслей людей, принадлежащих к другой культуре, так как недостаточно ее увидеть своими глазами, нужно попытаться «прожить», «прочувствовать» её, встать на место ее носителей, примерив на себе историю их страны, предпосылок и зарождения устоявшихся канонов.

Художниками на экране, взявшими за основу своих полотен русскую литературу, стали братья Паоло и Витторио Тавиани. Этим кинорежиссёрам и сценаристам присуща историко-философская манера повествования, что прослеживается уже в начале 70-х в их экранизации Л.Н. Толстого – драме «У святого Михаила был петух». Направленность творчества в создании исторических произведений была подтверждена экранизацией романа Гавино Ледды «Отец-хозяин», антифашистской драмой «Ночь святого Лоренцо» и сицилийским эпосом «Хаос» по избранным новеллам Луиджи Пиранделло. Ленты Тавиани наполнены обострённым чувством любви к кинематографу в его историческом развитии. Вдохновение режиссёры черпают из любви к своей родине, ее культуре и искусству. В 1990 году вышла кинокартина этих двух итальянских мастеров, ставшая для них очередной экранизацией Льва Николаевича Толстого.

Перешедшая на голубой экран повесть «Отец Сергей» – это удивительная история жизни кадета Серджио Джирамондо, желавшего быть первым везде и во всём, человека с многочисленными перспективами, который не может довольствоваться малым. Будучи честолюбивым, он ищет во всём справедливости, презирает тех, кто не чтит закон, старается приблизиться к королю, являющемуся для него недостижимым идеалом. Из-за череды жизненных обстоятельств и шокирующих признаний Серджио, переосмыслив имеющиеся ценности, решает стать отшельником и служить Богу. Поселившись у горы в старом домике, он посвящает себя вере. Но чем ближе человек к Богу, тем более сложные страдания ему приходится переживать. Герою предстоит столкнуться с рядом настоящих и настоящих испытаний.

Перед режиссёрами же встала нелёгкая задача: не только отобразить сюжет повести, но и сохранить ценности и мотивы, заложенные в нее русским писателем. Рассмотрим некоторые мотивы, использованные режиссёрами для передачи повести на экран.

Если иностранцы переселяются в Россию, и мы говорим, что они «обрусели», то произведение Толстого перенеслось в Южную Италию, а, точнее, в Неаполь XVIII века во времена правления Карла II. Главный герой Степан Касатский меняет имя на Серджио Джирамондо, а ландшафт пестрит итальянскими просторами, узкими улочками в городе или особой архитектурой стиля Ренессанс. Тавиани прибегают к костюмированной постановке, чтобы воссоздать эпоху правления. Даже цвет мундиров напоминает костюмы

офицеров времен правления Николая II, в период царствования которого происходит повествование. Фильм явно делится кинохудожниками на две части.

Можно назвать эти составляющие противостоянием культуры и цивилизации, в которой первое – это духовные поиски, самосовершенствование и отсутствие предела, а второе – это конечная точка развития, приоритет технического и материального в мире.

Вспомним об определении цивилизации немецким философом Освальдом Шпенглером: «Цивилизация – неизбежная судьба культуры. Здесь достигнут тот самый пик, с высоты которого становится возможным решение последних и труднейших вопросов исторической морфологии. Цивилизации есть суть самые крайние и самые искусственные состояния, на которые способен более высокий тип людей. Они – завершение, они следуют за становлением как ставшие. За жизнью – как смерть, за развитием – как оцепенение» [3, с. 163]. Возвращаясь к анализу кинопроизведения, вспомним, что изначальные условия города, цивилизации сковывают героя светскими законами, в которых никто из персонажей не развивается духовно, герои статичны и почти безэмоциональны, они жаждут лишь материальных благ и лёгких побед. Поверхностные ценности в начале фильма для кадета играют важную роль, он ограничен рамками общества, в котором стремится быть лучшим из лучших: игра в карты, стрельба из лука, а позже и чтение молитв – превосходство в этих занятиях достижимо. Добиваясь совершенства в какой-либо отрасли, Серджио ищет новую цель, новое «недостижимое», что проявляется в его решении стать отшельником и отречении от мирских статусов.

По Шпенглеру, культура – это душа народа. Она оригинальна и самобытна, упадок же культуры наступает в период ее заката – на стадии цивилизации. Именно тогда в обществе начинают преобладать, господствовать рациональность, прагматизм, утилитаризм, территориальная экспансия, власть денег во всех сторонах человеческого бытия. Наступает время «мировых городов», которые эксплуатируют обширную провинцию, служащую своего рода питательной средой для их роста, а политика становится определяющим видом деятельности. Вторая часть картины снята вдали от цивилизации, темпа города и его условностей. Отшельник остаётся наедине со своими мыслями и страстями, которые он пытается обуздать. Особенностью данного периода раскрытия персонажа является его попытка сосредоточиться на духовных ценностях, вере во что-то высшее, молитвах и надежде на лучшее. Визуальный ряд является скупым, но весьма выразительным: деревянная келья без особых удобств одиноко располагается посреди бесконечного зеленого луга.

Заметим, что если в произведении присутствуют многочисленные монологи, отражающие внутреннее состояние Отца Сергия, то в экранизации оператор делает акцент на явлениях природы. Так, например, в ночь прибытия в келью герой испытывает сомнения, он ещё не видит явно свой путь. Ясная погода позже – душевный покой и гармония с собой, порывистый ветер и дождь – предвестники свершающегося несчастья.

Стоит отметить схожесть культур Италии и России согласно классификации, выявленной Эдвардом Холлом по критерию высококонтекстуальности. Американский кросс-культурный исследователь предложил разделить культуры в зависимости от характера использования ими пространства и времени на высококонтекстные и низкоконтекстные, а также культуры с преобладающим монохромным или полихромным использованием времени. Высококонтекстные культуры характеризуются плотностью социальных связей (статус и репутация распространяются на все сферы жизни), личная жизнь не отделена от профессиональной. К странам с высоким контекстом культуры принадлежат Франция, Испания, Италия, Япония, Россия и страны Ближнего Востока. Данный критерий подчеркивает важность отношений между людьми в перечисленных культурах, так как их процесс социализации происходит, в том числе, через общественные институты, играющие важную роль в сообществах такого типа. Так, например, и Степан

Касатский, и Серджио Джирамондо хотели обрести себя, достичь гармонии (личностных целей) через военное дело (профессию), семью (институт семьи) и религию (статусность).

Детальное погружение в повествование и пристальное внимание к мелочам происходит в экранизации благодаря музыке Николо Пиовани, которому удаётся накалить атмосферу и держать зрителя в напряжении в кульминационные моменты киноленты или дополнить картину музыкальными фрагментами в связующих точках истории.

Как музыка, так визуальные ряды, выступают в картине межкультурными элементами, понятными без слов носителям русской и итальянской культур.

Символ – это неотъемлемая часть обеих работ. В философском словаре С.С. Аверинцева есть следующая статья, посвященная художественному символу: «Символ художественный – универсальная категория эстетики, лучше всего поддающаяся раскрытию через сопоставление со смежными категориями образа, с одной стороны, и знака – с другой. Беря слова расширительно, можно сказать, что символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и что он есть знак, наделенный всей органичностью мифа и неисчерпаемой многозначностью образа. Всякий символ есть образ (и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ)» [4, с. 156]. Словно читая между строк, мы можем распознать смысл, заложенный автором, без слов. Главным связующим звеном итальянской кинокартины становится символ дуба, олицетворяющий жизнь и отношение к ней главного героя. Уместно будет привести цитату швейцарского психиатра и педагога Карла Густава Юнга из его сочинений об архетипе духа: «Старый могучий дуб – что-то вроде лесного короля. Среди содержаний бессознательного он – центральная фигура, которая отличается наиболее ярко выраженными личностными чертами. Это прототип самости, символ истока и цели индивидуального процесса» [5, с. 8]. Используя символ дуба, как связующий элемент кинокартины, режиссёры не перегружают канву фильма длинными монологами, стремятся передать внутренние тревоги, страхи и вопросы героя. Дуб становится проводником – связующим элементом между Богом (макрокосмосом) и человеком (микрокосмосом), их взаимодействие неминуемо и приводит к различным исходам. В первый раз человек юн, он просит помощи и поддержки, получает в ответ опавший цветок. Во второй раз Серджио находится вне себя от эмоций, его негодование переходит в более требовательную просьбу, но «дерево» не отвечает, так как герой ещё не прошёл тот путь, который должен был. В третий раз персонаж осознаёт своё предназначение – служить людям, он не нуждается в помощи, но решает сам помогать другим, поэтому обходить дуб стороной.

Обращаясь к повести, подчеркнём, что дуб в повествовании заменен внутренними беседами Отца Сергия с монахом-отшельником Идиджио, жившим в келье до него. Риторические вопросы к несуществующему лицу и желание разобраться в себе с помощью потустороннего лица на самом деле свидетельствуют о стремлении отшельника обратиться к Богу. Для русской культуры типична потребность в поддержке и коллективизм. Только в группе единомышленников или при взаимодействии с кем-либо, кто оказывает содействие, персонаж сказки находит верную дорогу к искомому месту или решает предоставленную ему задачу. Несмотря на отсутствие ведущей роли дуба в повести, итальянцы смогли передать основную идею духовных поисков человека. Возможно, выбор их был обусловлен творчеством Л.Н. Толстого, который уже упоминал дуб как символ самоопределения или общения с «высшим» в романе-эпопее «Война и мир». Со школьной скамьи у читателей остаётся в памяти два появления дуба в произведении, играющие ключевую роль в раскрытии характера Болконского.

Весной 1809 года Андрей всё ещё подавлен из-за гибели жены Лизы. Он чувствует себя уставшим – жизнь для него почти остановилось. В одной из поездок в округ по дороге Болконский видит старый большой дуб, кажущийся ему корявым и некрасивым, выглядящим угрюмым на фоне радостного весеннего леса. В этом дубе Андрей узнаёт

самого себя. В июне того же года состоится вторая встреча, но уже после определенных событий, важное место в которых заняла Наташа Ростова. Её слова пробуждают в Андрее давно забытое чувство любви к жизни. На пути в своё имение герой снова видит тот же старый дуб, но уже полный сил, окутанный зеленой листвой. «Преображение» дерева изменяет самого героя, пробуждает в нем «желание жить».

Особое внимание стоит обратить на путь отшельника от «просящего» к «отдающему». Необходимым в становлении человека, по мнению авторов фильма, является переход от «накопления» духовных или материальных ценностей к их трансляции. Так, например, Серджио отказывается от прежней жизни, переходит в новую, в которой и помогает больным. Важно подчеркнуть, что сам Л.Н. Толстой на закате своих лет максимально приблизился к народу, что проявилось в его желании отдавать нажитое и довольствоваться малым.

Ключевые повороты сюжетной линии происходят вдали от городской жизни. Будучи затворником, Отец Сергей переосмысливает жизненные приоритеты, ставя гармонию с собой и спокойствие, божественный промысел и веру выше мирских утех. «Остров интересует братьев как воплощенный миф и как антропологическая модель. Остров как изолированное сообщество – что-то вроде заповедника» [6], - говорилось в статье журнала «Сеанс». Действительно, события вдали от цивилизации, материальных благ – это сказка, а порой миф, в котором царят свои «идеальные» законы и правила, где природа ещё не тронута и не «окультурена» людьми, а в человеке либо просыпаются животные инстинкты, либо возвращается осознанность за содеянное, так как единственный, перед кем ты несешь ответственность – ты сам. Вера героя крепнет день ото дня, пока он не сталкивается с потоком людей, желающими получить благословление от «старца», что ведёт к новому витку событий и превращению героя в зависящего от окружающих, от их мнения и внимания.

Диалог культур представляет собой «разновидность межкультурного взаимодействия, предполагающую активный обмен содержанием культур-контрагентов при сохранении ими своей самобытности» – так определяет диалог культур С.А. Лебедев. В сопоставлении экранизации и литературного текста видны явные различия: имена героев, наличие дуба в повествовании, почти полное отсутствие монологов, место действия. Но ни один из этих факторов не влияет на восприятие негативно, потому что ценности, поднимаемые в обоих произведениях – вечные. Оба автора говорят о проблеме добра и зла, греха и добродетели, превосходства духовного над материальным. Внутренняя борьба человека со своими страстями становится центральной линией развития конфликта, которую авторы направляют в русло альтруизма и служению Бога. Только любовь и сострадание, безответная помощь и вера могут очистить человека, возвысить его над грехом, изменить сознание.

Дополняемость культур, а не их взаимоисключаемость – одна из особенностей их диалога. Так, например, в фильме есть яркие визуальные ряды и невероятная итальянская классическая музыка, которые без слов ярко иллюстрируют состояние героя, а книга пестрит монологическими размышлениями, усиливающими драматизм. Как итальянский, так и русский варианты противопоставляют культуру и цивилизацию, считая, что только в первой возможен духовный рост и становление человека, а вторая олицетворяет закат первого. Художественный символ наиболее уместен для экранизации, так как наглядно показывает зрителю духовные поиски героя, а литературный вариант помогает детальней проанализировать поведение героя через подбор слов автором, выражающих его отношение к персонажу. Обе культуры ставят во главу угла веру человека, его дух и силу воли, стремление победить себя прежнего и служить людям.

Таким образом, книга и фильм создают межкультурное пространство, в котором неотрывно сосуществуют, взаимодействуют и влияют друг на друга. Интересным является

взаимодействие не только разных культур, но и разных видов искусств, благодаря специфике которых создаётся более полное, разностороннее и глубокое восприятие единой картины происходящего. Кинематограф и литература работают в тесном тандеме, где первоисточник пропускается через призму художественных средств кино. Братья Тавиани – «сыновья тосканских мастеров, потомков Микеланджело и Леонардо, которые голыми руками строили прекрасные храмы» [6] – осознают себя частью большой европейской культуры, вписывая своё имя в историю искусства. Кинорежиссерам не только удаётся создать удачную экранизацию русской повести Льва Николаевича Толстого, но сохранить вечные ценности, вложенные в нее. Быт и фольклор Италии сплетаются с русской литературной канвой, не потеряв при этом своей самобытности, а наоборот, подчёркивая особенности каждой из культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. И.М. Меликов. Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы / И.М. Меликов, А.А. Гезалов // Вопросы философии. 2014. №12. – с. 24-35 – Режим доступа: <http://filos-club.ru/autor/melikov/dialog-kultur/>
2. Гузикова М.О. Основы теории межкультурной коммуникации: учеб. пособие / М.О. Гузикова, П.Ю. Фофанова // М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 124 с.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер // М. 1993. – 672 с.
4. Аверинцев С.С. София-Логос / С.С. Аверинцев // Словарь. 2-е, испр. изд. – К.: Дух і Літера, 2001. – 912 с.
5. Юнг К.Г. Дух Меркурий. Глава в. Дерево и лес / К.Г. Юнг // Собрание сочинений. Дух Меркурий / Пер. с нем. – М.: Канон, 1996. – 384 с.
6. Мамадназарбекова К. Паоло и Витторио Тавиани. Равенство и братство / Камила Мамадназарбекова // «Сеанс». – Режим доступа: <https://seance.ru/articles/taviani/>

Y.A. Balanovskaya

THE ASPECT OF THE DIALOGUE OF CULTURES IN THE SCREEN VERSION OF LEO TOLSTOY'S STORY «FATHER SERGIUS» (BASED ON THE MOVIE OF THE ITALIAN DIRECTORS PAOLO AND VITTORIO TAVIANI «IL SOLE ANCHE DI NOTE»)

The article shows the aspect of the dialogue of cultures in the screen version of Leo Tolstoy's story «Father Sergius», filmed by the Italian directors Paolo and Vittorio Taviani. The relevance of the topic is caused by the problems of intercultural communication and by the importance of keeping cultural identity. In the course of the research some junctions of Russian and Italian cultures were revealed.

Key words: *culture, the dialogue of cultures, civilization, symbol, Leo Tolstoy, «Father Sergius», Paolo and Vittorio Taviani, «Il sole anche di note».*

Поступила в редакцию 20.02.2020 г.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОМПОНЕНТОВ ЛИНГВОРЕГИОАЛИСТИКИ

В статье рассматриваются прецедентные тексты региональной направленности, представляющие собой один из ключевых компонентов лингворегионалистики и активно изучающиеся в современной науке. Кроме того, на материале творчества писателей Липецкого края – М.М. Пришвина, И.А. Бунина, В.И. Немировича-Данченко – анализируется образ Ельца как провинциального города XIX века, что позволяет подчеркнуть значимость изучения региональных прецедентных текстов в рамках знакомства с культурой своей малой родины.

Ключевые слова: лингворегионалистика, прецедентные тексты региональной направленности, образ провинциального города.

Лингворегионалистика занимает особое место в современной науке о языке. Данная отрасль знаний во многом способствует лучшему восприятию и пониманию региональных особенностей языка, традиций и культуры, прошлого своей малой родины. Лингворегионалистика описывает духовное пространство региона как часть духовной культуры его жителей и тем самым включает языковые особенности каждого региона в систему взаимосвязанных компонентов науки о языке.

Одной из основных задач лингворегионалистики является исследование региональных особенностей лексики, фонетики, грамматики, словообразования и др., изучение специфических языковых явлений, языковой вариативности тех или иных элементов, системное восприятие которых помогает выстроить целостную картину лингвокультурологической специфики региона.

Одним из важных компонентов лингворегионалистики являются прецедентные тексты региональной направленности, под которыми понимаются «национально-прецедентные тексты (художественные, а также публицистические, мемуарные, эпистолярные, дневниковые), в которых речь идет о том или ином регионе (крае). В таких текстах, как правило, упоминаются региональные топонимы и антропонимы, что и делает данные тексты регионально направленными» [3, с. 144].

«Тексты, в которых описывается образ и выражается история, культура, мифология места – <...> той или иной земли-“провинции”» [1, с. 11], являются составляющими Провинциального сверткста русской литературы, который имеет много локальных ответвлений. Так, исследователями выделяются Воронежский, Пермский, Елецкий, Липецкий и другие локальные тексты [2, с. 68].

Если говорить о Липецкой области, то к таким региональным прецедентным текстам можно отнести произведения поэтов и прозаиков, которые родились, жили или творили в этом регионе и запечатлели его на страницах своих произведений. К писателям, связанным с Липецким краем, относят А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, И.А. Бунина, М.М. Пришвина, Е.И. Замятина, Б.Л. Пастернака, К.Г. Паустовского, М.И. Цветаеву, М. Горького и др. Фрагменты из произведений этих и других авторов составили корпус прецедентных текстов региональной направленности «Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы» [4].

Говоря о термине «Липецкий текст», необходимо отметить, что данное понятие может восприниматься как в узком, так и в широком смысле. В узком смысле под этим термином подразумеваются любые прецедентные тексты региональной направленности, имеющие непосредственное отношение к Липецку. В широком смысле под «Липецким текстом» принято понимать произведения, связанные с Липецкой областью, то есть с такими городами и населенными пунктами, как Липецк, Елец, Лебедянь, Задонск, Усманы и др. Среди наиболее значимых топонимов Липецкого края ключевое место занимает Елец – город, обладающий наибольшей культурной и исторической значимостью. Елец изображается на страницах произведений Н.С. Лескова («Грабеж»), И.А. Бунина («Деревня», «Легкое дыхание», «Жизнь Арсеньева», «Над городом», «Поздний час», «Подснежник», «Аля», «На Базарной», «Подторжье» и др.), М.М. Пришвина («Кашеева цепь»), К.Г. Паустовского («Золотая роза», глава «Иван Бунин»), В.И. Немировича-Данченко («Елец (Из записной книжки скупающего туриста)», «Женская обитель») и др. [2, с. 68-69].

В связи с этим в данной статье более подробно будут рассматриваться прецедентные тексты региональной направленности, анализ которых позволит выстроить целостный образ провинциального Ельца, современного авторам, чья жизнь и творчество так или иначе были связаны с этим местом, поскольку формирование культурно-исторического облика того или иного регионального топонима является одной из ключевых составляющих современной лингворегионалистики.

Обратимся к творчеству М.М. Пришвина, родившегося в Елецком уезде и проведшего в этом городе годы своего детства и юности. Так, в рассказе «Мои тетрадки» есть запись от 18 мая 1914-го года: «Город Елец – *ад* кромешный в жару; нивелирующее действие известковой *пыли*: как будто интеллигентные люди здесь тоже картузники. Тип елецкого картузника. Чуйки переделываются в пальто. Пещерные черносотенцы: черносотенные клубы в конторках при лавках и общество хоругвеносцев. В сентябре съезжаются в город мужики – хлеб продавать, помещики на земские собрания, купцы оживают от биржи».

В данном отрывке Елец предстает как пыльный, загрязненный город, цветовая гамма которого варьируется от серого к черному. Обращает на себя внимание сравнение Ельца с адом, которое встречается у Пришвина неоднократно (1915 год, 23 мая): «Именины в городе. Елецкий *ад* в *пыли*...». При этом подчеркивается именно запыленность, серость и грязь данного города.

В романе «Кашеева цепь» в главе «Сикстинская мадонна» выделяется еще один аспект авторского осмысления города как некоей общности живущих в нем людей. Если в предыдущих отрывках из «Моих тетрадок» перед нами предстает Елец нищий, грязный, бедный, «первобытный» и дикий, то здесь Пришвин открывает читателю и другую сторону провинциального города: «<...> ты встретил *жнею* до *мадонны* и потом узнал мадонну в жнее. «Сикстинская мадонна» только напомнила тебе твою собственную, живущую в *грязи* под Ельцом. Но если бы ты вперед встретил Сикстинскую, то не узнал бы в деревенской бабе *мадонну*. И вполне понятно: ты бы тогда вперед жизни забежал, и возвращаться тебе бы стало неинтересно, все равно как мужик, соблазненный фабричным трудом, у нас никогда не может вернуться к земле».

В данном отрывке описание Ельца вновь предстает перед нами через сравнение с грязью, однако теперь оно может восприниматься как некая скрытая метафора: грязь, в которой живет под Ельцом «мадонна», – это русская земля, дающая урожай, а жницы – это русские женщины, не уступающие по силе духа и святости Сикстинской мадонне.

Елец занимает одно из ключевых мест в жизни и творчестве Ивана Алексеевича Бунина. Знакомство писателя с этим городом описано в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева». В книге первой этого произведения есть такие строки: «Зато как

помню городское утро! Я висел над пропастью, в узком ущелье из огромных, никогда мною не виданных домов, меня ослеплял *блеск солнца*, стекло, вывесок, а надо мной на весь мир разливался какой-то дивный музыкальный кавардак: звон, гул колоколов с *колокольни Михаила Архангела*, возвышавшейся надо всем в таком *величии*, в такой *роскоши*, что уже никак не могла поразить меня в последствии пирамида Хеопса». Сразу обращает на себя внимание, насколько контрастен образ бунинского Ельца по сравнению с описанием города в произведениях Пришвина. В анализируемом отрывке автор подчеркивает «величие», «роскошь» города, его поражает величие архитектурных сооружений; Елец предстает перед читателем не как пыльный, загрязненный, нищий город, но как освещенный солнцем, сияющий, яркий. Примечательно, что с самых первых страниц с описанием Ельца у Бунина связан образ храма – колокольни Михаила Архангела. Этот урбаномим не раз встречается в творчестве писателя, см., например, его стихотворение «Михаил».

Символический образ колокольни храма Покрова Богородицы встречаем и в рассказе «Над городом»: «Глядя на колокольню снизу, с церковного двора, мы сами чувствовали, до чего мы еще малы, и было жутко немного, потому что облака в ясном весеннем небе медленно уходили от нас, а *высокая белая колокольня*, суживаясь кверху и блестя *золотым* крестом под облаками, медленно, плавно валились на церковный двор – и крест был похож на человечка с распростертыми руками... Потом мы вперегонки кидались к узкой двери в колокольню». В данном отрывке обращает на себя внимание цветовая гамма, с помощью которой автор описывает внешний вид колокольни и окружающий ее пейзаж. Сочетание белизны и золотого цвета, контраст синего неба и белых облаков – все это напоминает оттенки цветов, характерные для русской иконописи. Кроме того, автобиографический герой Бунина отмечает, что величие колокольни лишь усиливалось от того, что дети, стоящие у ее подножья, чувствовали, насколько они малы по сравнению с этим высоким зданием.

Доказательством того, что образ колокольни храма Покрова Богородицы в Ельце является одним из ключевых детских воспоминаний Бунина может служить следующий отрывок из рассказа «Над городом»: «Теперь детство кажется мне далеким сном, но до сих пор мне приятно думать, что хоть иногда *поднимались* мы над мещанским захолустьем, которое угнетало нас длинными днями и вечерами, хождением в училище, где гибло наше детство, полное мечтами о путешествиях, о героизме, о самоотверженной дружбе, о птицах, растениях и животных, о заветных книгах! Птицы любят *высоту*, – и мы стремились к ней. Матери говорили, что мы растем, когда видим во сне, что летаем, – и на колокольне мы *росли*, чувствовали за своими плечами крылья... Когда мы, запыхавшись, одолевали наконец последний ярус колокольни, мы видели вокруг себя только лазурь да волнистую степь. Город, как пестрый план, лежал далеко под нами, маленький и скученный, а в сердцах у нас было то, что должны испытывать на полете ласточки». Значимым здесь является мотив высоты, «приподнятости» над обыденностью. Поднимаясь на колокольню, герои рассказа Бунина совершают своеобразное бегство из окружающей их мещанской среды, губительно действующей на их детские души. Автор подчеркивает, что на колокольне дети чувствовали себя свободными, вновь способными мечтать, они сравниваются с птицами, с ласточками, готовыми взлететь. Примечательно, что глагол «росли» в данном отрывке также принимает метафизическое значение: имеется в виду духовный рост, внутреннее развитие, совершенствование, которое происходит с героями рассказа по мере того, как они поднимаются на колокольню. Следовательно, каждый ярус колокольни может восприниматься как своеобразный этап на пути к обретению высшего смысла, как стремление к прекрасному и великому, присущее каждому человеку. Анализируемый отрывок интересен еще и тем, что в нем город Елец предстает перед читателями с высоты птичьего полета. Здесь нет детального изображения

провинциальных улиц, мы видим словно план города, раскинувшегося у подножия колокольни.

Кроме того, в творчестве Бунина присутствует и мотив сказочного города, очаровавшего героя «Жизни Арсеньева»: «*Сказочная* дорога в город, в котором я не был со времени моего первого знаменитого путешествия, самый город, столь *волшебный* некогда <...>».

В Книге второй «Жизни Арсеньева» Бунин описывает нравы провинциального Ельца: «Но *старина* в нем все же очень чувствовалась, сказывалась в *крепких нравах* купеческой и мещанской жизни, в озорстве и кулачных боях его слобожан, то есть жителей Черной Слободы, Заречья, Аргамачи, стоявшей над рекой на тех желтых скалах, с которых будто бы сорвался некогда вместе со своим аргамаком какой-то татарский князь. А какой *пахучий* был этот город! Чуть не от заставы, откуда еще смутно виден был он со всеми своими несметными *церквами*, блестящими вдаль в огромной низменности, уже пахло: сперва болотом с непристойным названьем, потом кожевенными заводами, потом железными крышами, нагретыми *солнцем*, потом площадью, где в базарные дни станом стояли съезжавшиеся на торг мужики, а там уже и не разберешь чем: всем, что только присуще *старому русскому городу*...». Автор подчеркивает именно «старинность» нравов Ельца, его крепкие, истинно-русские устои. Немаловажной деталью в данном отрывке является упоминание елецких церквей, а также солнечного блеска, в котором город словно бы утопает.

Лейтмотивом описания Ельца у Бунина является также акцент на богатстве и разнообразии его жизни. Подтверждением тому может служить следующий отрывок: «Город ломится от своего *богатства* и *многолюдства*; он и так *богат*, круглый год торгует с Москвой, с Волгой, с Ригой, с Ревелем, теперь же и того *богаче* – с утра до вечера везет в него деревня все свои урожаи, с утра до вечера идет по всему городу ссыпка хлеба, базары и площади завалены целыми горами всяких плодов земных».

Описывая праздничный день в городе, Бунин снова обращает внимание читателей на обилие красок, запахов и звуков, присущих Ельцу: «По вечерам в такие дни город багрово пылал, дымился и вонял плошками, расставленными по тротуарам, дома, украшенные флагами, *горели* в темноте огненно-сквозными вензелями и коронами, – это, среди моих первых городских впечатлений, одно из самых памятных. Тогда в городе бывало *большое гулянье*».

В рассказе Бунина «На Базарной» перед читателем предстает образ торгового Ельца: «На Базарной улице *всем торгуют*: тут магазины красного товара, часовой магазин, аптекарский магазин <...> а еще дальше, совсем возле базара, растворы и сараи, где выставлены наружу метла, гробы, лопаты, грабли, новые, черно-блестящие по втулкам колеса...». И вновь обращает на себя внимание восприятие автором Ельца как города, полного товаров, изобилующего различными изделиями, богатого и многолюдного.

Ельцу уделено особое внимание и в очерках прозаика, поэта и публициста Василия Ивановича Немировича-Данченко. Его произведения представляют собой уникальный этнографический материал, пейзажные зарисовки, путевые заметки и очерки. Елец его произведений – некий монументальный город, в котором сохранились патриархальные устои.

Так, в очерке «Из записной книжки скучающего туриста» мы видим следующие строки: «Все *великие* города, оставившие глубокий след в истории человечества, непременно имеют и великих патриотов. Вспомните Афины, Спарту, Карфаген, Рим, Византию. Таков же точно и Елец». Обращает на себя внимание, тот факт, что Елец в данном отрывке автор ставит в один ряд с великими городами и государствами античности, что подчеркивает значимость этого города для культурной жизни России.

В очерке Немирова-Данченко описывает этот город как один из торговых центров Липецкого края, причем подчеркивает, что этот статус присущ Ельцу с давних пор: «*Испокон веку Елец славился своим хлебным рынком*. На десятки миллионов в год посылает он зерна и муки за границу, сюда из всего округа стягиваются хлебные грузы».

Автор отмечает, что в Ельце патриархальные, исконно-русские традиции сосуществуют с современностью, и эта связь придает городу особую привлекательность и культурно-историческую значимость: «Елец *нынешний* с Ельцом *прежним* нельзя и сравнить. Правда, *три кита живы*, правда, Дикие и Кабанихи еще прочно сидят в своих плотно замкнутых гнездах, но за то и *молодежь здесь высоко подняла голову* и на Татьянинном дне, на этом всеобщем празднике русской интеллигенции, в Ельце случилось собираться более ста участникам, окончившим Московский университет». Писатель подчеркивает, что современный ему облик Ельца стоит на «трех китах» культурных традиций провинциального города; настоящее и будущее Ельца во многом определяется его прошлым.

Кроме того, Немирович-Данченко подчеркивает уникальность города и окрестностей Ельца: «Город действительно оказался *интересным*. По наружному виду – хоть куда <...> Зато вид города из *женского монастыря*, например, был в высшей степени красив. Массы *домов* и *церквей*, грандиозный *собор*, с честью занявший бы место даже и в Москве <...> Но что здесь лучше всего, это – *окрестности*. Излучины реки, зеленая степь, как море расстилающаяся во все стороны, без перерыва, с редкими облаками зеленых рощ и садов». В этом отрывке, как и в произведениях Бунина, внимание читателей вновь обращается на обилие церквей города Елец, на его женский монастырь, а также на величие собора – своеобразного символа города, возвышающегося над ним.

В очерке «Женская обитель» автор затрагивает еще один аспект восприятия города. Так, в данном произведении присутствует описание Елецкого Знаменского женского монастыря на Каменной горе: «Этих-то ангелов повидать и с ними познакомиться ехал я на так называемую Каменную гору, где на краю Ельца стоит Знаменский девичий монастырь. Вид монастыря издали замечательно *красив*. По горе по песку идет террасами *громидная* каменная лестница. Вверху, за стенами, видны купола храмов <...> По наружному виду ожидаешь от обители чего-нибудь *грандиозного: красивых* келий в несколько этажей, окруженных садом – благо сторона кругом фруктовая, богатая на всякий плод и цвет, *роскошной* расписной трапезной». Немирович-Данченко описывает внешний вид Елецкого Знаменского девичьего монастыря глазами проезжающего мимо человека, который восхищается внешней красотой этого величественного здания. В приведенном выше отрывке акцент делается именно на грандиозности, красоте, роскоши и монументальности монастыря. И, несмотря на то, что автор противопоставляет внутреннее состояние монастыря его наружному убранству, читатель чувствует, что он восхищается красотой этого архитектурного сооружения, также являющего собой своеобразный символ города Елец, его культуры, традиций, патриархальных устоев.

Таким образом, прецедентные тексты региональной направленности являются одним из ключевых компонентов лингворегионастики. Специфика изучения прецедентных текстов заключается в том, что они позволяют воссоздать образ того или иного явления действительности, нашедшего отражение в языке. Так, например, обращение к текстам произведений авторов Липецкого края, можно проанализировать образ современного писателя провинциального города, выявить особенности его изображения с помощью художественного слова и т.д. Рассматриваемый в данной статье топоним Елец приобретает в связи с этим следующие характеристики. Для большинства писателей региона, чьи произведения были взяты для анализа, Елец – это красивый город, со множеством церквей и монастырей, с величественной архитектурой; это своеобразный культурно-исторический центр провинциальной жизни нашего края. Кроме того, этот

город воспринимается как один из немаловажных торговых пунктов Черноземья, предстает перед читателями как своеобразный город-базар, город-ярмарка. Из этого можно сделать вывод о том, что для воссоздания целостного, детального образа провинциального города XIX–XX вв. необходим анализ его с различных точек зрения и восприятие всех входящих в его структуру компонентов. Город Елец, исходя из изучения произведений писателей Липецкого края, представляет собой гармоническое единство материального и духовного: пыль, грязь его улиц, торговая площадь в базарные дни – и величие храмов, тишина монастырских обителей, солнечные блики на куполах церквей, монументальность патриархального быта, начинающего вбирать в себя первые отголоски современности. В связи с этим можно говорить и о том, что Елец можно воспринимать как своеобразный символ всей провинциальной России того времени, как культурный феномен, в котором обычаи и традиции прошлого сосуществуют с современностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Отв. ред. Л. О. Зайонц; Сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 672 с.
2. Попова Е.А. Динамика Провинциального (Липецкого) сверхтекста / Е.А. Попова // Вестник ВГУ: Серия Филология. Журналистика. – 2020. – №1. – С. 68-70.
3. Попова Е.А. Прецедентные тексты региональной направленности как объект изучения современной лингвистической парадигмы / Е.А. Попова // Филология на стыке научных эпох. Сборник статей памяти доктора филологических наук, профессора Ломова Анатолия Михайловича / Отв. редактор Е.А. Алексеева. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. – С. 143-152.
4. Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Учебное пособие / Отв. редактор Е.А. Попова. – Липецк: Липецк-Плюс, 2018. – 532 с.

N.A. Bogoslovskaya

THE PRECEDENT TEXTS OF REGIONAL DIRECTION AS ONE OF THE KEY COMPONENTS OF LINGUISTIC ANALYSIS

The article examines precedent texts of a regional orientation, which are one of the key components of linguo-regional studies and are actively studied in modern science. In addition, on the material of the writers of the Lipetsk region - M.M. Prishvina, I.A. Bunina, V.I. Nemirovich-Danchenko - analyzes the image of Yelts as a provincial city of the XX century, which allows emphasizing the importance of studying regional case-law texts as part of exploring the culture of their Little Homeland.

Key words: *linguo-regional studies, precedent texts of a regional orientation, the image of a provincial city.*

Поступила в редакцию 15.02.2020 г.

ОНИМИЗАЦИЯ АПЕЛЛЯТИВА КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЭТОНИМОВ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Цель работы – анализ поэтонимов англоязычных мультипликационных произведений и их эквивалентов в русском дубляже, рассмотрение онимизации апеллятива как способа образования имён персонажей. В статье осуществлена выборка поэтонимов, образованных с помощью онимизации апеллятива, определены продуктивность и причины популярности этого способа.

Ключевые слова: онимизация апеллятива, поэтоним, мультфильм, способы образования поэтонимов.

Поэтонимы играют одну из главных ролей в создании образов персонажей, а также являются важнейшим структурным элементом в системе средств художественной выразительности художественного произведения.

На современном этапе поэтическая ономастика привлекает всё больше внимания исследователей: довольно широко рассмотрен ономастикон драматических, прозаических произведений, в том числе детских. Вопросами образования и перевода поэтонимов занимались многие учёные (В.С. Виноградов, Д.И. Ермолович, В.М. Калинин, Э.Б. Магазаник, Е.С. Отин, А.В. Суперанская и др.), но онимы мультипликационных произведений практически не изучены, поэтому анализ образования поэтонимов известных мультфильмов и мультсериалов в оригинале и дубляже является актуальной проблемой.

Большая часть мультипликационных произведений, поступающих на российский рынок киноиндустрии, являются иностранными и подвергаются дубляжу. Основной целью переводчиков является сохранение соответствия переведённого имени оригинальному, поэтому прежде чем приступить к их переводу, они изучают, как образовано имя в англоязычном произведении. Нередко имена являются «говорящими», они интересны с точки зрения и перевода, и способа образования (как в оригинале, так и в дубляже).

В мультфильмах и мультсериалах, как и в других художественных произведениях, ономастическое пространство представляет собой объединение онимов различных разрядов, которые сценарист использует для наименования реалий мультипликационного мира и решения жанровых, стилистических и других художественных задач. Наиболее широко в этом пространстве представлены антропонимы и имена антропоморфных персонажей, которые и стали объектом нашего анализа.

Героями выбранных для исследования произведений являются люди, антропоморфные (то есть наделённые человеческими качествами) животные, существа и предметы, большая часть которых имеют «говорящие» имена, например Толстопуз (герой – толстый и богатый кот-преступник; м/с «Чип и Дейл спешат на помощь»), Индей Гундей (герой – индеец, мэр города, любит деньги, читает по табличкам, которые показывают его телохранители, так как зачастую не имеет своего мнения; м/ф «Цыплёнок Цыпа»). Такие имена не только называют героя, но и подчёркивают какие-либо особенности его характера, внешности, выступают основой построения и средством раскрытия художественного образа, то есть являются «символами своеобразного нерасчленённого образного впечатления, переданного в экономной языковой форме» [5, с. 46]. Часто имя

персонажа может сказать больше о нём, чем его внешний вид, характер и т.п., так как оно «служит маркером его психологической, идеологической индивидуальности» [2, с. 62].

При выборе мультфильмов и мультсериалов для анализа учитывались следующие параметры: популярность мультипликационных произведений у зарубежных и русскоязычных зрителей, престиж кинокомпании, которой были созданы и/или выпущены мультфильмы/мультсериалы, и кинокомпании, осуществившей дубляж, большое количество персонажей и, как следствие, широкое ономастическое пространство.

В качестве материала было использовано 220 поэтонимов на английском языке и 220 их эквивалентов из русских переводов из 8 известных мультфильмов и мультсериалов, созданных и/или выпущенных студией Walt Disney Productions, дубляж которых был осуществлён студией «Невафильм»:

- мультсериал «101 далматинец» (англ. One Hundred And One Dalmatians; реж. Рик Шнайдер, Кен Бойер, Виктор Кук, Питер Ферк, Келли Уорд; 1997-1998) – 49 поэтонимов;

- мультсериал «Утиные истории» (англ. DuckTales; реж. Боб Хэтчкок, Джеймс Т. Уокер, Алан Заслов, Тэрренс Харрисон, Стив Кларк, Дэвид Блок, Джейми Митчелл, Рик Леон; 1987-1990) – 25 поэтонимов;

- мультсериал «Чип и Дейл спешат на помощь» (англ. Chip 'n Dale: Rescue Rangers; реж. Алан Заслов, Джон Кимболл, Джон Кимболл, Боб Дзамбони, Рик Леон; 1989-1990) – 21 поэтоним;

- мультфильм «Красавица и чудовище» (англ. Beauty and the Beast; реж. Гари Труздейл, Кирк Уайз; 1991) – 15 поэтонимов;

- мультфильм «Корпорация монстров» (англ. Monsters, Inc.; реж. Пит Доктер, Дэвид Силверман, Ли Анкрич; 2001) – 27 поэтонимов;

- мультфильм «В поисках Немо» (англ. Finding Nemo; реж. Эндрю Стэнтон, Ли Анкрич, 2003) – 27 поэтонимов;

- мультфильм «Цыплёнок Цыпа» (англ. Chicken Little; реж. Марк Диндал; 2005) – 18 поэтонимов;

- мультфильм «Зверополис» (англ. Zootopia; реж. Рич Мур, Байрон Ховард, Джаред Буш; 2016) – 38 поэтонимов.

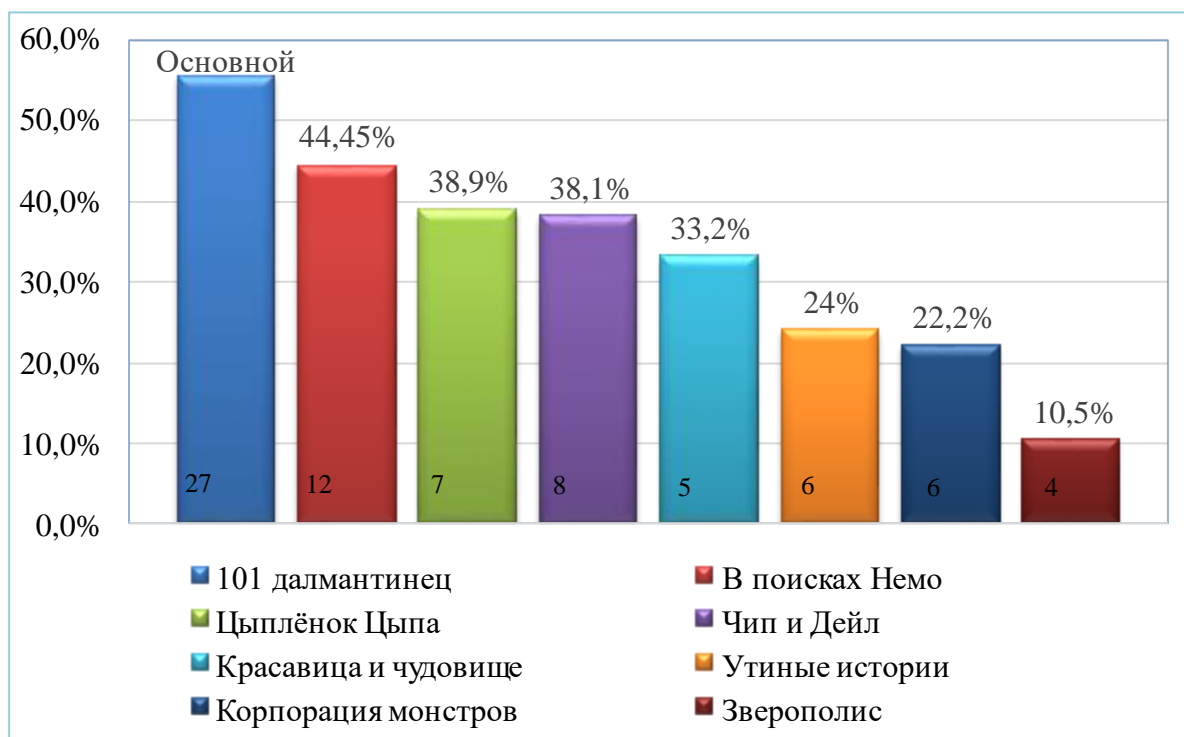
В ходе анализа были выделены следующие способы образования поэтонимов: онимизация апеллятива, трансонимизация, заимствование онима из другого языка, имятворчество, онимизация апеллятива из другого языка и комбинированный способ.

В нашей статье мы остановимся на рассмотрении онимизации апеллятива, которая является древнейшим способом образования имён собственных [4; с. 42].

Онимизация апеллятива – процесс образования имени собственного от нарицательного, который представляет собой переход апеллятива или апеллятивного словосочетания через смену функции в имя собственное [3]. При этом происходит изменение семантики слова, апеллятивное значение может варьировать в ониме от ярко выраженного до стёртого. Этот способ часто используется как в оригинале, так и в дубляже мультипликационных произведений.

Онимизация апеллятива является самым популярным способом создания имён собственных в рассмотренных англоязычных мультипликационных произведениях: она была использована в 34,1% случаев (75 из 220 онимов) и преобладает в пяти из восьми мультфильмах (см. Рисунок 1).

Рисунок 1. Онимизация апеллятива как способ образования имён в иноязычных мультфильмах

Ярче всего способ выражен в мультсериале «101 далматинец»: 55,1% всех поэтонимов (27 единиц) образованы с помощью онимизации апеллятива. Это объясняется тем, что большая часть героев этого мультсериала – собаки, которые зачастую имеют говорящие имена, указывающие на какие-либо их характеристики, качества:

Colonel (англ. colonel – полковник; герой – умный и благородный командор-пёс, обучающий щенков на ферме);

Dipstick (англ. dipstick – балбес, балда; герой – глуповатый далматинец);

Freckles (англ. freckles – веснушки; героиня – далматинец с пятнами на лице, напоминающими веснушки).

Интересно используется этот способ в мультсериале «Чип и Дейл спешат на помощь». *Aldrin Klordane* – имя опаснейшего преступника. Альдрин – один из самых опасных пестицидов. Хлордан – инсектицид контактного и кишечного действия. Оба относятся к «грязной дюжине» веществ – двенадцати стойких органических загрязнителей. Таким образом, имя этого антагониста складывается из названий двух наиболее опасных органических соединений.

Несмотря на то, что в мультфильме «Зверополис» онимизация апеллятива не встречается часто, поэтонимы, образованные этим способом, и в нём являются яркими примерами использования способа с целью создания «говорящего» имени:

Dawn Bellwether (англ. dawn – рассвет, восход, начало, англ. bellwether – овца или баран, ведущий стадо, на которого вешают колокольчик; героиня – овца-руководитель баранов-антагонистов, заместитель мэра Зверополиса);

Flash (англ. flash – миг, вспышка; герой – очень медленный ленивец, работающий на автотранспортной инспекции Дорожно-хвостовой службы).

Такие поэтонимы несут дополнительную смысловую нагрузку, выступая средством характеристики героев. Значение использованного апеллятива в качестве имени помогает лучше раскрыть образ персонажа художественного произведения. По образному выражению Н.В. Подольской, «апеллятив подобен постоянной тени, сопровождающей имя собственное и способствующей его мотивированности» [4, с. 41]. Именно эта «тень» делает имя «говорящим».

В дубляже онимизация апеллятива тоже широко распространена – 19,5% имён (43 онима) образованы с её помощью. Это второй по популярности способ образования имён в переводах мультфильмов (после заимствования онима из другого языка). Почти половина всех имён из мультфильма «В поисках Немо» были образованы с его помощью:

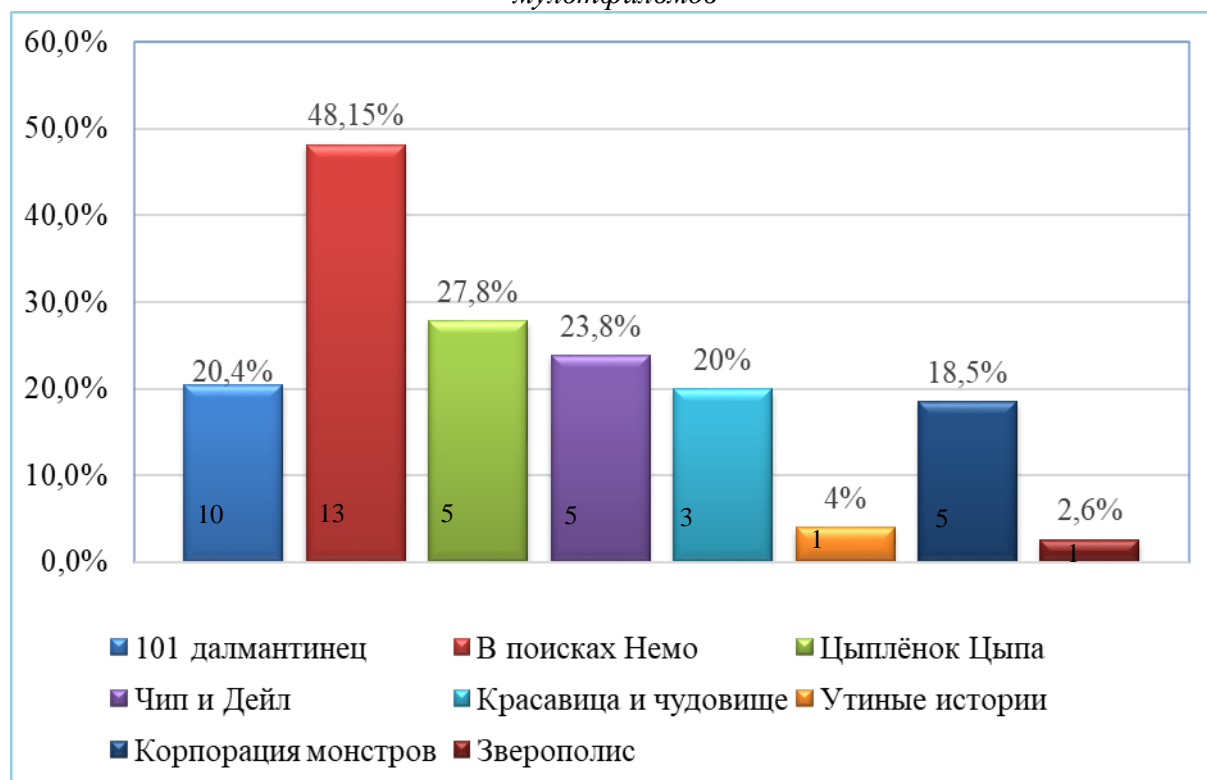
Блэстка (героиня – миловидный осьминог);

Жабр (герой – мавританский идол с повреждённым плавником);

Пузырь (герой – рыба-ёж, умеющая раздуваться при опасности).

В других мультипликационных произведениях онимизация апеллятива не пользуется такой популярностью и представлена в меньшей степени (см. Рисунок 2).

Рисунок 2. Онимизация апеллятива как способ образования имён в дубляже мультфильмов

При дубляже переводчики подбирают подходящий апеллятив в лексиконе того языка, на который переводится мультфильм. Иногда это происходит при помощи перевода слова. Ящера, самого умного члена преступной банды (м/с «Чип и Дейл»), зовут Wart (англ. wart – бородавка), это же имя осталось в русском дубляже – Бородавка.

Всё чаще наблюдается тенденция использовать творческий подход, например подбор слова, которое является более благозвучным в переводе, простым для восприятия и запоминания. По этой причине героиню мультсериала «Чип и Дейл спешат на помощь» мыш-изобретательницу, которая носит в оригинале имя Gadget (англ. gadget – прибор, устройство), переводчики произведения на русский язык решили назвать Гайкой.

Бывают случаи, когда семантическая связь между именем-оригиналом и именем-переводом практически отсутствует и сложно понять, какую логику преследовал переводчик для осуществления подобного переименования.

Иногда поэтонимы дублируются неудачно, и имя в дубляже теряет «говорящую» семантику. Например, мальчик, превращённый в чашку, в оригинале мультфильма «Красавица и чудовище» назван с помощью онимизации апеллятива Chip (англ. chip – обломок, осколок, скол). У чашки отколот кусочек, это хотели подчеркнуть создатели произведения. В дубляже имя героя передали с помощью транскрипции, чашку так же

звуют Чипом, но русскоязычные зрители (а особенно дети) не имеют возможности понять, почему герой назван именно так.

Одна из основных причин частого использования онимизации апеллиатива в качестве способа образования поэтонимов мультипликационных произведений – стремление сделать имена персонажей понятными, доступными для восприятия и легко запоминающимися для детской аудитории. Нередко мотивация создания онима довольно прозрачна: именем выступает название класса животного, к которому принадлежит персонаж:

Gazelle (англ. gazelle – газель; героиня – газель, известная поп-звезда);

Mole (англ. mole – крот; герой – крот, член преступной банды).

Большая часть поэтонимов состояли из одного короткого слова:

Bloat (англ. bloat – раздуваться; герой – рыба-ёж);

Nanny (англ. nanny – няня; героиня – пожилая дама, домохозяйка).

Это также помогает младшей категории зрителей ориентироваться в персонажах и взаимодействиях между ними.

Производным для поэтонима может стать слово любой части речи. В случае если апеллиатив не является именем существительным, онимизацию сопровождает субстантивация, например:

Boo (русск. boo – бу; героиня – 2-летняя девочка, случайно попавшая в Корпорацию Монстров и напугавшая работников предприятия; бу – одно из немногих слов, произнесённых девочкой за весь мультфильм, поэтому так её начинают называть другие персонажи);

Go-Go (англ. go – идти; героиня – серая гончая, спортсменка);

Lucky (англ. lucky – везучий; герой – бесстрашный далматинец с пятнами на спине, напоминающими подкову, что, по его мнению, приносит ему удачу);

Two-Tone (англ. two-tone – двухцветный; героиня – щенок-далматинец).

В дубляже также присутствуют имена, образованные с помощью онимизации апеллиатива, которая сопровождается субстантивацией:

Koko (героиня – курица, мама Цыплёнка Цыпы);

Chawk (герой – акула, которая выглядит устрашающе для беззащитных рыб, но оказывается вегетарианцем).

Н.В. Подольская различает семантическую и грамматическую онимизацию, вкладывая в термин онимизация сразу два значения: узкое, соответствующее деапеллиативизации (утрате словом свойств нарицательности – первый способ), и широкое – создание онима вообще, любым способом. При семантической онимизации образование имени происходит без каких-либо изменений формы производящего слова:

Fidget (англ. fidget – непоседа; герой – очень подвижный далматинец);

Jewel (англ. jewel – драгоценность, жемчужина; героиня – далматинец, пятна на шее которой напоминают ожерелье).

Грамматическая онимизация понимается как образование названий с помощью изменения морфемного состава слова (с помощью аффиксации, плюрализации, сингуляризации, сложения, сращения, гибридации). В мультфильме «Красавица и чудовище» имя Featherduster (англ. feather duster – перьевая метёлка; героиня – горничная замка, превращённая в метёлку для смахивания пыли) образовано с помощью словосложения.

Для создания имён в форме словосочетаний и предложений в ономастике используется лексико-синтаксический способ [1, с. 42]:

Fish Out of Water (англ. fish out of water – рыба, вытщенная из воды; герой – золотая рыбка со скафандром, наполненным водой, которая живет на поверхности), вариант в дубляже – Рыб-на-Суше;

Runt of the Litter (англ. runt of the litter – самый маленький в приплоде; герой – огромный пугливый поросёнок).

Многословные имена собственные имеют большие возможности для рациональной и эмоциональной характеристики объекта номинации.

Роль поэтонимов в структуре мультипликационного произведения сложно переоценить: хорошо подобранное имя способствует запоминанию героя, конкретизации образа. В рассмотренных нами мультипликационных фильмах и сериалах использование для образования имён такого способа как онимизация апеллятива является интересным и подходящим практически во всех случаях. Этот способ позволяет раскрыть внешние и внутренние качества героя, создать простое и в то же время семантически насыщенное имя.

Статистика частотности использования онимизации апеллятива подтверждает, что этот способ является продуктивным для образования имен персонажей (особенно в оригинальных, англоязычных версиях произведений) и популярным для наименования антропоморфных героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подольская, Н.В. Проблемы ономастического словообразования (К постановке вопроса) / Н.В. Подольская // Вопросы языкознания, 1990, № 3. – С. 40–53.

2. Семёнов, А.Т. Функционирование онимической лексики в художественном тексте и лексикографическое описание ономастикона романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дисс. канд. филол. наук. / А.Т. Семёнов. – М.: Рос. ун-т Дружбы народов, 1995. – 271 с.

3. Суперанская А.В. Апеллятив онима / А.В. Суперанская // Имя нарицательное и собственное. – М.: Наука, 1978. – С. 5-34.

4. Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А.П. Непокупный. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

5. Фёдоров, А.И. Семантическая основа образных средств языка / А.И. Фёдоров. – Новосибирск: Наука, 1969. – 92 с.

V.O. Chobotova

ONIMIZATION OF APPELLATIVE AS A WAY OF FORMING POETONYMS OF ANIMATED WORKS

The purpose of the work is the analysis of poetonyms of English-language animated works and their equivalents in Russian dubbing, to consider the onimization of the appellative as a way of forming character names. The article presents a selection of poetonyms formed by onimization of the appellative and defines the productivity and reasons for the popularity of this method.

Key words: *onimization of appellative, poetonym, cartoon, methods of forming of poetonyms.*

Поступила в редакцию 13.02.2020 г.

ЛИПЕЦКИЙ КРАЙ В ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В данной работе формируется представление о специфике прецедентных текстов региональной направленности, раскрывается их сущностное значение для понимания национального духа и воспитания любви к родному краю. Выводы на данную тему приводятся на основе анализа произведений, составляющих Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы. В статье выявляется неоднозначное, многомерное восприятие человека и мира, отраженное в данном сверхтексте.

Ключевые слова: прецедентный текст, Липецкий край, малая родина, национальная идентичность, духовные ценности.

Среди словесных текстов, оказывающих наиболее сильное влияние на формирование филологической культуры языковой личности, самое важное место принадлежит прецедентным текстам, под которыми понимаются, по определению Ю.Н. Караулова, тексты, «значимые для ... личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников», тексты, «обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216]. Анализ данного феномена привел к различным его классификациям (одной из самых распространенных является деление прецедентных текстов на универсально прецедентные, национально прецедентные, профессионально прецедентные). Одним из новых аспектов исследования прецедентных текстов и феномена прецедентности в целом является выделение среди национально прецедентных текстов прецедентных текстов региональной направленности. Это национально прецедентные тексты (в первую очередь, художественные, а также публицистические, мемуарные, эпистолярные, дневниковые), в которых речь идет о том или ином регионе (крае). В таких текстах, как правило, упоминаются региональные топонимы и антропонимы.

Тексты региональной направленности оказывают сильное влияние на формирование личности, на укрепление исторической преемственности поколений, сохранение и развитие языкового богатства, литературы и культуры России. Данная разновидность прецедентных текстов является одним из средств формирования гражданской, национальной, культурной идентичности в России, так как делает великих русских писателей и их произведения частью «своего» мира.

Применительно к Липецкому краю к таким текстам будут относиться национально прецедентные тексты, созданные родившимися, жившими и/или бывавшими здесь прозаиками и поэтами (А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым, Н.С. Лесковым, И.А. Буниным, М.М. Пришвиным, Е.И. Замятиным, Б.Л. Пастернаком, К.Г. Паустовским, М.И. Цветаевой, М. Горьким и др.). Уже такая сильная позиция некоторых прецедентных текстов, как заглавие, включает «липецкие» топонимы: это комедия А.А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (это драматическое произведение, действие которого происходит в Липецке, написано в 1815 г., оно стоит у истоков Провинциального (Липецкого) текста), рассказы И.С. Тургенева из цикла «Записки охотника» – «Лебедянь» и «Касьян с Красивой Мечи» и др. В число таких

текстов могут быть включены роман Г.И. Николаева «Астапово», описывающий последние месяцы жизни и смерть Л.Н. Толстого на маленькой железнодорожной станции, а также очерк В.И. Немировича-Данченко «Елец» и др. [5]. Тексты указанных и других авторов вошли в корпус прецедентных текстов региональной направленности «Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы» [6], составленный преподавателями кафедры русского языка и литературы Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Нам важно выявить образ города Липецка, который складывается в литературе, его специфику, метафизическое наполнение, необходимо составить некий концепт города, чтобы осознать и его неординарность, уникальность и в то же время его универсальность, т.е. сопричастность всему национальному. В произведениях названных классиков XIX – начала XX вв. мы встречаемся с такими характеристиками Липецка: «покой», «город был чистый», «приезжали... самые лучшие люди», «прекрасно обстроенная Дворянская улица», «вообще Липецк очень живописен», «прекрасное озеро». Например: *Липецк весьма красивый город на высоте. Прекрасно обстроенная Дворянская улица для приезжающих лечиться. Осмотр ванн: красивое здание. Ванны деревянные. Души. Зальце для танцев деревянное. Лавки. Каменная ротонда, где пьют воду. <...> Ныне больных 32 семейства. Директор Романович чудак. Дворянский сад с прекрасным видом на озеро* (В.А. Жуковский. Дневники); *...мы жилали в этой деревне только летом, остальное время проводили в 25-ти верстах оттуда в г. Липецке на Дворянской улице прекрасным видом на огромное озеро. ... Наверху был чудесный, так называемый «казенный сад» со скамейками. Сидя там, я любовался видом на озеро и на село Студенки влево. <...> Вообще Липецк очень живописен, и, сопровождавший в 1837 году наследника Александра Николаевича, В.А. Жуковский занес в свой дорожный альбом два вида нашего Липецка с его прекрасным собором, об украшении которого стеною живописью заботился Петр Лукич Вельяминов, приятель Державина (П.И. Баргенов. Воспоминания); *Меня протурили из Липецка по разным делам, а признаюсь, грустно было оставить милый городок, с которым соединено столько приятных воспоминаний <...>* (С.П. Жихарев. Записки современника); *Приезжали летом самые лучшие люди, самые нарядные, сановные, из столиц – купаться в липецких грязях* (Ю.Н. Тынянов. Пушкин) [6].*

Мы видим, какой образ встает перед нами – той самой теплой, гостеприимной «святой» провинции, где живы традиции, где тепло, покойно и «прекрасно». В связи с этим возникает и немаловажный вопрос, что же такое Липецк сегодня в сознании современного человека.

Феномен Провинциального (Липецкого) текста заключается в том, что он, имея давнюю традицию, продолжает развиваться в настоящее время, о чем свидетельствуют произведения современных липецких писателей Т. Щегловой, Т. Скрундзь, Г.Н. Рязанцева-Седогина и др., в которых Липецк впервые становится предметом художественной рефлексии. История провинциального текста восходит к двум мифам, созданным русской классикой. С одной стороны, провинция, деревня – это райская жизнь на лоне природе, где человек сохранял свой первообраз, или утраченный рай как память о былой идиллии. В традициях этого мифа в XX веке развивалась деревенская проза. С другой стороны, провинция – это захолустье, где за красивыми пейзажами протекает бессмысленная, сонная жизнь его обитателей.

В представлении современного человека мифа о провинции как об утраченном рае практически не существует. Оппозиция «провинция – столица» лишена своего первичного сакрального смысла. По замечанию некоторых исследователей, Москва давно не выполняет функции столицы по отношению к остальному пространству страны. Но и провинция не противопоставлена ей как идиллия. Например, в толковом словаре Т.Ф. Ефремовой в одном из значений слова «провинция» актуализирована символика косности

и отсталости: «Употребляется как символ косности, отсталости» [3]. Характеристики «провинциальный» и «провинциализм» сегодня имеют негативные коннотации.

Липецк как областной центр с градообразующим предприятием – Новолипецким металлургическим комбинатом (его строительство началось еще в 1931 году, в настоящее время это крупнейший сталелитейный комбинат в России и один из самых больших в Европе) – стал предметом художественной рефлексии только в современных текстах разных жанров. И хотя ни горожане, ни краеведы не хотят связывать Липецк лишь с Новолипецким металлургическим комбинатом, избежать этого невозможно. Завод не только является градообразующим предприятием, благодаря которому город не только входит в ряд крупных промышленных центров (и в то же время самых загрязненных городов страны), но и определяет основные константы массового сознания жителей.

Пространство в прозаических произведениях Татьяны Скрундзь позволяет размышлять не только о Липецком тексте, но о Провинциальном тексте русской литературы вообще, где провинция маркируется как самодостаточный топос, обладающий собственными характерологическими чертами. Исследование современных произведений с разнообразно расставленными метафизическими акцентами позволяет создать объективную картину не только современной провинциальной действительности, но и национальной локальной ментальности.

Особо следует отметить в данном аспекте рассказ-притчу Т. Скрундзь «Ну здравствуй, Бог». Апокалипсический рассказ о Городе, Заводе, Человеке и, можно добавить, – о птицах. Узнаваем пейзаж Липецка, где на левом берегу реки Воронеж расположился огромный Завод, трубы которого напоминают о крематории, а на правом – Город. Река, разделившая Город на две части, обнажает архаические мифологические символы, становится своеобразным Стиксом. Человек зажат между этими пространствами. Город наполняют «маленькие люди» большого мира, на которых он и стоит. Главный герой Сергей знает о них все, потому что и сам принадлежит к этому же, все пожирающему конвейеру Завода, в системе которого человек лишь винтик, выполняющий свою роль, а после – будучи не в состоянии функционировать, погибает в его недрах и сменяется новым. Человек, зажатый стальной хваткой, теряет свою идентичность, а попытки ее обретения приводят к трудной, почти неразрешимой ситуации выбора. И вот одному из этих «маленьких людей», винтиков «большого мира», Бог, явившийся в виде городского сумасшедшего, бомжа-побирушки, предлагает осуществить то, что он хочет. И герой очень долго пытается припомнить, хочет ли он чего-нибудь, есть ли у него мечта. А когда его неожиданно осеняет, – он хочет свободы, – «Бога» забирает патрульная машина. Городу, Заводу, своеобразному Левиафану, противопоставлен мир птиц, которые поют только о том, что знают, – о небе, солнце, дожде и ветре, что характеризует их, прежде всего, как свободных. Это произведение неотъемлемо связано с новыми смыслами, теперь присущими провинциальному городу, – современное промышленное состояние, отчужденность людей друг от друга, тотальная несвобода и одиночество.

Но существуют и совершенно другие современные тексты, отражающие совершенно противоположные только что названным ассоциациям. Именно такие произведения позволяют заявить о существовании Липецкого православного текста как важной части Провинциального (Липецкого) текста русской литературы. Такую возможность предоставляет творчество липецкого писателя Геннадия Николаевича Рязанцева-Седогина, автора семи книг стихов, романа «Становящийся смысл», повести «Рождественские загары», сборника рассказов «Трудности перевода». Произведения автора действительно «отражают присутствие Бога в мире», и об этом говорят все, кто обращается к его творчеству. Так, Лев Котюков, секретарь правления Союза писателей России, в предисловии к сборнику стихотворений «Сила преодоления» подчеркивает, что

Рязанцев-Седогин «как русский поэт, как истинно православный, в лучших своих произведениях через слово стремится обрести Родину небесную, ибо всей полнотой души ощущает, что наша Родина – вечное Небо...». «Боговдохновенные строки священника настраивают читателя на восприятие Истины, – замечает поэт Сергей Антипов [2, с. 14].

В 2014 году вышел в свет роман Рязанцева-Седогина «Становящийся смысл», в центре которого – жизнь священника, который на протяжении 10 лет строит храм, что и становится смыслом его жизни. Главный герой романа священник Евгений Седогин, от лица которого ведется повествование, обратившись к архивным материалам об истории возведения главного храма Липецка – кафедрального собора Рождества Христова, узнает, что собор строился 51 год. «И самое печальное, – размышляет автор-повествователь, – состояло в том, что не было известно ни одного имени из тех людей, которые ходили в собор во все время строительства, делом и молитвою участвуя в создании дома Божьего. А храмы строятся, как известно, "тщанием прихожан". Но история не помнит маленьких людей. Для автора же «подлинная история – это история жизни маленьких людей».

Мы можем сделать вывод из данного факта, что есть современные липецкие писатели, которые говорят о возрождении истинной веры в Липецке. В их произведениях проводится мысль об огромном культурном пласте, на фундаменте которого и до сей поры стоит наш город. А оттого и сегодня живы такие понятия, как любовь, вера, Бог, милосердие и чудо, и они, являясь идеологическими концептами, определяют специфику существования провинции вообще и Липецка в частности.

Также в рамках подготовки к празднованию 65-летия со дня образования Липецкой области управлением экологии и природных ресурсов Липецкой области подготовлена и издана книга «Сказ о Липецком крае» Т.А. Алексеевой. Липецкая писательница Тамара Алексеева написала 20-тистраничную сказку, которую сопровождают яркие иллюстрации, сделанные самим автором, а также общие исторические сведения о Липецком крае, развитии курорта, фотографии старого города.

Это познавательное художественное произведение, содержащее некоторые интересные факты из истории Липецка и Липецкой области. Обычно в сказках рассказывается о событиях в тридевятом царстве, в тридесятом государстве. А здесь все чудеса творятся в нашем родном крае. Даются основные исторические сведения о городе, начиная с XIX века и заканчивая 1954 годом, когда была образована Липецкая область и Липецк стал областным центром. Главной героиней книги является девочка, а затем девушка Машенька, которая встретила с императором Александром I, когда он приехал в Липецк и посетил курорт «Липецкие минеральные воды».

Мы понимаем, что данное произведение возрождает фольклорные традиции, в основе которых заложено сугубо национальное, русское восприятие действительности, несущее на подсознательном кодовом уровне неразрывную связь поколений, культурный пласт, на котором строилась русская жизнь испокон веков. Этот факт обращения к жанру сказки, воссоздания определенных традиционных мотивов, ассоциаций в русле восприятия родного края отражает преемственность и литературы, и сознания людей, а также «живость» национального самосознания, рефлексивного и осознающего себя сопричастным к своей культуре и истории, что необходимо для воспитания подрастающего поколения.

Исследование современных произведений в контексте Провинциального текста русской литературы позволяет говорить о том, что Липецкий текст как одно из его локальных ответвлений не только отражает особенности локальной ментальности, но и преодолевает узко провинциальную тематику. Символика городского текста построена на контрасте узкого локального пространства и вечного. Представление социальных типажей провинциального города, описание особенностей местности вписываются в контекст вечных вопросов любви, одиночества, поиска своего места в жизни, роли времени в

судьбе человека и т.п. Следует подчеркнуть, что липецкий топос тяготеет к архаическим системам мифологического пространства. Липецкий текст и сегодня строится на символах-антиподах, на борьбе жизни и смерти, любви и ненависти, что вводит его в контекст литературы, поднимающей вечные смыслы и проблемы.

Именно факт существования таких противоположных по смыслу произведений, которые несут в себе метафизику зла и добра, возрождения и умирания нашего края, его нравственной жизни, и характеризует многообразие всевозможных путей, лежащих перед русским человеком, выявляет специфику его внутренней жизни, где и по сегодняшний день «дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей».

Воспитание национального самосознания при обучении русскому языку необходимо начинать с освоения притягательной силы родного языка. Стержнем этой работы может стать лингворегионалистика и краеведение в целом. Использование на уроках по русскому языку местного языкового материала, в том числе произведений о Липецком крае, не только повышает интерес к предмету, но и воспитывает интерес к тому, что называют малой родиной, расширяет представление об ее истории и сегодняшнем дне. Все это дает возможность воспитать не только патриота, но и гуманного, социально культурного человека.

Региональные прецедентные тексты не только отражают духовные и интеллектуальные ценности русского народа, сохраняют культурную память многих поколений, но и делают великих русских писателей и их произведения частью своего мира. Они помогают, как писал уроженец русской провинции философ С.Н. Булгаков, окончивший гимназию в Ельце, «познать самого себя в своей природной индивидуальности, <...> полюбить свое, род и родину, постигнуть в ней самого себя» [1, с. 308].

Прецедентные тексты региональной направленности оказывают сильное влияние на формирование личности, на укрепление преемственности, сохранение и развитие языкового богатства, литературы и культуры России.

В современном мире очень остро стоит проблема сохранения национальной идентичности. Литература, связанная с родным краем, через понятие малой родины и ее составляющих (прецедентные тексты региональной направленности, Провинциальный текст русской литературы и др.) поможет современным носителям языка и культуры почувствовать свою причастность к большой Родине, ее языку и культуре и тем самым сохранить свою национальную и культурную идентичность, стать устойчивыми к глобальным внешним угрозам национальной безопасности [5, с. 72]. Исходя из этого, изучение прецедентных текстов региональной направленности с позиций актуальных направлений современной филологии, к числу которых относится лингворегионалистика, является задачей особой важности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С. Н. Моя родина / С. Н. Булгаков // Булгаков С. Н. Тихие думы. – М.: Республика, 1996. – С. 308-319.
2. Гончарова Т.В. Липецкий православный текст: лингвокультурологический аспект (на материале романа Г. Рязанцева-Седогина «Становящийся смысл») / Т.В. Гончарова // ФИЛОЛОГОС. – 2019. – Выпуск 1(40). – С. 12-19.
3. Ефремова Т.Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова.* – М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <https://www.efremova.info/word/provintsija.html#.XnkvbOozbIU>
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

5. Попова Е.А. Прецедентные тексты региональной направленности как новый аспект изучения феномена прецедентности / Е.А. Попова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – №3. – С. 70-72.

6. Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Учебное пособие / Отв. ред. Е.А. Попова. – Липецк: Липецк-Плюс, 2018. – 532 с.

A.V. Ivanishcheva

LIPETSK REGION IN THE CASE-LAW TEXTS OF THE REGIONAL DIRECTIONALITY

In this work, an idea is formed about the specifics of precedent texts of a regional orientation, their essential significance for understanding the national spirit and fostering love for the native land is revealed. Conclusions on this topic are based on an analysis of the works that make up the Provincial (Lipetsk) text of Russian literature. The article reveals the ambiguous, multidimensional perception of man and the world, reflected in this supertext.

Key words: *precedent text, Lipetsk region, small homeland, national identity, spiritual values.*

Поступила в редакцию 22.02.2020 г.

УДК 81'282.8

С.С. Калинин

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

ВЕКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ КОНТАКТНЫХ ИДИОМОВ РАЗЛИЧНОГО ТИПА С РУССКОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВОЙ

В статье рассматривается эволюция трех различных контактных идиомов, каждый из которых имеет русскоязычную основу. Это сибирский/дальневосточный русско-китайский пиджин, распространенный в Приморье и Примаурье; медновский язык (иначе – язык алеутов острова Медный), сложившийся приблизительно в XIX в. как результат русско-алеутских языковых контактов; говорка или таймырский пиджин, сложившийся в результате контактов местного самодийского населения (нганасан) с носителями других северо-самодийских языков и русскими поселенцами. Дается распределение данных контактных идиомов по стадиям языковой эволюции. Делается попытка обоснования различных эволюционных векторов каждого из рассмотренных контактных идиомов. Показывается также важность исследования контактных идиомов в контексте анализа общей проблематики происхождения и дальнейшей эволюции языка.

Ключевые слова: *сибирский/дальневосточный русско-китайский пиджин, медновский язык, говорка, контактные идиомы, возникновение и развитие контактных идиомов.*

Формирование и возникновение различных идиомов контактного типа длительное время является объектом внимания многих лингвистов. Прежде всего, это происходит потому, что на примере возникновения и дальнейшего развития какого-либо пиджина или креольского языка мы можем наблюдать эволюцию человеческого языка «в миниатюре». По этой причине материал контактных идиомов часто используется в исследованиях по

общей теории эволюции языка в качестве иллюстрации тех или иных теоретических положений (см., например, монографии У. Т. Фитча [14, с. 432-441] и Д. Бикертона [3]).

В данном исследовании рассматриваются три контактных идиома, возникших на основе контактов носителей русского языка с носителями языков Северо-Восточной Азии (Сибири и Дальнего Востока). Это сибирский/дальневосточный русско-китайский пиджин, известный также и под другими названиями, говорка и медновский язык. Первый из них существует и по сию пору, а два других относятся к угасающим языкам. Эти три контактных идиома репрезентируют три различных стратегии эволюции идиомов такого типа.

Для начала определимся с одним из основных понятий данного исследования – «контактным идиомом». Под «идиомом» в социолингвистике обычно понимается «любая территориально-социальная разновидность языка» [2, с. 71]. Соответственно, контактными идиомами будут являться любые такие разновидности языка, которая возникла в ходе языковых контактов между двумя и более языками. Н. Б. Мечковская особо отмечает [7, с. 179], что в исследовании языковых ситуаций Сибири, Севера и Дальнего Востока используется термин «контактный язык», объединяющий как пиджины, так и креольские языки.

Основываясь на теоретических построениях Г. П. Мельникова [6, с. 29], можно распределить все контактные идиомы по двум стадиям развития: стадии синтетизма и аналитизма. Подавляющее большинство этих идиомов окажутся на стадии аналитизма, однако, небольшая часть таких идиомов будет все же демонстрировать некоторые черты синтетизма в своем строе. В связи с этим, интересно отметить, что Н. Б. Мечковская пишет, что «загадочной чертой» пиджинов и креольских языков является их сильное структурное сходство [7, с. 183], а именно, аналитичность морфологии, доходящая иногда даже вплоть до «чистой» изоляции (как, например, у редуцированного варианта сибирского пиджина). Тем не менее, нельзя строго говорить о тенденции изменения строя всех контактных идиомов к изоляции (т.е. к ярко выраженному аналитизму), как, например, полагает автор работы [11, с. 164]. Ниже мы покажем, что существуют и контактные идиомы, более или менее ярко проявляющие черты синтетизма, причем, сформировались такие контактные идиомы на базе русского языка. Мы укажем и стадию эволюции, на которой находится каждый из трех наших контактных идиомов.

Определение генеалогической принадлежности контактных идиомов представляется достаточно сложной проблемой, хотя, без сомнения, материал контактных языков является крайне важным для исторического языкознания и понимания процесса развития и эволюции языка в целом. Важность его определяется, уже исходя из того, что практически каждый язык в течение времени своего исторического развития имел контакты с другими языками. Некоторые размышления о проблеме генеалогического родства различных контактных идиомов приведены в работе В. И. Беликова [1], см. также работу [12]. Соглашаясь с мыслями В. И. Беликова [1, с. 64-65], нельзя не отметить, что не вполне верным было бы говорить о том, что, например, сибирский/дальневосточный пиджин является такой своеобразной разновидностью русского (или китайского) языка и уж тем более причислять его к славянским или сино-тибетским языкам. Нельзя также сказать, что медновский язык является разновидностью русского языка или ближайшим родственником русского языка (хотя в нем имеется большое количество морфологических и лексических элементов русскоязычного происхождения), или наоборот, что медновский язык представляет собой язык-родственник алеутского языка, хотя, несомненно, в нем присутствует большое количество эскалеутских лексических элементов, морфологических и синтаксических структур. Нам представляется, что правильным было характеризовать все эти языки как результат кардинальной эволюционной перестройки русского и китайского языка или русского и алеутского языков, происходившей по типу ароморфоза

на основе «гибридного скрещивания» вышеупомянутых языков. В итоге получается языковая система и структура, обладающая принципиально новыми чертами, не характерными ни для одного из языков-«родителей», которая затем начинает развиваться по собственному вектору (особенно отчетливо это видно на примере расширения сибирского русско-китайского пиджина).

Говоря о языках-«родителях» контактного идиома, нельзя не упомянуть понятия языка-субстрата и языка-лексификатора. По Е. А. Оглезневой [9, с. 9], субстратом является тот язык, из которого формирующийся контактный идиом наследует грамматическую и фонологическую системы, а лексификатором – тот язык, из которого наследуется словарный состав. Заметим, что лексификаторов может быть несколько, например, в формировании сибирского пиджина участвовали, помимо русского и китайского языков, и монгольские языки наряду с тунгусо-маньчжурскими языками, имеется также некоторый пласт лексики с не вполне ясной этимологией (более подробный анализ лексического состава сибирского пиджина см. в работе [8]).

Перейдем теперь к описанию векторов эволюции каждого из трех упомянутых в начале данной работы идиомов. Сибирский/дальневосточный пиджин, очевидно, сформировался на основе преимущественно русского и китайского языков, при этом русский в формировании данного идиома выступал в основном в качестве лексификатора, а китайский – в качестве субстрата, но, помимо этого, как было отмечено выше, в формировании этого пиджина принимали участие и другие языки-лексификаторы. Сибирский пиджин являлся и является очень вариативным языком, различные региональные варианты которого были известны под разными названиями, хотя значительных отличий между ними не имелось. Этот идиом активно употребляется до сих пор: сведения о его употреблении на территории Приморья и Приамурья имеются в монографии Е. А. Оглезневой [9, с. 118-144], а также в работе Цзян Ин и Ли Синь [15], посвященной функционированию этого идиома в русско-китайском приграничье.

Сибирский/дальневосточный пиджин имеет две основные эволюционные формы: редуцированную и расширенную. Редуцированная форма близка по своей структуре и типологии к языкам изолирующего строя (см. описание редуцированной формы сибирского пиджина у Е. В. Перехвальской [10, с. 28-29]). Фактически, сибирский и дальневосточный пиджин в редуцированной форме представляют собой вариант русского языка, лишенный синтетического словоизменения и функционирующий по нормам и правилам грамматики китайского языка. Позднее, сибирский/дальневосточный пиджин стал развивать аналитическую морфологию, используя для этого грамматикализацию глагольной лексики русскоязычного происхождения (см. [10, с. 32-33]). В результате этого сформировался расширенный вариант данного идиома, грамматические свойства которого напоминают европейские языки аналитического типа: морфология и синтаксис расширенного варианта сибирского пиджина основаны на использовании вспомогательных частей речи, порядка слов и интонации. Естественным поэтому будет отнести сибирский/дальневосточный пиджин и в редуцированном, и в расширенном вариантах к аналитической стадии развития.

Медновский язык представляет уже достаточно отличный от предыдущего тип контактного идиома. Медновский язык сформировался на основе русского и алеутского языков, наследовав при этом основные структурные паттерны каждого из них. Причины такого своеобразного развития медновского языка являются дискуссионными. Вероятной причиной могут быть экстралингвистические факторы, связанные с социальными условиями функционирования данного языка. В частности, как отмечают Е. В. Головкин [4] и В. И. Беликов [1, с. 64], роль мог сыграть и тот факт, что в XIX в. медновский язык был родным для креолов – потомков от смешанных русско-алеутских браков.

Медновский язык можно отнести к языкам, находящимся на синтетической стадии эволюционного развития. Оба родительских языка, из которых он сформировался, относятся к синтетическим языкам, причем алеутский язык является полисинтетическим языком. Распределение морфологических паттернов, наследуемых из каждого языка, как отмечает Е. В. Головкин [4], имеет перевес в сторону алеутского языка: именные и глагольные словообразовательные аффиксы в медновском языке – алеутского происхождения, показатели глагольных категорий лица-числа и времени-наклонения – русского происхождения, именные словоизменительные категории – алеутского происхождения [4]. Заметим, что при формировании медновского языка не происходило редукции его системы в сравнении с исходными языками, но уровень сложности системы данного идиома оставался стабильным, поскольку медновский язык сохранил синтетичность и не утратил синтетические словоизменительные и словообразовательные парадигмы, свойственные исходным языкам.

Говорка или таймырский пиджин представляет собой результат контактирования русского языка с языками другой генеалогической и типологической принадлежности, а именно, с уральскими и алтайскими языками Таймыра. Как отмечает Е. А. Оглезнева, говорка характеризуется упрощением и аналитизацией в сравнении с русским языком, языком-лексификатором для говорки послужил русский, субстратом – уральские и алтайские языки, с которыми контактировали носители русского языка (долганский, ненецкий, энецкий, эвенский, нганасанский) [9, с. 13].

Говорка, как было замечено в работе [9, с. 13], использовалась нганасанами для общения с носителями вышеупомянутых языков, а также для общения с русскоязычным населением. Очевидно, этим и объясняются характерные особенности говорки, типичные больше для уральских и алтайских языков, чем для вариантов русского языка. Вместе с тем, в говорке можно отметить ряд инноваций, не свойственных русскому языку, о которых А. Ю. Урманчиева пишет так: «...в говорке достаточно грамматических черт, которые делают ее безусловно нерусским языком. В ней представлен целый ряд оригинальных грамматических конструкций, которые не имеют параллелей в русском языке. Структурно в говорке запечатлелся определенный «аборигенный» лингвистический тип, характерный для таймырского региона, и русский язык оказался как бы пропущен через «таймырскую лингвистическую призму»... То есть грамматическую систему говорки необходимо признать оригинальной, несводимой к упрощению русского языка за счет неполного и некорректного его усвоения представителями аборигенного населения» [13, с. 181] (в этой же работе [13] далее перечисляются отличительные особенности грамматической системы говорки). Вместе с тем, говорку можно отнести к аналитической стадии эволюции, в том числе, и по причине наличия своеобразных аналитических конструкций, выработанных говоркой уже в процессе ее формирования из языков-субстратов и лексификаторов.

Таким образом, три рассмотренных контактных идиома, сформировавшихся на основе русского языка, представляют каждую из стадий языковой эволюции: как синтетическую (медновский язык), так и аналитическую (говорка, сибирский/дальневосточный пиджин). Однако, следует заметить, что проявления аналитизма в говорке и проявления аналитизма в сибирском русско-китайском пиджине довольно-таки различаются. Если в говорке аналитизм сформировался под влиянием урало-алтайского языкового типа (о нем более подробно см. [16, с. 85-86]), то сибирский русско-китайский пиджин претерпел вначале значительную редукцию грамматической системы вплоть до возникновения изоляции, а затем развил собственную грамматическую систему с высокой степенью аналитичности, чем-то отдаленно напоминающую грамматическую систему некоторых современных европейских языков, например, английского или нидерландского.

Причины различия в направления вектора эволюции каждого из рассмотренных нами контактных идиомов заключаются не только в различных условиях формирования и воздействии различных субстратных языков на будущий формирующийся контактный идиом, а также в несколько отличающихся социокультурных условиях возникновения и функционирования этих контактных идиомов. Особенности эволюции данных контактных идиомов тесно связаны с особенностями их самоорганизации как динамических систем и развития в этом качестве. Этапы этого развития и структурирования контактных языков различных типов с позиции синергетики рассмотрены в работе [5, с. 134-135]. Следует также отметить, что самоорганизация динамической системы контактного идиома подчиняется не только имманентным законам и закономерностям синергетики и теории информации, в частности, закономерностям структурирования информации в паттернах контактного языка (возникновения минимальных устойчивых структур) и возникновения явления языковой избыточности, но и опять же связана с социокультурными условиями возникновения и развития контактного идиома. Связь эта прослеживается по той причине, что процессы контактов между языками и их носителями можно рассматривать, в конечном итоге, как процессы информационного обмена между ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов В. И. Языковые контакты и генеалогическая классификация / В. И. Беликов // Вопросы языкового родства. – 2009. – №1. – С. 49-68.
2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: РГГУ, 2001. – 439 с.
3. Бикертон Д. Язык Адама. Как люди создали язык, как язык создал людей / Д. Бикертон. – М.: Издательский дом ЯСК, 2012. – 310 с.
4. Головкин Е. В. Язык медновских алеутов / Е. В. Головкин // Языки мира. Палеоазиатские языки. – М.: Индрик, 1997. – С. 117-125. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics4/golovko-97a.htm>
5. Крылова И. А. Синергетический подход к изучению пиджинов и креолов / И. А. Крылова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. - № 30(67) [июнь]. – С. 131-136.
6. Мельников Г. П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной. Курс лекций / Г. П. Мельников. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 96 с.
7. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 312 с.
8. Мусорин А. Ю. Лексика кяхтинского пиджина / А. Ю. Мусорин // Функциональный анализ языковых единиц. – Новосибирск, 2004. – С. 79-86. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics4/musorin-04a.htm>
9. Оглезнева Е. А. Русско-китайский пиджин: опыт социоллингвистического описания / Е. А. Оглезнева. – Благовещенск: АмГУ, 2007. – 264 с.
10. Перехвальская Е. В. Сибирский пиджин (Дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура : автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 – теория языка. / Перехвальская Елена Всеволодовна. – СПб., 2006. – 50 с.
11. Соколова А. Ю. Пиджинизация как процесс преобразования языка в сторону изоляции / А. Ю. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. - № 12(78): в 4-х частях. – Ч. 3. – С. 162-164.
12. Тейлор Д. О классификации креолизированных языков / Д. Тейлор // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – М., 1972. – С. 485-492. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics4/teylor-72.htm>

13. Урманчиева А. Ю. Говорка: пример структурно смешанного языка / А. Ю. Урманчиева // Slavica Helsingiensia 40. Instrumentarium of linguistics. Sociolinguistic approaches to Non-Standard Russian. – Helsinki, 2010. – Pp. 179-198.
14. Фитч У.Т. Эволюция языка; пер. с англ. и науч. ред. Е. Н. Панова / У. Т. Фитч. – М.: Издательский дом ЯСК, 2013. – 824 с.
15. Цзян Ин, Ли Синь. Грамматические особенности дальневосточного варианта русско-китайского пиджина на приграничной российско-китайской территории / Цзян Ин, Ли Синь // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Том 12. – Выпуск 6. – С. 419-425.
16. Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири / М. И. Черемисина. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1992. – 92 с.

S.S. Kalinin

EVOLUTIONARY VECTORS OF DIFFERENT RUSSIAN-BASED CONTACT IDIOMS

The article discusses the evolution of three different Russian-based contact idioms. This is the Siberian / Far Eastern Russian-Chinese pidgin, common in Primorsky Krai, Khabarovsk region and near-Amur region; Copper Island Creole language (otherwise – the language of the Aleuts of Copper Island/Mednyi Island), formed approximately in the XIX century as a result of Russian-Aleutian language contacts; Govorka or Taimyr Pidgin Russian, formed as a result of contacts of the local Samoyed population (Nganasan people) with speakers of other Northern Samoyedic languages and Russian settlers. The distribution of contact idioms by stages of language evolution process is given. An attempt is made to substantiate various evolutionary vectors of each of the considered contact idioms. The importance of studying contact idioms in the context of analyzing the general problems of origin and the further evolution of the language is also shown.

Key words: *Siberian/Far-Eastern Russian-Chinese pidgin, Copper Island Creole language, Taimyr Pidgin Russian, contact idioms, origins and development of contact idioms.*

Поступила в редакцию 16.02.2020 г.

УДК 81-19

Т.Ю. Колупанова

*ФГБОУ ВО «Липецкий государственный университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»*

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА «РОССИЯ/РУССКИЙ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ ХХІ ВЕКА

В статье раскрываются особенности когнитивного содержания лингвоментального комплекса «Россия/русский» в языковом сознании писателей ХХІ века. Актуальность темы обусловлена неослабевающим интересом современной лингвистики к проблемам отражения в художественно й картине мира ключевых концептов русской культуры. В ходе исследования была выявлена и описана специфика отражения лингвоментального комплекса «Россия/русский» в творчестве современных писателей.

Ключевые слова: *лингвоментальный комплекс, когнитивный признак, константа*

В современном антропологическом языкознании особую актуальность, на наш взгляд, приобретает исследование такой дискретной единицы, как лингвоментальный комплекс «Россия/русский», который представляет собой многомерное ментальное образование, репрезентированное концептами «Россия» и «русский», несущими информацию об одном и том же предмете действительности, но раскрывающими его отдельные грани. В ходе нашего исследования особенно интересным представляется рассмотрение лингвоментального комплекса на материале художественных текстов XXI века, поскольку в них писатели открыто выражают свою яркую и неповторимую точку зрения относительно изображаемых ими событий и явлений. Исходя из этого, мы можем говорить, что в современных поэзии и прозе имеет место яркая художественная интерпретация лингвоментального комплекса «Россия/русский».

В художественной картине мира XXI столетия интересную репрезентацию получает сегмент «государство». Обратившись к анализу организующих его констант, мы убедились в том, что определяющую роль здесь, без сомнения, играет константа *власть*: *Ненавидел власть – всю поголовно – и желал премьерам и губернаторам смерти – реальной, физической, желательной необычной и медленной* (З. Прилепин «Санькя»); *Негатив, скорей, чувствовал раздражение, переходящее в добротную, не истеричную злобу, и направлено это раздражение на всех поголовно, кто представлял власть в его стране, – от милиционера на перекрестке до господина президента* (З. Прилепин «Санькя»). Приведенные примеры показывают, что рассматриваемая константа вербализуется не только при помощи одноименной лексемы – *власть*, указывающей на «политическое господство, государственное управление и органы его» [Ожегов, с. 83], но и посредством слов, именующих уполномоченных лиц, которые действуют от имени государства – *премьер, губернатор, милиционер, президент*. Кроме того, в смысловое поле данной константы входят следующие группы лексем:

– персоналии (*Путин, Медведев, Жириновский, Немцов*): *Мы Путина переизбрали вчера на второй президентский срок* (С. Минаев «Долгая дорога в рунете»);

– словосочетания и аббревиатуры, именующие политические партии и их членов («*Единая Россия*», *ЛДПР*, «*Союз Созидателей*», *либералы, демократы*): *В левом углу ринга – политический супертяжеловес, бессменный лидер ЛДПР Владимир Жириновский!* (Д. Глуховский «Перед штилем»);

– слова, указывающие на силовые структуры и их представителей (*ФСБ, милиция, спецназ, оперативники, спецслужбы, МВД, участковый, ГУВД*): *А что у нас тут во двореке? Не притаился ли за углом транспорт со спецназом?* (З. Прилепин «Санькя»).

Итак, можно говорить о том, что репрезентантами константы *власть* лингвоментального комплекса «Россия/русский» выступают слова, называющие «лиц, облеченных правительственными, административными полномочиями» [2, с. 83], которые в своей совокупности могут быть именованы *властями*: *А оппозиции, в свою очередь, могут предложить заговор против властей: «На выживание кикиморы»* (Т.Н. Толстая «Серебром и чесноком»); *Он хорош не потому, что защищал от властей первых в истории страны оптовых торговцев валютой* (А. Рубанов «Модильяни рисует Ахматову»).

Стоит отметить, что в современных художественных произведениях действия властей оцениваются неодобрительно: *Чудовищная политика должна смениться великолепным, красочным государством – свободным и сильным* (З. Прилепин «Санькя»). В художественных текстах XXI века писатели не раз заостряют внимание на бесчестности и произволу, царящих в современной России, в которой правители избираются не путем честного и открытого голосования, а методом подтасовок и жульничества: *Тут прибавим, тут убавим, тут у нас дурдом проголосует, тут тюрьма поддержит единогласно, тут морг, да и студенты на многое еще способны* (Д.А. Глуховский «Deus ex Machina»);

Ему было очень страшно, а главное, не отпускало чувство ужасной несправедливости. Ошеломляющей несправедливости. Конкретной несправедливости. Такой несправедливости, какая случается раз в четыре года в канун президентских выборов (С. Минаев «Долгая дорога в рунете»).

И такая несправедливость, согласно произведениям современных авторов, является основой российской государственности XXI столетия: *Ну вот, теперь вся ячейка тут, – удовлетворенно проговорил Антон. – Вы обвиняетесь в... в коррупции. Во взяточничестве. В сокрытии улик и предоставлении протекции преступному бизнесу. В продажности вы обвиняетесь...* (Д. Глуховский «Благое дело»). Даже телевидение подчинено беззаконию и сокрытию истинного положения дел: *«Дедушка, – серьезно произнесла Алиса, – у меня к тебе вопрос. А почему в телевизоре все такое яркое? И почему всегда у всех все хорошо? Так разве бывает?» <...> «А это, Алисочка, потому, – рассеянно ответил Штейн, – что телевизор – это окно в другой мир. В волшебную страну Зазеркалье. Там все очень-очень похоже на то, как у нас, но все по-другому. Там люди все счастливые, и у всех все получается. И денег всем хватает»* (Д. Глуховский «From Hell»).

По мнению современных писателей, политики нисколько не пытаются задуматься над тем, как на самом деле живет их родная страна, потому что сами они находятся в волшебном Зазеркалье, изобилующем достатком и благополучием: *Уже материальное не интересовало Пчелкина. И журнал «Форбс» не включал его в свои рейтинги только по настоятельной просьбе его, происходящей от природной скромности. Уже дети его, учащиеся в Лондоне в художественном колледже, могли до конца дней своих заниматься только искусством, никогда не думая о хлебе насущном. И дети их. И дети их детей. И так до седьмого колена* (Д. Глуховский «Каждому свое»). Зачастую такое благосостояние достигалось бесчестным путем – путем взяточничества и использования служебного положения в корыстных целях: *... Но он мент. Понимаете? Они все крышуют, воруют, наводят на меня налоговую. У меня в Мурманске небольшой бизнес был – налоговую навел* (Т.Н. Толстая «Превозмогая обожанье»); *Дело увело следователя на такие высоты, где кружилась голова, а воздух был холоден и разрежен. К самым почти что небожителям увело. И как там, наверху, брали! И сколько! И за что!* (Д. Глуховский «Благое дело»). Подтверждением нашей мысли могут служить имена прилагательные с неодобрительным элементом коннотации – *глупая, жестокая, подлая, дурная, лживая, мерзкая, гадкая, нечестная, предающая, безнравственная*, которые в современной литературе используются писателями для определения российской власти: *И пока «союзники» мечтали лишь о том, чтобы сменить в стране власть, гадкую, безнравственную, лживую, Костенко пытался думать лет на двести вперед минимум* (З. Прилепин «Санька»).

Несомненно, подобное художественное восприятие повлияло на содержание лингвоментального комплекса «Россия/русский» в произведениях XXI века, в которых вербализуются такие его когнитивные признаки, как «управляемая властями, "поступающими вопреки справедливости, нарушающими справедливость"» [3, II, с. 482] и «со стремящимися к личной выгоде, наживе, чрезмерно любящими деньги властями» [3, II, с. 109].

Следующий сегмент лингвоментального комплекса «Россия/русский» – «страна» – объективирует совокупность представлений о территориальном, административном, социальном и экономическом устройстве России. В поле данного сегмента входят названия многочисленных городов: *Москва, Санкт-Петербург, Красноярск, Калининград, Рязань, Электросталь, Тверь, Хабаровск, Владивосток, Тула, Владимир, Тамбов* и мн. др.: *Я долго ехал в Электросталь. Боялся опоздать* (А.В. Рубанов «Тоже Родина»); *Во двор вбежал Леша Рогов – парень откуда-то из Сибири. С Красноярска, вроде бы* (З.

Прилепин «Санькя»). Несомненно, что среди наименований населенных пунктов центральное место занимают лексемы *Москва* и *Санкт-Петербург*, вербализующие писательское представление о политической и культурной столицах Российской Федерации: *Вот и столицы у нас – Москва и Петербург – в вечном соревновании и вечном балансе, неразрывны и неслиянны* (Т.Н. Толстая «Серебром и чесноком»). Являясь административными, экономическими и просветительскими центрами России, столицы разительно отличаются от периферии, для наименования которой в художественной картине мира XXI века используются слова *глушь*, *провинция*, *регионы*: *Скрупулезно рассчитал, где должно находиться искомое место <...>, проворочался трое суток в поезде, потом протрясся еще трое на «козле» по бездорожью, а теперь вот уже полгода торчит в сибирской глуши* (Д. Глуховский «From Hell»); *Ну вроде понятно, в крупной компании работаешь, да еще и из провинции, хочется быстрее адаптироваться в столице* (С. Минаев «Гусоопс тоже плачут»).

Необходимо сказать, что в художественных текстах XXI века довольно сложно выделить определенные константы, формирующие сегмент «страна». Как правило, в произведениях современных авторов пристальное внимание уделяется по преимуществу политическому устройству России. Тем не менее, в когнитивном содержании лингвоментального комплекса «Россия/русский» мы можем выделить константу *неразвитость* и соотносимый с ней признак «находящаяся на низком уровне развития в политическом, экономическом и т. п. отношении, отсталая» [3, II, с. 474]. Подтверждением нашей мысли могут служить произведения XXI столетия. Так, одни писатели говорят о ретроградности нашей экономики: *«В силу ряда объективных внешне- и внутривнутриполитических факторов, ну и по причине тяжелейшей ситуации в экономике страны...», – наконец отозвался он* (Д. Глуховский «На дне»). Другие указывают на бытовое бескультурье русского народа, погрузившего Россию в пучину хаоса и беспорядка: *Едешь и дивишься: отчего по эту сторону границы все так чисто и благостно, и отчего с нашей стороны с совершенно аналогичным населением: карелы, финны – такой глобальный срач?* (Т.Н. Толстая «Умм»). В связи с этим отнюдь не случайными кажутся такие характеристики нашей страны, как *дикая*, то есть «странная, нелепая» [3, I, с. 399] и *неуютная*, то есть «лишенная уюта» [3, II, с. 491], которые объективируют писательское представление о России как о стране, лишенной комфорта для проживания: *Это наша родина такая. Большая и дикая. Неуютная. Тут у нас всего навалом, но вот уюта нет, не было и не будет* (А.В. Рубанов «Тоже родина»).

По мнению современных авторов, к сложившейся ситуации причастен сам русский народ, находящийся сейчас в периоде упадка. Доказательством этому может служить сегмент «общество» лингвоментального комплекса *Россия/русский*, в рамках которого содержится информация о пристрастии русского человека к горячительным напиткам: *Думаешь, этому народу, наполовину состоящему из пенсионеров и наполовину из алкоголиков, нужна почва?* (З. Прилепин «Санькя»); *Володя Кравец со своей невестой Татьяной, ее подружкой Светкой и спутником Светки Валентином сидели на спинке скамейки и пили пиво, обсуждая планы на ближайший уикенд* (С. Минаев «Beaujolais Nouveau»). В художественных произведениях XXI века писатели стараются привлечь внимание общественности к проблеме пьянства и морально-нравственного разложения нашего социума: *Мы – трое – пили всю ночь. Так бухают за липким столом портового притона три пирата* (А.В. Рубанов «Носки»); *Они приумолкли, глядя, как во дворе, засева на ржавых качелях у песочницы, бритоголовые в трениках сосут пиво. «Что с молодежью-то делается, – сплюнул на пол Сергей Ильич. – В наше время за такое бы... Как теперь во двор выходить?»* (Д. Глуховский «На дне»). Подобная точка зрения позволяет выделить нам такую константу лингвоментального комплекса *Россия/русский*, как *пьянство*, то есть «постоянное и неумеренное потребление спиртных напитков» [3, III,

с. 571], и связанный с ней когнитивный признак «любящая выпивать, злоупотребляющая алкогольными напитками» [3, с. 570].

Причиной такого бездумного и пустого времяпрепровождения может являться низкий уровень духовного развития русского человека. Так, современные авторы неоднократно говорят о том, что современный российский социум в большинстве своем состоит из людей-потребителей, в жизни которых материальное вытеснило духовное: *Наташке на его принципы было плевать. У нее была своя шкала ценностей, по которой жрать и одеваться было важнее* (Д.А. Глуховский «Благое дело»); *Чем они занимаются? Ежедневно решают гиперсложную, сопоставимую с решением теоремы Ферма задачу, состоящую из трех неизвестных: Куда? В чем? С кем?* (С. Минаев «The Телки»). Писатели XXI века неоднократно указывают на недостаточный уровень интеллектуального развития современного русского человека: ... *если ты каждый день выполняешь определенный набор опорно-двигательных функций, легче всего сослаться на неведомую «корпоративную машину», которая перемалывает тебя, чем признаться в собственном умственном бессилии* (С. Минаев «Корпоративные самураи»). Актуализации такого восприятия российского общества способствуют словосочетания *пустые глаза, ничего не выражающие лица, одинаковая серая масса, надоевшие вибрации серого вещества: Итак, на пороге XXI века человек преодолел новую стадию в своем развитии. Вследствие развития технологий и скорости передачи информации человек разумный прекратил свое существование. Больше не требуется производить порядком надоевшие вибрации серого вещества, именуемые некоторыми особо оптимистичными членами социума мыслительным процессом* (С. Минаев «Media-sapiens»).

Конечно, подобное художественное осмысление русского социума значительно повлияло на объективацию лингвоментального комплекса *Россия/русский*. В художественной картине мир XXI века его содержание обогащается константой *бездумность* и когнитивным признаком «разучившаяся думать; не обременяющая себя умственной работой». Стоит отметить, что константы *пьянство* и *бездумность*, организующие сегмент «общество», свидетельствуют о том, что в поле зрения современных писателей оказываются по преимуществу только негативные качества, присущие российскому социуму XXI столетия. Высмеивая плохое, авторы, на наш взгляд, дают одностороннюю и предвзятую характеристику современной России. К сожалению, такая односторонность существенно влияет на формирование содержания ментального комплекса, который в связи с этим оказывается наделенным когнитивными признаками негативной направленности.

В ходе нашего исследования необходимо сказать, что современные политические и общественные реалии повлияли не только на содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский*, но и на его репрезентацию. Так, в художественных текстах XXI века в качестве экспликанта концепта *русский* зачастую выступает прилагательное *российский* в значении «относящийся к России: свойственный ей» [1, с. 1129]: *Я – молодой и перспективный российский предприниматель. Финансист. А еще – махинатор* (А. Рубанов «Сажайте, и вырастет»). Кроме того, в современных произведениях наблюдается параллельное использование наименований *русский* и *россиянин*: *А поймет ли меня кто-нибудь, если я скажу, что если бы мне пообещали, что я никогда не вернусь в Россию и не встречу ни с одним русским, то я бы, наверное, повесилась?* (Т.Н. Толстая «Русский мир»); *Потому что пока рас-се-яне тихо пьют и кладут на все с прибором, все идет своим чередом* (З. Прилепин «Санькя»). При всей, казалось бы, схожести данных слов стоит отметить, что они не представляют собой слова с идентичным лексическим значением. Так, *русский* – это этноним, называющий представителей восточнославянского народа, а *россиянин* – это политоним, именующий всех граждан Российской Федерации

вне зависимости от их национальности. Слово *россиянин*, таким образом, имеет более широкое значение, особенно актуальное для современной России – многоконфессионального государства, на территории которого проживает множество этносов с самобытной культурой и неповторимыми обычаями и традициями: «... В сложные нынешние времена нужно сплотить **наш многонациональный**, – он скользнул взглядом по носу Гольдовского, – **народ...**» (Д. Глуховский «Одна на всех»).

Таким образом, проанализировав художественные тексты XXI столетия, мы можем говорить о том, что содержание лингвоментального комплекса *Россия/русский* отражает комплексную информацию о политических, экономических, социальных процессах, организующих жизнь нашей страны в современную эпоху. Так, сегмент «государство» формирует константа *власть* с признаками «управляемая властями, поступающими вопреки справедливости, нарушающими справедливость» и «со стремящимися к личной выгоде, наживе, чрезмерно любящими деньги властями», сегмент «страна» содержит константу *неразвитость* с признаком «находящаяся на низком уровне развития в политическом, экономическом и т. п. отношении, отсталая», а сегмент «общество», в свою очередь, включает константы *пьянство* с признаком «любящая выпивать, злоупотребляющая алкогольными напитками» и *бездумность* с признаком «разучившаяся думать; не обременяющая себя умственной работой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1563 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 65 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., перераб. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс»: «Издательство «Мир и Образование», 2008. – 736 с.
3. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык. – Т. 1, 2, 3. – 1985, 1986, 1987. – 696 с., 738 с., 752 с. (МАС).

T. Yu. Kolupanova

OBJECTIVATION OF THE LINGUOMENTAL COMPLEX «RUSSIA / RUSSIAN» IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF WRITERS OF THE XXI CENTURY

The article reveals the features of the cognitive content of the linguistic complex «Russia / Russian» in the linguistic consciousness of 21st century writers. The relevance of the topic is due to the interest of modern linguistics in the problems of reflecting key concepts of Russian culture in the artistic picture of the world. In the course of the study, the specifics of the reflection of the linguistic complex «Russia / Russian» in the work of modern writers were identified and described.

Key words: *linguomental complex, cognitive attribute, constant*

Поступила в редакцию 26.02.2020 г.

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КРЫМСКИХ СТУДЕНТОВ

Данные, получаемые в рамках ассоциативного эксперимента, позволяют исследовать пласт коллективного бессознательного, а также наряду с результатами социологических экспериментов позволяют делать вывод об этнических особенностях групп испытуемых и их самоидентичности. В данной статье приводится количественный и качественный анализ реакций молодых жителей Крыма на стимулы «я», «мы», «человек» и «люди» в сопоставлении с данными российских ассоциативных словарей. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-012-00295.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативный словарь, Крым, человек, самосознание

В качестве материала используются результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в Республике Крым (данные 3072 обработанных анкет), а также данные РАС, ЕВРАС и СИБАС. Основным методом сбора материала для исследования в Крыму послужило анонимное анкетирование на русском языке жителей полуострова в возрасте от 17 до 27 лет, проживающих на данной территории в течение 10 и более лет и обучающихся на различных факультетах КФУ имени В.И. Вернадского. Цель статьи – выявление и описание особенностей самоидентификации молодых жителей Крыма.

Сопоставим количество реакций на слова «я», «мы», «человек», «люди» в прямых словарях РАС, ЕВРАС И СИБАС и в рамках ассоциативного эксперимента в Крыму (см. табл. 1).

Таблица №1

Количество реакций (прямые словари)

Слово/Словарь	РАС (П)	ЕВРАС (П)	СИБАС (П)	Региональный словарь (П)
Я	632	543	499	305
Мы	543	538	499	304
Человек	643	531	498	306
Люди	554	541	497	307

Как мы видим из таблицы 1, количество реакций на выбранные для анализа стимулы приблизительно равно, что во многом объясняется форматом проведения эксперимента и критериями отбора анкет, однако при сопоставлении данных обратных словарей (см. табл. 2) становится очевидной тенденция изменения ядра сознания [Уфимцева, 1998] в сторону повышения значимости «я» и понижения значимости «мы», которая в равной степени подтверждается результатами экспериментов, проводимых в Европейской и Сибирской части России, а также в Республике Крым.

Таблица №2

Количество реакций (обратные словари)

Слово/Словарь	РАС (О)	ЕВРАС (О)	СИБАС (О)	Региональный словарь (О)
Я	777	956	1056	710
Мы	297	145	139	65

Сопоставим процент частотных (2 или более) реакций, распределив реакции по Зонам. В зону Субъект были включены реакции, называющие одушевление предметы и группы лиц (*физики, студенты*). Зона Объект включает в себя названия неодушевленных предметов, а также названия ценностей. К зоне Действие, процесс отнесены глаголы и близкие к ним по значению отглагольные существительные; к зоне Состояние – названия состояний, связанных с окружающими реалиями (*едины*) или субъектом действия (*нужно*). Характеристика – реакции со значением образа предмета или образа действия. К зоне Локус отнесены реакции с обстоятельственным значением места, а к Прочим реакциям – устойчивые реакции, являющиеся устойчивыми выражениями, а также названия фильмов (*Люди X, Люди в черном*).

Как мы видим из таблицы 3, наибольшее количество реакций для стимула «я» представлено в зонах Субъект и Характеристика (*молодец, лучшая, лучший, красавчик, красивый, красotka и т. д.*) В Республике Крым наименьшее количество реакций (по сравнению с данными других словарей) представлено в зонах Объект и Действие.

Таблица №3

Количество реакций на стимул «Мы» по зонам

Зона/Словарь	РАС (П)	ЕВРАС (П)	СИБАС (П)	Региональный словарь (П)
Субъект	73,3 %	67,7 %	68,2 %	73,7 %
Объект	1,4 %	5,4 %	5,4 %	1 %
Действие, процесс	12,8 %	3,7 %	4,2 %	1,5 %
Состояние	1,4 %	1,6 %	3 %	4,5 %
Характеристика	11 %	20,4 %	18 %	18,2 %
Локус	-	-	0,6 %	1 %
Прочие реакции	-	1,1 %	0,6 %	-

Реакции в зоне Субъект отражают преимущественно социальную, профессиональную и гендерную самоидентификацию (*человек, личность, ты, девушка,*

студент, инженер и т. д.) Частотных реакций, отражающих национально-этническую самоидентификацию в числе частотных реакций выявлено не было.

Поскольку реакции в зоне Характеристика в прямых словарях представлены преимущественно положительные, сопоставим данные прямого и обратного словарей для Республики Крым (см. табл. 4).

Таблица №4

Характеристика «Я» (Крым)

Прямой словарь	Обратный словарь
Молодец 8; лучшая 4; добрая, лучший 3; красавчик, красивый, красотка, крутой, лапочка, обычный, сильный, супер, умная 2	Ленивый 31; эгоист 27; бездельник, лодырь 18; безответственный, неудачник 11; застенчивый, красивый, общительный, стеснительный 8; веселый, талантливый 7; злой, романтик, русский, тупой, упрямый 6; великодушный, независимый, немногословный, непредсказуемый, опасный, предприимчивый, умный 5; авторитет, гордый, инициативный, интеллигент, искренний, коварный, лучший, несчастный, прекрасный, решительный, смелый 4; агрессивный, высокомерный, главный, добрый, изобретательный, мрачный, нищий, одинокий, робкий, самобытный, свободный, спокойный, стремительный, таинственный, терпимый, чистый, экономный, энергичный 3; активный, богатый, богач, буржуазный, высокий, гладкий, жестокий, живой, интересный, культурный, лживый, мудрый, нарядный, ничтожный, открытый, пассивный, плохой, подлец, пьяный, разный, расчетливый, странный, уверенный, шумный 2

В обратном словаре встречается реакция, характеризующая национальность (*русский*), а также представлено множество негативных реакций, имеющих положительные антонимы (*тупой – умный, нищий – богатый и пр.*) Первые позиции в числе негативных реакций занимают реакции, подчеркивающие лень. Согласно отраженной в прямом и обратном словарях самоидентификации, складывается следующий усредненный портрет участника эксперимента в Крыму: человек интеллигентный (*интеллигент, буржуазный, культурный*) с высокой самооценкой (*лучшая, лучший, супер, талантливый, авторитет*), сочетающейся с ленью и неспособностью к действиям (*ленивый, бездельник, лодырь*); это человек, обладающий загадочностью и непредсказуемостью (*безответственный, непредсказуемый, самобытный, таинственный, лживый, странный*) и, как следствие, представляющий опасность для окружающих (*злой, опасный, агрессивный, подлец*). Открытость к окружающим (*общительный, великодушный, искренний, терпимый, добрый*) сочетается в нем с несмелостью и нерезультативностью в общении и поступках (*неудачник, застенчивый, стеснительный, немногословный, одинокий*).

Посмотрим на процентное распределение реакций по зонам для стимула «мы» (табл. 5). Мы видим существенное различие в процентном соотношении реакций в РАС и более поздних словарях (ЕВРАС, СИБАС, Региональный словарь). Если сопоставлять современные ассоциативные словари, то в Крыму наблюдается больший процент реакций в зонах Ценность (*сила, любовь, мир*) и Действие, процесс (*любим*).

Таблица №5

Количество реакций на стимул «Мы» по зонам

Зона/Словарь	РАС (П)	ЕВРАС (П)	СИБАС (П)	Региональный словарь (П)
Субъект	52 %	56 %	56,7 %	57,8 %
Объект Ценность	1,8 1,3%	4,9% 2,9%	4,9% 4,4%	8,1% 7,1%
Действие, процесс	10,8 %	0,9 %	0,5 %	1,4 %
Состояние	21,8 %	25,2 %	30,1 %	28 %
Характеристи ка	12,3 %	11,7 %	7,3 %	4,7 %
Локус	-	1,3 %	0,5 %	-
Прочие реакции	1,3 %	-	-	-

В материале, отраженном в РАС (период проведения исследований 1988-1997) отражено стремление людей в конце советского и начале постсоветского периода по инерции самоидентифицировать себя с социальными, политическими и религиозными группами, одобряемыми в советский период: *атеисты, коммунисты, комсомольцы, пионеры, советские, советские люди*. Также интересны противоречащие друг другу реакции *не рабы* (9) и *рабы* (3). В более поздний период у россиян происходит идентификация с жизнью в новых политических реалиях: *нация, Россия, россияне, страна* (ЕВРАС), *русские, страна* (СИБАС). Можно предположить, что жители Крыма пока только переживают кризис политической самоидентификации. Так, все проанализированные в прямом словаре частотные реакции являются нейтральными либо положительными, однако политическая принадлежность в них не отражена: *едины, сила 10; счастливы, мир, единство 2*. В обратном словаре мы также не находим отраженной связи «мы» с национальной принадлежностью. Еще можно предположить, что для жителей Крыма ценность семьи имеет более высокий статус, см. табл. 6.

Таблица №6

Самые частотные реакции на стимул «Мы»

Слово/Словарь	РАС	ЕВРАС	СИБАС	Крым
	Вместе 77; люди 41; вы 29; они 21	Вместе 96; люди 67; друзья 42; все 25	Вместе 101; люди 44; друзья 36; все 30	Вместе 45; люди 36; семья 27; друзья 18; все 12

Рассмотрим реакции на стимул «Человек». Процентное соотношение реакций по зонам примерно соответствует тенденции, отраженной в ЕВРАС и СИБАС (см. табл. 7). По сравнению с данными РАС, увеличивается процент реакций в зоне Субъект (существо, обезьяна, животное) и уменьшается в зоне Характеристика (хороший, добрый, умный). В зоне Состояние в крымском словаре представлена частотная реакция «может», не являющаяся частотной в других анализируемых словарях.

Таблица №7

Количество реакций на стимул «Человек» по зонам

Зона/Словарь	РАС (П)	ЕВРАС (П)	СИБАС (П)	Региональный словарь (П)
Субъект	21,7 %	41 %	43,1 %	40,6 %
Объект	13,4 %	8,2 %	13,4 %	15 %
Действие, процесс	0,5 %	-	0,6 %	-
Состояние	0,5 %	-	-	1,3 %
Характеристика	39,6 %	21,5 %	21,6 %	20,6 %
Локус	1,9 %	-	-	-
Прочие реакции	22,4 %	29,2 %	21,3 %	22,5 %

Реакции на стимул «человек» можно разделить также на реакции, отражающие естественнонаучный подход (*разумный, homo sapiens, молекула, обезьяна, организм, руки*), социальный аспект (*личность, индивид, индивидуум, общество, друг*), психологический аспект (*умный, добрый, хороший*), гендерный аспект (*женщина, мужчина*), а также прочие реакции. К числу прочих можно отнести прецедентные реакции, по большей части представленные названиями фильмов и телепередач.

Сопоставим реакции на стимул «люди». В Крымском словаре мы отмечаем незначительно больший процент реакций в зоне Субъект и незначительно меньший в зоне Объект (см. табл. 8). Также стоит отметить частотную реакцию *единство*, отсутствующую в других словарях.

Таблица №8

Количество реакций на стимул «Люди» по зонам

Зона/Словарь	РАС (П)	ЕВРАС (П)	СИБАС (П)	Региональный словарь (П)
Субъект	40,5 %	48,5 %	51,8 %	52,8 %

Объект	21,4 %	22,6 %	14,6 %	12,4 %
Действие, процесс	7 %	2,8 %	3,6 %	2,8 %
Состояние	-	-	-	2,2 %
Характеристика	24,9 %	20,6 %	24,1 %	24,2 %
Локус	6,2 %	1,8 %	3,1 %	2,8 %
Прочие реакции	-	3,6 %	2,8 %	3,4 %

Если сопоставить реакции в зоне Характеристика, можно отметить наиболее яркие негативные реакции в Республике Крым (см. табл. 9), однако самой частотной реакцией на стимул «люди» для крымского эксперимента является слово *общество* (для сравнения: в ЕВРАС И РАС самая частотная реакция – *толпа*), что позволяет предположить более нейтральное отношение к обществу в целом и более негативное – к отдельным людям. Изучение данного вопроса может стать предметом дальнейших исследований.

Таблица №9

Негативные реакции на стимул «Человек»

Слово/Словарь	РАС (П)	ЕВРАС (П)	СИБАС (П)	Региональный словарь (П)
	Неверные 9; смертный 2	Толпа 66; злые 20, нелюди, стадо 6; жестокие, зло, плохо, свиньи 2	Толпа 67; злые, нелюди, стадо 4; тупые 3; бедные, бесят, глупые 2	Толпа 25; злые 10; твари, изверги, мрази, нелюди, ненависть, эгоизм, зло 2

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Т. I. От стимула к реакции: М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с. Т. II. От реакции к стимулу: М.: АСТ-Астрель, 2002. 992 с.
2. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. Сб. науч. тр. // Отв. ред. Н.В.Уфимцева. М.: 1998. - 135-171 с.
3. Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. ЕВРАС: Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. Т. II. От реакции к стимулу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iling-ran.ru/main/publications/evras>
4. Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. / Т. I. От стимула к реакции / Отв. ред.

Уфимцева Н.В. – М.: Московский институт лингвистики, 2014. 537 с., Т. II. От реакции к стимулу / Отв. ред. Уфимцева Н.В. – М.: Московский институт лингвистики, 2015. – 763 с.

A.G. Polyanskaya

HUMAN IMAGE IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF CRIMEAN STUDENTS

The data obtained in the framework of associative experiments allow us to study the plastic communities of the unconscious, and also allow us to conduct sociological experiments that allow us to draw a conclusion about the ethnic characteristics of the groups of subjects and their identity. This article presents quantitative and qualitative data on the analysis of young Crimean residents on the themes of "I", "we", "person" and "people" in comparison with the data of Russian associative words. This work was supported by the RFBR grant 19-012-00295.

Keywords: *linguistic consciousness, associative dictionary, Crimea, human, self-consciousness*

Поступила в редакцию 12.02.2020 г.

УДК 372.881

К.Т. Верстакова

ОГБОУ «Центр образования "Дистанционные технологии"»

ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В статье анализируется значение дистанционного обучения русскому языку в современных условиях. Рассматривается опыт работы, проводимой в ОГБОУ «Центр образования «Дистанционные технологии» г. Рязани. Приводятся примеры отбора интерактивных упражнений.

Ключевые слова: русский язык, дистанционное обучение, индивидуальный подход.

Возросший интерес к дистанционному образованию в последнее десятилетие ознаменован стремлением общества к информатизации образования, поскольку расширение применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий является системообразующим направлением информатизации образования [4, с. 14].

Согласно ст. 16 ФЗ от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020), «под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [5].

Дистанционные образовательные технологии привлекали внимание таких современных исследователей, как Т.В. Авдоница, Г.Л. Казимирский, Е.А. Королева, Т.И. Козлова, А.Ф. Завадский и другие.

Т.В. Авдоница, Г.Л. Казимирский и Е.А. Королева акцентируют внимание на том, что «доступность компьютеров и Интернета в XXI веке поспособствовали распространению такого перспективного интерактивного учебного взаимодействия посредством информационно-коммуникационных сетей, как дистанционное обучение» [1, с. 9]. Как замечает А.Ф. Завадский, использование дистанционных образовательных технологий позволяет проводить уроки в более интересной форме, усиливая мотивацию учащихся и повышая качество изложения нового материала, при этом расширяя знания учащегося в области информационных технологий [2, с. 95]. Но как справедливо отмечает Т.И.

Козлова, главное при использовании на уроках дистанционных образовательных технологий – не забывать, что информатизация – «это не цель, а средство улучшения качества образования» [3, с. 104].

Рассмотрим значение дистанционного обучения русскому языку на конкретном примере.

В ОГБОУ «Центр образования "Дистанционные технологии"» преподавание всех общеобразовательных предметов ведется дистанционно, то есть взаимодействие между учителем и учеником проходит на расстоянии. Для возможности такого взаимодействия ученики и учителя получают в безвозмездное пользование программно-технические комплексы, в которые входит компьютер (для учеников) и ноутбук (для учителей), микрофон, наушники, акустические колонки, сканер, принтер, фотоаппарат (для учеников) и CD-диски с мультимедийным приложением к учебникам по некоторым предметам. Также ученики и учителя получают возможность пользования безлимитным Интернетом для осуществления образовательного процесса. Занятия проводятся с помощью приложения «Скайп», установленного на компьютерах учеников и ноутбуках преподавателей. Таким образом, дистанционное обучение дает возможность ученикам получать знания, умения и навыки, находясь даже в разных с учителем городах.

Ценность дистанционного образования выявляется в том, что оно осуществляет реализацию индивидуального подхода к обучению, так как для каждого ученика создается индивидуальный учебный план и расписание, учащийся даже может выбрать, в какой половине дня он будет заниматься. Более того, если учащийся в середине учебного года отправился на лечение в больницу или санаторий, обучение для него может продлиться до середины июня.

Работа на уроке русского языка не может обойтись без таких классических средств обучения, как учебник и тетрадь. Но работу в обычной рабочей тетради можно чередовать с работой в электронной тетради.

В электронной тетради, кроме основных фактов новой темы, может быть ссылка на аудио- и видеоматериал. Этот материал на уроках русского языка, при соблюдении ряда методических правил, может стать верным помощником учителя словесности. Поэтому для привлечения интереса школьников может быть использовано видео с образовательных порталов, например, портала «Инфоурок.ру». Так при изучении темы «Наречие как часть речи» может быть использован мини-фильм «Без наречий» (см. рис. 1), в котором рассказывается о том, что могло бы произойти в мире, если бы наречия вдруг исчезли.

Рисунок 1. Фильм «Без наречий» с портала «Инфоурок.ру»

Также в электронной тетради может быть ссылка на мультимедийные интерактивные упражнения.

Так, при изучении темы «Чередующиеся гласные в корне» нами было предложено задание на определение пропущенной гласной (см. рис. 2).

Найди слово

А	Л	Л	Е	Г	О	Р	И	Я	Ш	Б	В	И	Ц	М	О	Ф
Э	Н	Ф	Ш	Э	Б	А	С	С	Е	Й	Н	Х	Я	Й	Э	Т
С	О	П	М	Й	Г	П	К	Н	Я	Ф	В	Ч	Ш	М	Я	Ч
К	Г	Б	Е	Л												
В	Й	К	Ж	Е												
Г	Ю	Р	Ъ	З												
Г	Ь	Щ	Ц	Е												
Н	О	Л	Х	Ё	У	В	В	П	М	Л	З	М	П	Ь	Ц	Л
Ю	В	Ц	К	Щ	Г	Х	О	З	Ц	А	С	П	М	Р	Й	Р
К	Ф	П	Ъ	С	З	Е	Х	Е	Т	Д	Х	И	Щ	В	Ш	Я
Ю	К	Ф	Й	Ч	К	М	К	Н	Д	А	Т	Л	Щ	У	Ю	И

1. ИСКУССТВО
2. ТРОЛЛЕЙБУС
3. БАЛЛАДА
4. АЛЛЕГОРИЯ
5. БАССЕЙН
6. АССАМБЛЕЯ
7. БЕЛОРУССИЯ

Рисунок 2. Упражнение «Найди слово»

При изучении темы «Правописание изменяемых и неизменяемых приставок» было предложено упражнение на распределение слов по типу приставок (см. рис. 3).

Неизменяемые приставки	Изменяемые приставки		
измерить	вознести	сбить	размножить
воспарить	забрать	раскрыть	околдовать
подловить	отдать	исчертить	положить

Рисунок 3. Упражнение «Распредели слова по типу приставок»

При изучении темы «Гласные *и* и *ы* после приставок» было предложено задание на нахождение правильного варианта ответа.

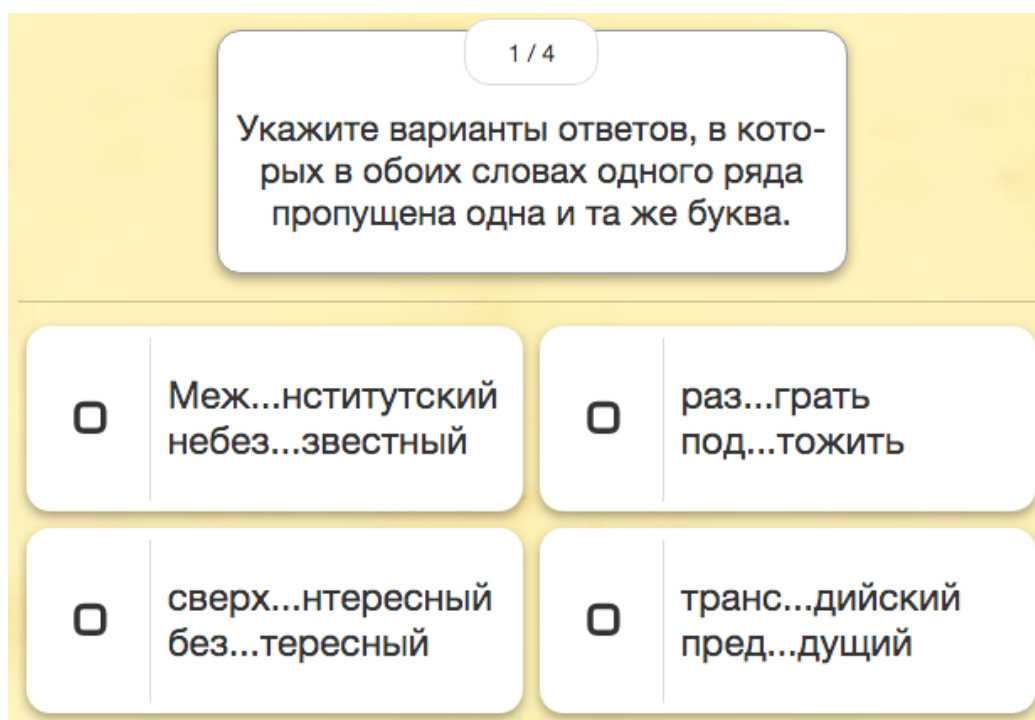

Рисунок 4. Упражнение «Найди правильный вариант ответа»

При изучении темы «Употребление *Ъ* и *Ь*» было предложено задание на узнавание роли мягкого знака в словах (см. рис. 5).

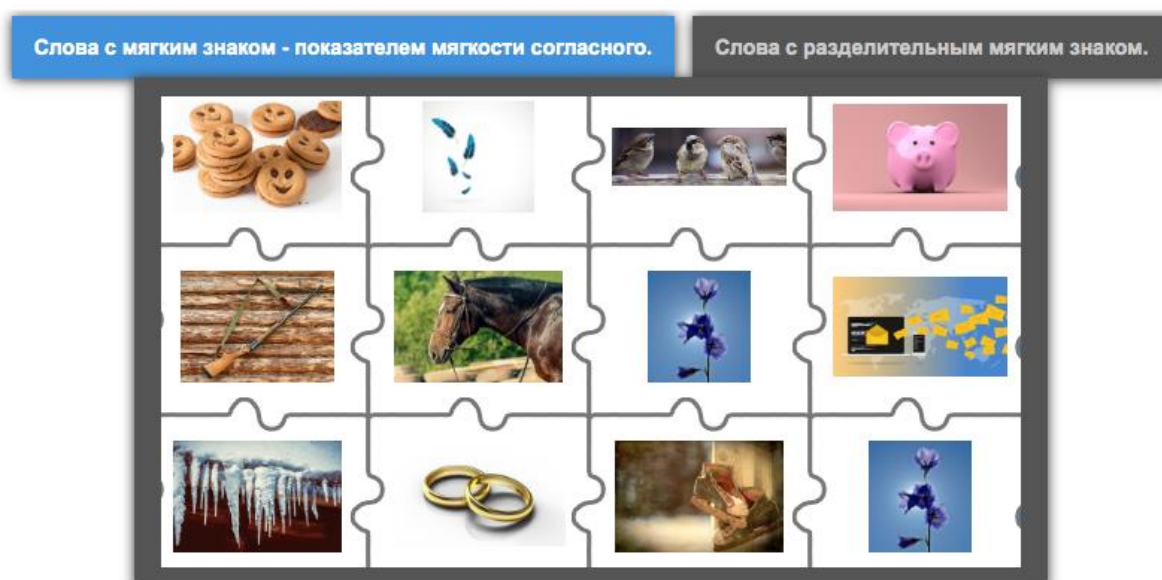

Рисунок 5. Упражнение «Определи роль мягкого знака в словах»

При изучении темы «Проверяемые и непроверяемые гласные в корне» было предложено задание на определение пропущенной гласной в словах (см. рис. 6).

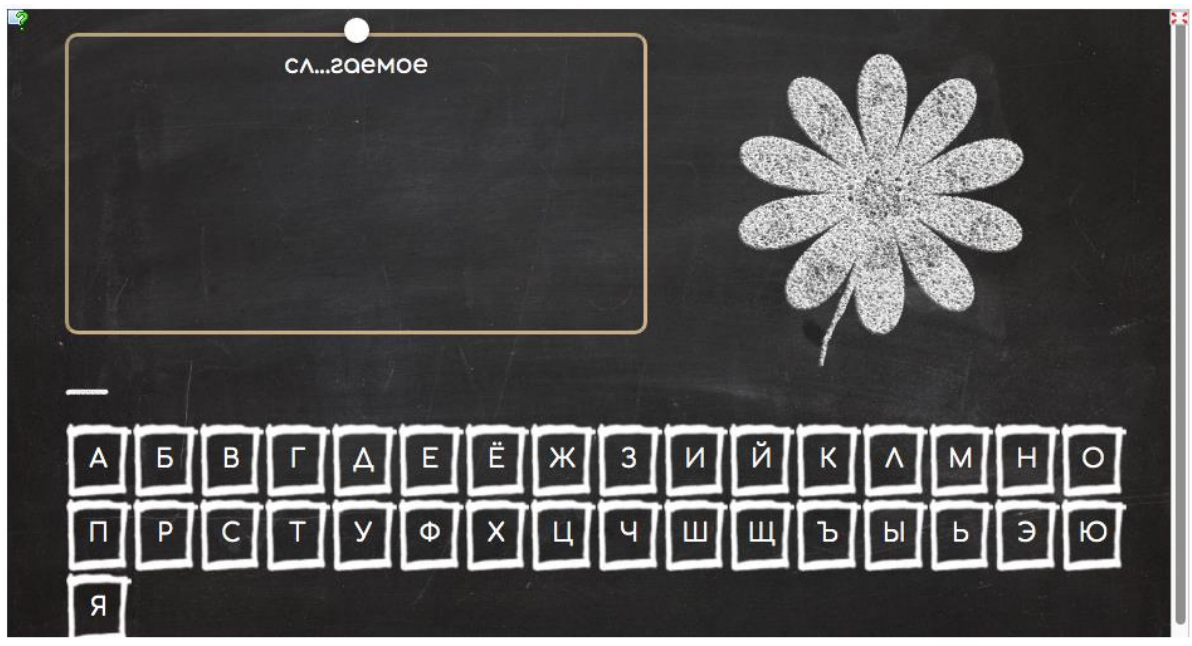

Рисунок 6. Упражнение «Определи пропущенную гласную в словах»

При изучении темы «Категория состояния как часть речи» было предложено задание на различение предложений с наречиями и со словами категории состояния (см. рис. 7).

Наречие и слова категории состояния

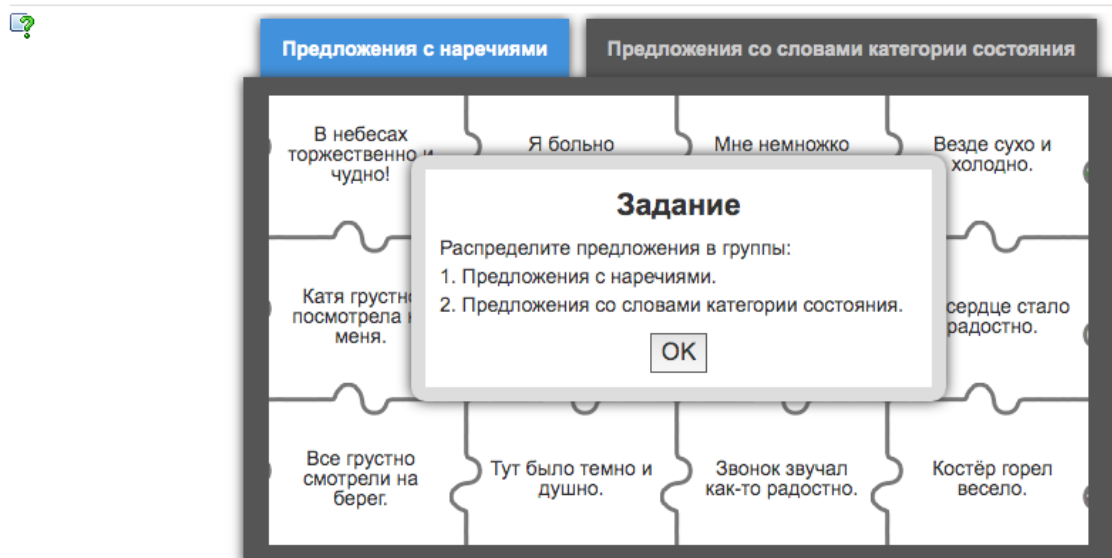

Рисунок 7. Упражнение «Наречие и слова категории состояния»

Таким образом, дистанционные технологии помогают учащимся работать с нужной и проверенной информацией в удобном режиме и в удобное время, родителям осуществлять контроль и оказывать помощь детям, учителям сделать образовательный процесс более эффективным и привлекательным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдониная, Т.В., Казимирский Г.Л. и др. Вебинар по русскому языку: обучение с помощью дистанционных технологий / Т.В. Авдониная, Г.Л. Казимировский, Е.А. Королева // Цифровая трансформация образования. – 2018. – С. 9-15.
2. Завадский А.Ф. Роль мультимедиа в развитии творческого потенциала одаренных детей и повышения качества образования / А.Ф. Завадский // Цифровая трансформация образования. – 2018. – С. 94-97.
3. Козлова Т.А. Использование информационно-коммуникативных технологий при работе с высокомотивированными учащимися на уроках русского языка и литературы / Т.А. Козлова // Цифровая трансформация образования. – 2018. – С. 103-105.
4. Решение Комитета по образованию и науки от 20.02.2018 г., Протокол №40-5 «Развитие информатизации системы образования. Совершенствование законодательства в области электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» // Вестник образования России. – 2018. – № 4. – С. 14-22.
5. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // СЗ РФ. – 2012. – № 273, ст. 16. Режим доступа: <https://fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz/st-16.php>

К.Т. Verstakova

DISTANCE LEARNING TECHNOLOGIES FOR RUSSIAN LANGUAGE TECHING

The article examines the importance of distance learning the Russian language in modern conditions. The experience of work carried out in the regional state educational institution "Center for Education" Remote Technologies "in Ryazan is considered. Examples of selection of interactive exercises are given.

Key words: *the Russian language, distance learning, individual approach.*

Поступила в редакцию 17.02.2020 г.

УДК 811.161.1'28

С.В. Воронова

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЗДНЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА ШКУНОВКА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)

Сбор диалектного материала на территории села Шкуновка Оренбургской области показал наличие ярких явлений, характерных для территорий позднего заселения, которые представлены отдельными диалектными явлениями на уровнях языковой системы. Выявленные особенности позволяют в определенной степени охарактеризовать исходную систему и показать специфику её различий.

Ключевые слова: *говоры территорий позднего заселения, языковая ситуация, фонетика, лексика.*

Моё родное село Шкуновка (Оренбургская область) расположено в живописном месте: через село протекает река Малая Хобда, в шаговой доступности находится деревенский пруд. Живописна у нас не только природа, но и цветиста речь местных жителей. Иногда, слушая разговор коренных жителей, приходишь в изумление от ярких, неповторимых изречений и слов.

Оренбургская область является одним из крупных регионов Российской Федерации (124 тыс. кв. км.) и расположена на стыке Европы и Азии. Территория будущей Оренбургской губернии на протяжении нескольких тысячелетий характеризовалась полиэтничным составом под влиянием природных и социально-политических факторов и в связи с высокой степенью миграционных процессов. Оренбургская губерния, а на её основе и Оренбургская область формировались как многонациональный поликонфессиональный край, где по-прежнему сильны миграционные тенденции – сельское население за предыдущий век значительно изменилось не только количественно (по сравнению с 1926 г. более чем в 2 раза), но и качественно – за счёт вымывания русскоязычного населения [4]. Как считает Е.Н. Бекасова «Всё это, безусловно, отражается на изменении языковой ситуации и бытовании русских территориальных говоров Оренбуржья, которые, относятся к говорам территорий позднего заселения, и в большей степени, чем материнские говоры, зависят от системно-структурных и социолингвистических факторов. Всё это способствует активным процессам интерференции, причём в каждом случае система говора формируется по-особому» [1, с. 190].

Ученый-языковед В.И. Чернышёв писал: «Словарные запасы деревни богаче запасов города... Когда мы захотим расширить своё историческое филологическое образование, то здесь знание народного языка окажет нам неоценимые услуги... крестьяне сотни лет хранят те слова, которые... образованные люди, успели уже забыть, несмотря на то, что у нас есть хранящие язык книги. Народ говорит по старой памяти, как по грамоте, а иногда и лучше грамоты» (цитируется по: [6, с. 94]).

В выделение диалектных ареалов и основных типов переселенческих говоров есть сложность, она связана с их динамичностью, существованием переходных форм и изменением во времени. По мнению Е.Н. Бекасовой, «быстро меняющаяся языковая ситуация в целом была свойственна молодой Оренбургской губернии, где формирование новых систем говоров на базе неоднородных русских говоров с примесью украинских и белорусских элементов, с одной стороны, стимулировалось оторванностью от материнских диалектов и отсутствием монолитной, достаточно обширной территории их распространения, а с другой – осложнялось не прекращающимися и в XIX в. интенсивными миграционными процессами и полукочевым образом жизни казачества» [1, с. 193].

Впервые этноязыковую ситуацию в Оренбургском крае описал В.И. Даль в своей статье «О наречиях русского языка»: «...Оренбургская губерния, заселенная искони инородцами, большей частью кочевыми, наполнилась русскими двадцати губерний в течение последних 100 лет; поэтому общего наречия в губернии нет... но у старожилов образовались уже некоторые особенности, т.е. такие характерные и устойчивые для их говора диалектные черты, которые позволяют уже отличить их говор от говора жителей других мест и объединить их говор с более близкими говорами», «...в Оренбургской губернии взял верх владимирский (северный) говор, т.е. говор, сходный с говором жителей губерний: Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Симбирской и отчасти Вятской и Пермской» [3, с. 66].

Об особенностях формирования вторичных русских говоров и основных направлениях складывания тех или иных систем говоров в определённых территориальных зонах пишет известный оренбургский краевед и диалектолог Б.А.

Моисеев. С одной стороны, в Оренбуржье сохранялись говоры первых переселенцев неполным оканьем северно-великорусских говоров Владимирско-Поволжской группы, с другой – по р. Илек имеются остатки говоров с полным оканьем казаков упразднённой в 1810–1812 гг. Красноуфимской станицы Пермской губернии (сейчас Свердловской области), где представлено было севернорусское наречие (Вологодско-Кировская группа), а южные и юго-западные районы Оренбургской области (Первомайский, Ташлинский, Илекский) характеризуются некоторыми особенностями говоров уральских (яицких) казаков. С 30-х годов XVIII в. началось массовое переселение из центральных и южных губерний России, а также с Украины и из Белоруссии, с территорий донских и уральских казаков, поэтому «в одном поселении могли оказаться акающие и окающие говоры», а «результаты взаимодействия между говорами и языками были разнообразными и очень интересными» [5, с. 12].

В настоящее время условия жизни людей в городе и в деревне сближаются, практически в каждом сельском доме появляется телевидение и Интернет. Это одна из причин становления литературного русского языка как основного средства общения жителей не только мегаполисов, но и «глухих» деревень. Под воздействием литературного языка уходят из речи местные говоры, которые некогда обогащали русский литературный язык, были ручейками и родниками, по образному выражению писателя В. Крупина, «питали полноводную реку общерусского языка». К сожалению, постепенно диалекты уходят из языка вместе с их носителями, а ведь диалекты – это часть исторической культуры села, области, России в целом. На наш взгляд, культуру родного края должен знать каждый. Вот почему так важно вовремя записать язык родной деревни.

Всем нам кажется, что мы говорим на одном и том же русском языке, но иногда мы можем не понять друг друга, словно являемся жителями разных планет. Например, не все поймут, где лежит коробка со старыми журналами и книгами, если услышат, что она находится на *подловке*. Всё дело в том, что большое количество слов живёт только в определённых регионах, на ограниченных территориях. В нашем селе слово *подловка* обозначает чердачное помещение.

В ходе опроса жителей села был собран языковой материал, полученный от информантов старшего поколения, который позволяет понять, чем обусловлено разнообразие языка на территории позднего заселения в селе Шкуновка. В селе Шкуновка Акбулакского района, по данным сельского совета, проживает 740 человек, но при этом население очень многонационально. Информанты придерживаются разных точек зрения по поводу происхождения названия села. С одной стороны, возможно мемориальное название по фамилии Шкунова (вероятно, садчика или первопоселенца), которая была распространена в нашем селе. С другой стороны, население «сбродное», как отмечал ещё В.И. Даль, описывая оренбургские наречия, именно это не даёт возможности достоверно определить название села. Большинство опрошенных склоняются к первой версии. В Шкуновку также переселились жители близлежащих деревень: Андреевки, Свечковки, Петроградки. Переселенцы привезли особенности своей речи. Постепенно стирались границы между говорами бывших жителей этих деревень. В связи с этим теперь трудно судить, является ли конкретное слово исконным для шкуновцев или оно заимствовано из речи переселенцев.

Опрос жителей села показал, что в речи жителей села старшего поколения ещё сохраняются следы сложившегося говора села, тогда как в среде школьников и жителей села молодого и среднего возраста они встречаются очень редко. Однако, это радует, потому что говорит о культурном уровне сельчан, но связь с нашими предками уходит и может исчезнуть безвозвратно.

Выявленные местные языковые особенности русского языка имеют различный характер. Среди них есть такие, которые проявляются в звуковом оформлении слов.

Например: *ходют, яво, у ней, маненько*. Немало и таких, которые связаны с грамматикой – с изменением слов в речи, с построением словосочетаний и предложений, то есть имеют морфологический или синтаксический характер.

Необходимо рассмотреть особенности употребления диалектных слов на разных лингвистических уровнях.

В частности, среди населения характерным фонетическим явлением следует признать произношение звука [и] в словах *есть* (в значении кушать): *исть, поисть*, а также в словах *ризетка, тиливизор, ребята*.

Есть случаи переноса ударений. Например: слово *холоднО* последний слог произносится с ударением, *прИдут, шОфер* первый слог произносится с ударением, ударение на втором слоге – *кашИца, далЁко*.

Необходимо обратить особое внимание на изменения иностранных слов, свидетельствующее об их фонетической ассимиляции. Можно услышать *калитор* вместо коридор, *сипалировать* вместо сепарировать, *паликмахер* вместо парикмахер (межслоговая аналогия). Повсеместно отмечается произношение *шшинацать* вместо шестнадцать, *сахер*, а не сахар.

Изменение [к] в глухое фрикативное [х] перед сонорным плавным согласным характерно для говора местности села Шкунова, например, *клев* вместо *хлев* (сарай).

Повсеместно распространены такие морфологические особенности говора как утрата категории среднего рода, например: *купил платью, красивая платья, возьми одеялку, слушала радиву*. Как правило, существительные среднего рода переходят в женский род. Отражаются колебания родовой принадлежности слова *путь*, например, *железнодорожные пуня*.

Существительные на *-мя* утрачивают суффикс *-ен-* и склоняются по продуктивному типу склонения. Например, *скока время*.

Отличается особая форма сравнительной степени: *поглубше* вместо *глубее*, *пошибше* вместо *погромче* (появляется суффикс *-ше-*).

Одной из ярких черт говора жителей села являются особые притяжательные местоимения, соотносимые с 3 лицом, в которых произошла трансформация из застывшего родительного падежа в «полноценные формы». Например: *евоиный* (его), *еёшня* (её), *ихняя, их* (их), *с нём* (с ним). Такие формы употребляют даже школьники. Наблюдается иная, чем в литературном языке, грамматическая принадлежность местоимений: в *энтот раз* (в этот раз), *у мне* (у меня). Данные формы Б.А. Моисеев отмечает как наиболее распространённые среди оренбургских говоров с севернорусской основой [5, с. 9].

Среди морфологических особенностей местного говора яркой чертой являются стяженной формы глаголов типа *кто знат* (кто знает), *что делат* (что делает), *балет* (болеет). В совокупности с некоторыми отмеченными следами былой системы говора села, следует высказать предположение, что первопоселенцами были выходцы с территорий севернорусского наречия [5, с. 12].

В речи жителей села Шкуновка также используются диалектные слова, отсутствующие в литературном языке. Слова *ремок* – старая рваная одежда, *подловка* – чердак, помещение между крышей и потолком, *шабол* обозначает слово пожитки или одежда, *омшаник* – помещение для зимовки пчёл, *тенёта* – паутина, *шабер* – сосед, *скапка* – капелька, *бендежка* – подсобное помещение представляют собственную диалектную лексику. Другие лексические единицы следует отнести к просторечной лексике, не имеющей, как правило, территориальной ограничений, но и не входящий в систему литературного языка. Например: *брюзлый* – полный человек, *поддержайка* – короткая куртка, *одёвка* и *обувка* вместо одежда и обувь, *пальто для поносу* вместо пальто

на выход (выходное или праздничное), *ажно* – частицу даже, *ужо* вместо скоро, *убёгла* вместо убежала, *животина* – живот, *опамятовалась* – вспомнила, *скучалась* – скучала.

Ряд лексических единиц, существующих в литературном языке, употребляется всеми жителями села Шкуновка, но при этом изменяется значение слов. Например, слова *хозяин* и *сам* означают главу семейства, мужа. Слово *сени* обозначает коридор, а *передня* – большая комната или зал.

Особую группу составляют слова, пришедшие в наш язык из тюркских языков: *башлык* – капюшон, *якшаться* – дружить.

В целом нами было записано 85 словарных единиц, которые требуют своего осмысления, в том числе в плане сопоставительного изучения, которое в определённой степени позволит более доказательно предположить происхождение исконного говора села. Накопленный материал, как пишет Е.Н. Бекасова, «даст основание проследить судьбу вторичных говоров в зависимости от целого ряда экстралингвистических факторов и той уникально изменчивой языковой ситуации, которая характеризует Оренбуржье на протяжении более двух с половиной веков» [2, с. 101].

«Язык – это брод через реку времени, он ведёт нас к жилищу ушедших, но туда не сможет прийти тот, кто боится глубокой воды» – эпитафия В.М. Иллич-Свитыча. Конечно же, можно только радоваться тому обстоятельству, что растёт культура населения, распространяется влияние литературного языка через школьное обучение и средства массовой информации. Но нельзя забывать, что всё это способствует исчезновению диалектов из активного словаря сельчан. Многие могут задать такой вопрос: для чего же сохранять то, что не входит в литературный язык? В ответ на этот вопрос хочется сказать, что в говорах отражены вековые традиции ведения хозяйства, особенности семейного уклада, старинные обряды, обычаи наших предков. Современная народная речь для будущих поколений будет тем же, чем для нас сейчас являются памятники прошлого. Есть опасность того, что если её не зафиксировать, она бесследно исчезнет для науки, для будущих поколений. Нельзя забывать, что мы сейчас с каждым годом утрачиваем, в недалеком будущем может стать частью истории нашего народа, его духовной и материальной культуры

По мнению Е.Н. Бекасовой, «это свидетельствует о том, что вторичные говоры, в каком бы они состоянии ни находились, заслуживают пристального внимания как в плане фиксации ещё сохранившихся следов былых систем говоров, так и в аспекте лингвокреативного осмысления лексико-семантического богатства русского языка, позволяющего не только закрыть лакуны každодневногo бытия человека, но и раскрыть механизмы процесс номинации» [2, с. 106].

Переселение народа из одной местности в другую наложило отпечаток на его язык и находит отражение в особенностях речи селян. Об этом свидетельствует то, что информанты иногда противоречили друг другу при пояснении того или иного слова.

Таким образом, нынешнему поколению нужно как можно бережнее относиться к наследию наших предков. Потерять диалектные слова – значит потерять для истории нашего народа, для истории его духовной культуры значительную часть того, что составляло содержание жизни наших предшественников в течение многих столетий. Вот почему наш долг, наша святая обязанность – сохранить неопределимые сокровища живой народной речи.

Мы не призываем говорить на диалекте, мы призываем бережно относиться к языку наших предков, сохраняя память об их языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасова Е.Н. Об особенностях формирования и бытования русских говоров Оренбуржья лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы

VII Международной науч. конф. (Чита, ЗабГУ, 5–6 декабря 2014 г.) / сост. Г.Д. Ахматова, Ю.В. Звездина; забайкальский гос. Ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2014 – 190–193 с.

2. Бекасова, Е.Н. Основные направления лингвистических исследований Оренбургского края / Е.Н. Бекасова // Вестник ОГПУ, 2015. – № 3. – С. 98–107.

3. Даль В.И. О наречиях русского языка: В 4 т. – Т. 1. // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. М.: Русский язык, 2004. – 274 с.

4. Зобов Ю.С. История формирования русского населения Оренбуржья // Мы – оренбуржцы. Историко-этнографические очерки / под ред. В.В. Амелина. – Оренбург: ОАО ИПК «Южный Урал», 2007 – 288 с.

5. Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь / Б.А. Моисеев. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010 – 192 с.

6. Черных П.Я. Сибирские говоры / П.Я. Черных. – Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1973. – 95 с.

S. V. Voronova

PECULIARITIES OF DIALECT SYSTEM ON SITE LATE CHECK-IN (ON THE MATERIAL OF THE SPEECH OF THE INHABITANTS OF THE VILLAGE SHKUNOVA ORENBURG REGION)

The collection of dialect material in the village of Shkunovka Orenburg region revealed the presence of striking phenomena typical for territories of late arrival, which are presented in separate dialectal phenomena at the levels of the language system. The identified features allow us to characterize the original system to a certain extent and show the specifics of its differences.

Key words: *dialects of the territories of the late arrival, the language situation, phonology, vocabulary.*

Поступила в редакцию 24.02.2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Лексикология и стилистика

Брайловская Ю.П. (ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Владимира Даля») Гидронимы Луганска (общая характеристика)	4
Бычкова Е.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Гендерные стереотипы в пословицах и поговорках русского языка	9
Клименко Е.А. (ГОУ ВПО «Донецкой национальный университет») Синтаксические и словообразовательные особенности смс-сообщений (на примере текстов смс-сообщений студентов)	15
Климова А.С. (Волгоградский социально-педагогический колледж) Фигуры диалогизма в политических выступлениях В.В. Путина	21
Марченко А.С. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Языковой портрет Донецка в региональной поэзии	26
Рамазанова Ю.А. (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского») Семантическая группа «свой – чужой» на страницах липецкой региональной прессы как явление лингвистической относительности	32
Шаповал А.А. (Муниципальное общеобразовательное учреждение «Основная школа №36 г. Макеевки») Семантические трансформации в сфере заимствований	38
Жуков А.Е. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Неофициальные и официальные наименования культовых объектов как компонент урбанонимного пространства города	43
Юрьева Е.В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет») Анализ наиболее эффективных средств воздействия на адресата афиши	49
Величко А.Р. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») О некоторых словообразовательных приёмах языковой игры в СМИ	58
Ярмак А.П. (ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина») Полифункциональный характер имен числительных в рекламных текстах	64
Зайцева А.В. (ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко») Понятие метадискурса в современной теории коммуникации	70
Капиносова М.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Морфологические и синтаксические ошибки в речи жителей города	75

Донецка

- Карпенко А.В.** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») 80
Базовые принципы трактовки фрейма «игра» в художественном тексте
- Дискурсология и генристика**
- Авдеева Н.Д.** (ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина») 87
К вопросу об изучении фразеологизмов в школе
- Балановская Я.А.** (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского») 92
Тема диалога культур в экранизации повести Л.Н.Толстого «Отец Сергей» (на примере фильма братьев Тавиани «И свет во тьме светит»)
- Богословская Н.А.** (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского») 98
Прецедентные тексты региональной направленности как один из ключевых компонентов лингворегиоалистики
- Чоботова В.О.** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») 104
Онимизация апеллятива как способ образования поэтонимов мультипликационных произведений
- Иванищева А.В.** (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского») 110
Липецкий край в прецедентных текстах региональной направленности
- Калинин С.С.** (ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет») 115
Векторы эволюции контактных идиомов различного типа с русскоязычной основой
- Колупанова Т.Ю.** (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского») 120
Объективация лингвоментального комплекса «Россия/русский» в языковом сознании писателей XXI века
- Полянская А.Г.** (ИЯз РАН м.н.с. Сектора этнопсихолингвистики) 126
Образ человека в языковом сознании крымских студентов
- Верстакова К.Т.** (ОГБУ «Центр образования "Дистанционные технологии"») 132
Дистанционные технологии при обучении русскому языку
- Воронова С.В.** (ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет») 137
Особенности проявления диалектной системы на территории позднего заселения (на материале речи жителей села Шкуновка Оренбургской области)

CONTENTS

Lexicology and Stylistics

Brajlovskaya Ju. P. Hydronyms of Lugansk (general characteristic)	4
Bychkova Ju. P. Gender stereotypes in proverbs and sayings of the Russian language	9
Klimenko Ju. P. Syntactic and word-forming features of sms messages (on the example of texts of sms messages of students)	15
Klimova A. Figures of dialogism in V. V. Putin's political speeches	21
Marchenko A. S. Language portrait of Donetsk in regional poetry	26
Ramazanova Y. A. Semantic group «own – alien» on the pages of Lipetsk regional press as a phenomenon of linguistic relativity	32
Shapoval A. A. Semantic transformations in the sphere of borrowings	38
Zhukov A.E. Non-official and official names of cult objects as a component of the urban animal space of the city	43
Yurieva E. V. Analysis of the most effective means of the influence on a poster`s addressee	49
Velichko A. R. On some word-forming techniques of language play in the media	58
Yarmak A.P. The polyfunctional character of numerals in the advertising texts	64
Zaitseva A. V. The concept of metadiscourse in the modern theory of communication	70
Kapinosova M. A. Morphological and syntactic errors in the speech of residents of the city of Donetsk	75
Karpenko A.V. Basic principles of interpretation of the “game” frame in artistic text	80

Discourse and Genristics

Avdeeva N.D. On the question of studying phraseological units in school	87
Balanovskaya Y.A. The aspect of the dialogue of cultures in the screen version of Lev Tolstoy's story «Father Sergius» (based on the movie of the italian directors Paolo and Vittorio Taviani «Il sole anche di notte»)	92
Bogoslovskaya N.A. The precedent texts of regional direction as one of the key components of linguistic analysis	98
Chobotova V.O. Onimization of appellative as a way of forming poetonyms of animated works	104

Ivanishcheva A.V. Lipetsk region in the case-law texts of the regional directionality	110
Kalinin S.S. Evolutionary vectors of different russian-based contact idioms	115
Kolupanova T. Yu. Objectivation of the linguoamental complex «Russia / russian» in the language consciousness of writers of the XXI century	120
Polyanskaya A.G. Human image in the language consciousness of Crimean students	126
Verstakova K.T. Distance learning technologies for Russian language teching	132
Voronova S. V. Peculiarities of dialect system on site late check-in (on the material of the speech of the inhabitants of the village Shkunova Orenburg region)	137

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректурa статей авторам не высылается. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf. **Страницы не нумеруются.**

Объем статьи – 6 страниц (полных).

Размещение:

- формат бумаги – А 4;
- поля: сверху и внизу – 2,5 см., слева 3 см., справа 2 см.
- основной шрифт: Times New Roman , размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ – 1 см.;
- межстрочный интервал – 1;
- первая строка – индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа)
 - вторая строка – инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю жирным курсивом: *М.Н. Иванова*;
 - третья строка – название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
 - четвертая строка – сведения о научном руководителе – печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках – (*Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов*);
 - пятая (и при необходимости 6, 7 и т.д.) строка – название статьи – печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
 - через строчку – аннотация на русском языке (12 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова (3-5 слов, курсивом)
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине).
 - а. в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
 - б. для названий произведений используются "угловые" кавычки: «Война и мир»;
 - в. цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть "угловые" кавычки: «..."..."»;
 - г. необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;
 - д. если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

- е. Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М.Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.
(А.Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (12 кегль без абзацного отступа). Словосочетание **ЛИТЕРАТУРА** (Жирный) выравнивается по центру страницы. Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Формат: абзацный отступ – 1 см., выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35-36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. – Саратов: КомКнига, 2006. – 192 с.

2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. – С. 36–42.

4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог, наук: 10.02.19 – теория языка / Комаров Георгий Владимирович – Краснодар, 2007. – 24 с.

5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>

И т.д.

2. Далее приводятся инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по правому краю) **на английском языке**.

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- текст аннотации на английском языке (12 кегль)
- ключевые слова (курсив).

Образец оформления статьи:

УДК 81'42

Н.В. Гладкая

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ
КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ
В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ**

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст текст текст ...

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. - Т. 32. - Вып. 1. - С. 84-90.
2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М., 1996. - № 5. – С. 74-85.
3.

N. V. Gladkaya

**THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED
TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION**

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepestems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential

3. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают **рецензию** научного руководителя.

4. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

5. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.